

современная
зарубежная
повесть

Карел Схуман

В РОДНУЮ СТРАНУ

современная
зарубежная
повесть

Karel Schoeman

NA DIE GELIEFDE LAND

Kaapstad en Pretoria 1972

Карел Схуман

В РОДНУЮ СТРАНУ

ПОВЕСТЬ

Перевод с африкаанс

Москва. «Прогресс». 1978

Перевод *А. К. Славинской*
Предисловие *А. Б. Давидсона*
Редактор *А. М. Михалев*

Схуман, Карел. В РОДНУЮ СТРАНУ

Мужественная и честная повесть южноафриканского писателя свидетельствует о существовании прогрессивных, демократических сил внутри бурского общества — национальной прослойки, занимающей в ЮАР господствующее положение. Герой книги, приехавший на родину после длительного пребывания за границей, оказывается перед выбором: уезжать обратно или остаться в родной стране и примкнуть к тем, кто борется за правое дело.

С $\frac{70304-312}{006(01)-78}$ —119—78

ПРЕДИСЛОВИЕ

Есть книги, в которых все ясно. Иногда уж так ясно, так разжевано... Поставлены все точки над i. То ли автору нелегко даются раздумья, то ли он опасается, что его могут не так понять. Или ему вообще не очень верится, что читатель способен рассуждать сам.

Карелу Схуману такого упрека не бросишь. В его повести есть над чем задуматься.

Книга названа «В родную страну», и сразу возникает вопрос: а что это за страна? А персонажи этой книги? «Эти странные люди», —

думает про себя главный герой. И они действительно странные. Как их понять?

Да и вообще, к какому времени относятся события? Прошлое это? Настоящее? Или, может быть, будущее?

Схуман, хотя и живет довольно давно в Европе, — уроженец Южной Африки. И пусть нигде в романе он не называет «родную страну», у читателя вряд ли возникнет сомнение, что это Южная Африка. Точнее, страна, которая сейчас именуется Южно-Африканской Республикой.

По национальности автор — африканер, или, как сказали бы в давние времена, бур. Африканерские имена носит и большинство героев повести. Значит, речь идет об африканерах, о потомках тех голландцев и французов, которые поселились на Юге Африки больше трех столетий назад. И пишет о них человек из их собственной среды. Пишет на своем родном языке — языке африкаанс. Повесть Схумана — первая книга, переведенная в нашей стране с африкаанс.

С английского языка у нас, как известно, переведено немало южноафриканских повестей и романов. Их авторы в большинстве африканцы, «цветные» — так на Юге Африки называют метисов — или потомки выходцев из Англии. К цветным принадлежат хорошо известные в Советском Союзе писатели Питер Абрахамс, Алекс Ла Гума и множество других. А Надин Гордимер, Джералд Гордон и еще несколько авторов, чьи романы, повести и рассказы переводились на русский язык, — потомки выходцев из Англии.

Что же касается литературы на языке африкаанс, то она нам почти неизвестна, хотя ее вполне можно назвать заслуживающей внимания. У нее богатые традиции и в поэзии и в прозе. Ведь язык африкаанс, наряду с английским, — официальный язык Южно-Африканской Республики, государства с населением в 26 миллионов человек. А для трех миллионов африканеров и для подавляющего большинства цветных, которых насчитывается два с половиной миллиона, это родной язык.

Немало африканерских прозаиков и поэтов получили международное признание. Их книги выходили и далеко за пределами Южной Африки. У нас стали переводить, и то в самые последние годы, наиболее известных поэтов-африканеров. В середине 1977 года издан сборник стихов Эйса Криге. В 1976 году в журнале «Иностранная литература» вышла подборка стихов Ингрид Йонкер. В книге «Из современной поэзии ЮАР», выпущенной в Москве в 1976 году, представлена и африканерская поэзия.

Но об африканерской прозе мы не имеем даже подобного, ограниченного представления. Несколько рассказов в наших журналах и альманахах, к тому же зачастую в переводе с английского, — и это все. В 1977 году издательство «Прогресс» выпустило перевод романа Кристиана Барнарда, врача, прославившегося операциями на сердце. Кристиан Барнард — один из тех, кто снискал себе наиболее широкую и добрую славу в истории африканерского народа. Но свой роман он написал на английском языке. Так что по-

весть Схумана все-таки первая книга, переведенная в СССР с языка африкаанс. И что еще важнее — это первая для нас книга с раздумьями о судьбе африканерского народа.

В переведенных на русский язык книгах о Южной Африке много сказано об участи африканцев, о метисах, о выходцах из Англии и из Индии. Но об африканерах — меньше всего. Настолько мало, что, пожалуй, стоит в предисловии вспомнить хотя бы самые главные вехи на пути этого народа.

Наши деды и прадеды восхищались бурами. Республики Трансвааль и Оранжевая вызывали всеобщую симпатию. Все сочувствовали их героической борьбе против Англии, против могущественной Британской империи. В 1899—1900 годах на призыв буров о помощи откликнулись люди в Германии, в Голландии, Франции, в Соединенных Штатах.

Российские добровольцы тоже проливали кровь за буров. Сестры милосердия из Петербурга перевязывали раненых под Питермарицбургом, а дети и подростки бежали из дому спасать буров. Даже в самых глухих уголках бескрайней России читали сводки о сражениях на юге Старого Света, разглядывали фотографии опоясанных патронташами бородатых бурских генералов в широкополых шляпах. Да и потом гимназисты еще долго зачитывались книжкой «Питер Мариц, юный бур из Трансвааля», а шарманщики играли «Трансвааль, Трансвааль, страна моя...».

По сей день памятью тех лет звучат названия некоторых селений. Претория — на Волге. Или Мыс Доброй Надежды — под Тамбовом.

Все, кто горячо сочувствовали когда-то бурам, видели как бы лишь одну сторону — героическую борьбу буров за свою независимость против Великобритании. Но ведь была и другая сторона. По отношению к коренному африканскому населению буры выступали такими же завоевателями, как и англичане.

В дыме и грохоте англо-бурской войны это обстоятельство как-то упускалось из виду. А людям, следившим за дальним заревом войны с расстояния во много тысяч верст — из Москвы или Парижа, Берлина или Петербурга, — это было тем более трудно.

В те жаркие годы виделось прежде всего мужество буров. Другие их черты, в том числе и культурная отсталость бо́льшей части этого народа, бросались в глаза куда меньше. А отсталость была, в общем-то, очевидной. Уехав из Европы в XVII столетии, буры почти потеряли связь с европейской культурой. Те из них, кто стали фермерами и расселились в глубинных районах Южной Африки, нередко едва умели читать и писать.

Марк Твен, побывав на Юге Африки, дал бурам весьма пеструю характеристику в своей книге «По экватору».

«Суммировав все добытые мною сведения о бурах, — писал он, — я пришел к следующим выводам:

Буры очень набожны, глубоко невежественны, тупы, упрямы, нетерпимы, нечисто-

плотны, гостеприимны, честны во взаимоотношениях с белыми, жестоки по отношению к своим чернокожим слугам, ленивы, искусны в стрельбе и верховой езде, увлекаются охотой, не терпят политической зависимости; хорошие отцы и мужья; они не любят шумное общество в городах, предпочитая ему уединенность, отдаленность, одиночество, пустоту и тишину степи; отличаются здоровым аппетитом и не очень разборчивы в еде... они гордятся своим голландско-гугенотским происхождением, своим религиозным и военным прошлым; гордятся подвигами своего народа в Южной Африке, своими смелыми исследованиями пустынных, не нанесенных на карту земель, куда они отправляются в поисках территорий, свободных от власти ненавистных им англичан, и своими победами над туземцами и англичанами, но больше всего они гордятся непосредственным интересом, какой постоянно проявляет к их делам само провидение. Буры не умеют ни читать, ни писать; и хотя здесь печатаются две-три газеты, однако никто, по-видимому, этим не интересуется; еще до недавнего времени здесь не было школ, детей не учили; слово «новости» оставляет буров равнодушными — им совершенно все равно, что творится в мире...»[1]

В этой характеристике есть и присущая Марку Твену ироничность, и излюбленные им преувеличения. Но все-таки немало и верного.

[1] М. Твен. Собр. соч., т. IX. М., 1961, с. 546—547.

Сами африканеры нередко сравнивают судьбу своего народа с судьбой американцев, австралийцев, новозеландцев. Они любят напоминать, что предки нынешних африканеров стали колонизовать Юг Африки на полтораста лет раньше, чем началась европейская колонизация Австралии и Новой Зеландии и всего через сорок — пятьдесят лет после прибытия первых «отцов-пилигримов» в Северную Америку. Потомки первых европейских поселенцев на Юге Африки назвали себя африканерами (то есть в переводе на русский язык — африканцами), так же как европейцы в Америке назвали себя американцами, в Австралии — австралийцами, а в Новой Зеландии — новозеландцами.

Что ж, потомки выходцев из Европы на Юге Африки, должно быть, имеют право подчеркивать свою связь с Африкой и именовать себя африканерами. Они живут здесь уже три столетия с четвертью.

Но их судьба и нынешнее положение далеко не во всем сходны с положением американцев, австралийцев и новозеландцев. В Северной Америке, Австралии и Новой Зеландии потомки выходцев из Европы — это подавляющее большинство населения. Их неизмеримо больше, чем аборигенов. А на Юге Африки аборигены устояли, выжили в условиях европейской колонизации. Белые в ЮАР составляют меньше одной пятой части населения, а африканеры — и того меньше.

И все-таки в наши дни африканеры занимают господствующее положение в Южно-

Африканской Республике. Они стоят на самом верху той расово-национальной пирамиды, которая создана в стране политикой апартеида. Основание пирамиды, как известно, составляют африканцы, затем, чуть выше их, — южноафриканские индийцы и цветные. Верхушка пирамиды — белые. Африканеры, англичане, немцы. Но и они в глазах правительства неравноценны.

Президенты и премьер-министры Южно-Африканской Республики всегда были африканерами. Африканер и Балтазар Форстер, нынешний южноафриканский фюрер.

Большинство сенаторов, как и большинство депутатов нижней палаты парламента, — тоже африканеры. Государственный аппарат, генералитет, офицерский корпус, органы государственной безопасности, полиция — все укомплектовано главным образом африканерами.

Так что в Южно-Африканской Республике, где социальное деление общества в большой мере совпадает с национально-расовым, африканеры составляют наиболее привилегированную часть населения.

Но в повести Схумана ни о каких особых привилегиях для африканеров речи нет. Герои книги с тоской вспоминают о былом, о временах, когда их деды или отцы были сенаторами, владели громадными землями, распоряжались многочисленной прислугой. Африканеры, выведенные в повести, ничего этого не имеют. Они не нищие, но тоска о прошлом, о богатстве и власти переполняет

этих людей. И большинство из них живет не сегодняшним днем, а воспоминаниями. Лишь среди молодежи раздаются голоса о том, что жизнь продолжается и надо от прошлого уходить

В сюжете книги немало традиционного. В бурской литературе издавна популярна тема постепенного упадка фермы и обнищания ее владельцев, тема судьбы бедствующих потомков богатых родителей.

Но какой смысл вкладывает в это Схуман? Что именно гнетет героев его повести?

И кто такие *они*, являющие собой мрачную силу угнетения, устраивающие полицейские налеты, подвергающие людей пыткам и преследованиям даже за чтение запрещенных книг? Автор не дает ответа на этот вопрос.

В повести действуют несколько африканеров и человек, приехавший из Европы на «родину отцов», пораженный всем, что он видит. Мир, окружающий героев книги, никак не обрисован. В повествовании не участвует никто из черных африканцев, цветных, англичан, индийцев. Ни один. Даже мимоходом. Реальную южноафриканскую жизнь так представить себе просто невозможно.

Но Схуман и не стремится показать вполне реальную жизнь. Наоборот, он с первых же страниц говорит с читателем языком иносказаний и предлагает ему догадываться самому.

Какие же силы повернули судьбу схумановских героев?

Не обрушились ли и на них репрессии ре-

жима апартеида? Создатели этого режима провозглашают себя защитниками интересов африканерского народа. Но ведь этот народ неоднороден, как и любой другой. Разные социальные слои, разные интересы и, наконец, разное отношение к правительству, выдающему себя за выразителя чаяний всех африканеров.

Африканер — Балтазар Форстер, но африканер и Абраам Фишер, которого Форстер осудил на пожизненное заключение и довел до гибели. А ведь Абраам Фишер, коммунист и руководитель революционного подполья, — выходец из бурской аристократии. Среди его ближайших родственников были и премьер-министры, и верховные судьи, и генеральные прокуроры.

Африканер и Брейтен Брейтенбах, один из самых известных сейчас африканерских поэтов. Ему предстоит еще много лет сидеть в тюрьме за выступления против существующих в стране порядков.

Да и самому Схуману пришлось уехать из родной страны.

Можно назвать и другие имена.

Может быть, к числу таких африканеров надо отнести и героев этой книги?

Или, быть может, автор пытается предвидеть катаклизмы, к которым приведет страну безрассудная политика Форстера и его многочисленных предшественников?

Такая попытка сейчас была бы очень своевременна. Южная Африка стоит на пороге грозной бури. В Африке, да и на Западе об этом часто говорят и пишут. И африкане-

ров нередко называют обреченным народом. Ведь в глазах всей Черной Африки появление ненавистного африканцам режима апартеида связано именно с африканерами.

Как тут не задуматься?

И все же, как пишет Карел Схуман, многие африканеры воспринимают жизнь, сложившуюся в условиях апартеида, «как нечто естественное, даже не задумываясь над ее сутью».

Быть может, Карел Схуман решил напомнить своим соотечественникам, что нынешнее положение не вечно, сказать им: поглядите, какой может оказаться ваша жизнь, если с вами будут обращаться так же, как сейчас ваше правительство обращается с африканцами! Поглядите, каково это — побывать на их месте!

Крупнейший южноафриканский прозаик Алан Пэйтон сказал о книге Схумана: «Пожалуй, это шедевр». Нам здесь, за тысячи километров от Южной Африки, трудно вынести столь категоричное суждение. Книга обращена к африканерам, и они, конечно, должны понять и увидеть в ней больше, чем жители других стран и континентов. К тому же Схуман хотел, чтобы его роман вышел в самой Южной Африке, и многие неясности вызваны, должно быть, стремлением провести книгу через цензурные барьеры.

Но сколько бы ни было недоговоренного и неясного в книге Схумана, она дает возможность осязаемо почувствовать тревожную, предгрозовую атмосферу в одной из частей нашей планеты, еще раз убедиться,

что и в наше время не может быть свободен народ, угнетающий другие народы. В повести слышится призыв автора, обращенный к африканерам, задуматься над безрассудством и гибельностью политики властей предержащих.

А. Давидсон

— Кто там? — послышался мужской голос.

Ослепленный резким светом, Георг прикрыл рукой глаза.

— Я ищу дорогу на Ритвлей, — сказал он.

Ответа не последовало. Георг поднялся на ступеньку крыльца. Мужчина шагнул ему навстречу, и луч карманного фонарика заплясал над пустым двором.

— Кто вы? — снова спросил мужчина. — Откуда едете?

Что мог объяснить Георг сейчас, стоя в чужом дворе, этому незнакомому человеку, которого и разглядеть-то было невозможно из-за бьющего в глаза света?

— Я приехал из-за границы.

Мужчина с фонариком молчал.

— Я еду в Ритвлей, — продолжал Георг. —

Но стемнело раньше, чем я ожидал, и я, очевидно, свернул не на ту дорогу.

Мужчина по-прежнему выжидательно молчал.

— У моей матери в Ритвлее была ферма. Мать недавно умерла, и я приехал привести в порядок ее дела.

— Вы сын Анны Нитлинг?

— Да, — ответил Георг, и только тогда фонарик погас.

— Я не знал, что Анна умерла, — после долгой паузы сказал мужчина. — Не знал... Мы слышали, что она уехала с мужем за границу. Но туда уехало много народу, и мы ничего о них не знаем.

— А до Ритвлея отсюда далеко? — спросил Георг.

— В Ритвлее никого нет. Вам незачем ехать туда сейчас.

— Но там должен быть управляющий.

— Там никого нет. Ферма пустует уже несколько лет. Вам не имеет смысла туда ехать.

Дверь дома была слегка приоткрыта, и во двор сочился слабый неверный свет, едва позволявший Георгу разглядеть собеседника, крепкого, широкоплечего мужчину лет пятидесяти, в рабочей одежде цвета хаки.

— Хаттинг, — представился хозяин дома и протянул Георгу руку. — Вы давно приехали из-за границы?

— Вчера. Сегодня я добрался до деревни и нанял там машину: никто не согласился довезти меня до фермы, а позвонить туда я не смог — в Ритвлее, по-видимому, нет телефона.

— В Ритвлее давно уже никто не живет, — повторил Хаттинг, внимательно разглядывая Георга.— А вы что, и родились за границей?

— Нет, здесь.

— Вы говорите с акцентом.

— Когда меня увезли отсюда, я был совсем маленьким.

Это становится похожим на допрос, — подумал Георг. — Он проверяет, действительно ли я тот, за кого себя выдаю, и сомневается, стоит ли мне доверять. Какое же слово надо сказать, какой подать условный знак, чтобы успокоить подозрительного фермера?

— В детстве я несколько раз гостил на ферме у дедушки с бабушкой, но я почти ничего не помню. И вот теперь даже не знаю, как туда проехать. В деревне мне объясняли, но я, наверное, сбился с пути.

— Да, там всегда были дети, — задумчиво сказал Хаттинг. — Внуки, разные племянники и племянницы со своими детьми. Лотти очень любила, чтобы ее окружала детвора.

— Я немного помню бабушку, — сказал Георг, роясь в детских воспоминаниях, воскрешая неясные образы и обрывки рассказов, смысл которых был для него давно утерян.— А на ферме тогда была запруда и росли фиговые деревья.

— Кто знает, где теперь все эти дети. Люди исчезают, не оставляя и следа. Порой даже начинает казаться, что их и вовсе не было.

— Мои родители совершенно потеряли связь с родственниками. Мать, правда, откуда-то узнала, что дедушка с бабушкой умерли, но и то лишь спустя несколько месяцев после их смерти.

Хаттинг молчал, словно что-то обдумывая.

— Заходите, — решительно сказал он затем, видимо услышав то, чего ждал, среди других, незначащих слов, и Георг поднялся вслед за ним по лестнице.

— Это внук дядюшки Георга и тетушки Лотти, сын Анны Нитлинг. Анна умерла, и он приехал, чтобы побывать на ферме.

Остановившись на пороге, Георг увидел прямо перед собой трех молодых людей в одинаковой рабочей одежде цвета хаки. Они стояли плечом к плечу, словно приготовившись помешать его вторжению в их дом. Услышав слова Хаттинга, молодые люди разомкнули строй, и Георг увидел комнату с большим столом посередине и кухонной плитой в углу. Из полутьмы комнаты вышла пожилая женщина. Она торопливо вытерла руки о передник и поздоровалась с гостем. После крепких мужских рукопожатий ее рука показалась Георгу особенно мягкой и податливой.

— Ну, давайте ужинать, — сказал Хаттинг.

Женщина снова отошла к плите и загремела сковородками и кастрюлями. Это, по-видимому, его жена и сыновья, — решил Георг. Пока все усаживались, в комнату вошел еще кто-то, одетый так же, как и остальные. И лишь пожимая протянутую ему руку, Георг понял, что перед ним девушка.

Хаттинг опустил голову и быстро, невнятно пробормотал молитву, после чего за столом воцарилась напряженная тишина, прерываемая лишь позвякиванием посуды — женщины накрывали на стол.

— Мы здесь живем очень просто, — сказал

Хаттинг, — а вы за границей наверняка привыкли к другому.

Это больше походило на объяснение, чем на попытку извиниться перед гостем.

— В Африке для меня все не так, как дома, но мне это интересно...

На ужин подали крутую кашу и вареную фасоль. Девушка принесла кувшин с холодной, прозрачной родниковой водой. Стол был покрыт цветастой клеенкой, разномастные тарелки темнели трещинками и выбоинками. Ему, как гостю, поставили самую лучшую тарелку, с золотым ободком.

Георг услышал стук ложек и поднял глаза. Молодые люди, сидевшие напротив, потупились и продолжали есть, не глядя на него. Георг еще раз оглядел кухню: у окна стоял шкаф с посудой, над плитой высились полки с кастрюлями, а по стенам были развешаны портреты народных героев и политиков, которых он знал по учебникам истории. Георг снова склонился над тарелкой и неожиданно почувствовал давящую усталость после долгой поездки и одновременно с этим какую-то неприязнь к молчаливым обитателям дома, к их грязной одежде, скудной еде, плохо освещенной комнате, непонятности и убогости всего, что было перед его глазами.

Женщина почти не присаживалась. Она продолжала сновать от стола к плите, и Георг чувствовал на себе ее озабоченный и вопрошающий взгляд. У нее было усталое лицо с блеклыми глазами, и она явно выглядела старше своих лет.

Она взглянула на него и вдруг улыбнулась.

— Сразу видно, чей вы сын, — сказала она. — Вы похожи на Анну. Я видела ее всего несколько раз, и это было очень давно, но я ее хорошо помню. Она считалась самой красивой девушкой в округе.

Это были первые слова, сказанные ею за вечер. Молодые люди так и не подняли глаз от тарелок, но за столом стало как-то спокойнее.

Вот, значит, что будет помогать ему здесь — унаследованные от матери черты лица, рот и глаза молодой женщины, той, что состарилась в одиночестве и которой теперь нет на свете.

— Я тогда была помолвлена и гостила здесь на ферме, а Анна уже вышла замуж и приезжала в Ритвлей навестить родителей. Я помню, как хорошо она одевалась, все женщины только и говорили что о ней.

— Она прекрасно ездила верхом, — сказал Хаттинг. — Я как сейчас вижу, как она скачет по вельду на лошади дядюшки Георга.

Георг представил себе мать с развевающимися волосами, верхом на лошади, и ему вспомнилась ее комната, раскиданные на полу журналы, пепельницы, вечно полные окурков, ее сухой кашель, тонкое лицо, постепенно искажавшееся болезнью, морщины, которые она пыталась скрыть косметикой, бутылочки с лекарствами на полке вдоль дивана, а за окном отвесные горы, завершающие игрушечный ландшафт. «Эти проклятые горы!» — говорила она и откидывала плед, которым Георг старательно прикрывал ей ноги. На стене висели картины, привезенные родителями с родины, — пейзажи и жанро-

вые сценки. Георг эти картины просто не замечал. В последние месяцы перед смертью мать тоже перестала на них смотреть...

Женщина все еще разглядывала Георга.

— Вы, наверное, устали, — сказала она озабоченно.

— Я мало спал,— ответил Георг.— В самолете я спать не мог, а прошлой ночью меня слишком взбудоражили новые впечатления, и в отеле я опять не мог заснуть.

Женщина вопросительно посмотрела на Хаттинга.

— Вы можете переночевать у нас, — сказал тот.

— А я вас не стесню?

Женщина уже поднялась:

— Пойду приготовлю вам постель.

— Я уже говорил вам, что мы живем просто, — сказал Хаттинг. — Жизнь у нас здесь нелегкая. Но мы все же еще не забыли, что такое гостеприимство.

Девушка принесла кофейник и налила всем кофе. Молодые люди отодвинулись от стола и вполголоса беседовали о чем-то между собой.

— Вам нельзя сейчас возвращаться в деревню, — продолжал Хаттинг. — Уже совсем темно, а по ночам ездить здесь опасно. Да и потом, в деревне нет даже приличной гостиницы. Оставайтесь-ка лучше у нас. А завтра мы продолжим наш разговор. Нам было бы интересно что-нибудь услышать о ваших родителях.

Вскоре женщина вернулась и молча остановилась возле Георга.

— Вы уж не обессудьте, мы ложимся спать

рано, — пояснил Хаттинг. — Нам ведь приходится вставать на рассвете — на ферме дел достаточно, более чем достаточно. Пойдемте, я провожу вас в вашу комнату.

Георг, с трудом разогнув одеревеневшие от холода и усталости ноги, поднялся из-за стола и кивнул молодым людям. Они посмотрели на него, но ничего не ответили. Георг последовал за Хаттингом по темному коридору в приготовленную для него комнату.

Вчера, подъезжая, он успел разглядеть в свете фар только деревья, забор и глухую стену дома, возле которого остановился спросить дорогу. Проснувшись, он увидел в окно пустынный двор, сараи с проржавевшими крышами, трактор и молотилку. Было уже довольно поздно, но в доме стояла тишина, и во дворе не было ни души. Георг вышел из дома и бесцельно побрел по двору мимо сараев. Остановившись у изгороди из колючей проволоки, он окинул взглядом открывавшееся за последними редкими деревьями голое и унылое пространство, не нарушенное ни холмами, ни крышами домов. Несколько озадаченный, он долго смотрел вдаль, тщетно ища объяснения той страстной любви, тоске и верности — всех тех чувств, невольным свидетелем которых он был с самого детства и которые никогда не овладевали им самим. Никакого объяснения не последовало: пустота и тишина.

Неожиданно во дворе появилась девушка с мешком за спиной. Георг узнал дочь Хаттингов. Заметив его, она на мгно-

вение остановилась, словно чего-то испугавшись.

— Разрешите, я вам помогу? — предложил он, но девушка отрицательно покачала головой.

— Мне только до сарая, — сказала она и быстро прошла мимо.

Машина по-прежнему стояла там, где он поставил ее вчера, и Георг направился к ней как к единственному знакомому предмету в этом чужом месте. Где же хозяева, — удивленно подумал он, — и как бы с ними попрощаться? Ведь уже пора ехать. Но девушка не возвращалась, а из полуоткрытой двери кухни не доносилось ни звука.

В тишине, лишь изредка прерываемой птичьим криком, можно было услышать каждый звук, но Хаттинг подошел к Георгу почти вплотную, прежде чем тот его заметил.

— Осматриваете ферму? — спросил Хаттинг.— Да, здесь за последние годы все пришло в полное запустение. Все было совсем не так, когда я начинал вести хозяйство. Что же делать, мы должны радоваться, что у нас сохранилось хоть это. Ферма досталась мне по наследству от прадеда. Но в его время у семьи было достаточно денег и людей, чтобы содержать хозяйство в порядке. Хорошенького мнения был бы обо мне прадед, доведись ему увидеть ферму в таком состоянии. Да и моего отца нынешние дела тоже не порадовали бы. Он умер, когда все шло еще довольно хорошо.

Засунув руки в карманы, Хаттинг немного помолчал, думая о своем, а затем пригласил Георга завтракать.

Неизвестно, где была до этого его жена, но, войдя в дом, они застали ее на кухне, и на одном конце стола уже был накрыт завтрак. Пока они ели, она не отходила от Георга, подливала ему кофе и всячески за ним ухаживала.

— Вы, конечно, привыкли дома к лучшему, — сказала она.

— Жена готова извиняться по любому поводу, — заметил Хаттинг, — но я этого уже не делаю. Вы приехали из-за границы, но, конечно, и сами знаете, как мы здесь живем. И принимать нас нужно такими, какие мы есть.

— Никто из нас не знает толком, что здесь происходит, — возразил Георг. — Нам слишком редко встречаются люди, которые могут что-то рассказать.

— Ваши родители тосковали по родине? — спросила г-жа Хаттинг.

— Мать очень тосковала, особенно в последние годы, когда болела.

— Давно она умерла?

— С полгода.

— А ваш отец, он жив?

— Тоже умер, несколько лет назад.

— Он ведь, кажется, был дипломатом?

— Да, его послали за границу, когда я был еще ребенком. Там я и вырос.

— Вам повезло, вы уехали вовремя, — сказал Хаттинг. — Все, кто поважнее и побогаче, постарались уехать еще до того, как мы, простые люди, поняли, что дело плохо. Перевели деньги в иностранные банки и сбежали, прихватив все свое добро.

— Они боялись, — сказал Георг.

— Ну конечно. И не зря. Но ведь другие тоже боялись, а все-таки остались,— говоря это, Хаттинг неторопливо набивал трубку. — В этой стране люди делятся на тех, которые остались, потому что не смогли уехать вовремя, и на тех, кто остался по собственной воле, хотя и имел возможность удрать.

— Кого же больше? — спросил Георг.

— Что тут спрашивать? Тех, кто сознательно решил остаться, можно пересчитать по пальцам, но зато это наши лучшие люди.

Г-жа Хаттинг нетерпеливо ждала, когда муж замолчит.

— А вы знакомы с африканерами, живущими за границей? — спросила она.

— Да. В последние годы отец много ими занимался. Он помогал им устраиваться на работу, доставать документы и деньги... Родители часто устраивали приемы, к нам домой всегда приходило много народа...

— Может быть, вы знаете семью Хуго? Денни Хуго, сына судьи?

— Насколько мне известно, они сейчас в Африке. Дела у них, по-моему, идут неплохо.

— Карин Лоттер была одной из моих самых близких подруг. А вы знали Мону Остгуизен, Мону и Нико?

Г-жа Хаттинг села за стол напротив Георга и принялась расспрашивать его, называя одно имя за другим. Георг едва успевал отвечать: родственники, школьные подруги, однокурсники, знакомые и приятели. Она называла имена людей, которые в прежние времена были значительными фигурами в

политических, юридических и академических кругах. С большинством из них Георг был знаком. Он припоминал встречи на приемах и обедах, даваемые шепотом разъяснения — старые, пожелтевшие этикетки титулов, помогавшие опознать каждого из них и прикрепленные к ним, как таблички к растениям в ботаническом саду. «...сенатор Линдеман...», «...профессор ван ден Хеевер...», «...урожденная дю Плесси...», «Это не сестра Самни?..» Все эти титулы и звания ничего больше не значили, вся иерархия давно распалась, но они цеплялись за них, как за перила крутой и темной лестницы в окружающей их действительности.

Г-жа Хаттинг сидела, сложив руки перед собой на столе, и называла все новые и новые имена, удивленная и обрадованная тем, что они знакомы Георгу, и при этом даже не пыталась уследить за тем, что он рассказывал. «Он удачно женился, — вставляла она по ходу рассказа, — у отца Эрны было целых четыре фермы, а может быть, даже все пять... Мы были у них на свадьбе, ты помнишь, отец? — И, не давая мужу ответить, продолжала: — Это была шикарная свадьба. Не помню, уж сколько приехало министров, военных... Человек семьсот гостей, не меньше...» Георг наконец понял, что ей совершенно неинтересно, что стало с этими людьми теперь. Для нее прошлое со всеми этими упраздненными титулами и несуществующими больше должностями было гораздо ближе, чем отделенное от нее тысячами километров непостижимое настоящее. Ее бледное лицо порозовело, глаза заблестели.

Сам Хаттинг все это время сидел рядом, молча слушая их разговор, но во время очередного монолога жены почему-то забеспокоился и вскоре встал из-за стола.

— Ну, что ж, — сказал он, — пора идти работать.

Она замолчала, оборвав воспоминания на полуслове.

— Мне тоже пора ехать, — сказал Георг.

Хозяева удивленно посмотрели на него.

— Куда? — спросил Хаттинг.

— Мне нужно все-таки попасть в Ритвлей.

— Куда вы так торопитесь? Я ведь уже говорил вам, что там никого нет. Ферма давно пустует.

— Все равно мне надо туда съездить.

— Вы еще успеете. Вы не вправе уезжать так скоро. Нам очень редко выпадает возможность поговорить с человеком из-за границы. Вы еще о многом должны нам рассказать.

— Здесь в округе есть люди, которые непременно захотят вас повидать, — сказала г-жа Хаттинг, — люди, хорошо знавшие дядюшку Георга и тетушку Лотти. Они наверняка помнят и вашу мать...

— Я уже забыл, когда у нас в последний раз были гости, — добавил Хаттинг. — Сюда теперь никто не ездит. Даже соседи, которых осталось-то наперечет, и те наведываются не часто. Вы должны погостить у нас хотя бы несколько дней. Вы надолго приехали?

— Я взял отпуск на неделю. Обратный билет уже заказан.

— У вас есть еще какие-нибудь дела, кроме поездки на ферму?

— Я не строил никаких планов, просто собирался немного поездить, посмотреть страну и, может быть, отыскать следы моих родственников...

— Как может сейчас кому-то прийти в голову путешествовать по этой стране? От прежнего не осталось ничего, а что касается ваших родственников, то лучше не задавать слишком много вопросов. Вы можете доставить неприятности и себе, и другим. Оставайтесь-ка у нас.

— Оставайтесь, — подхватила г-жа Хаттинг.

— Спасибо, вы очень любезны. Я могу, конечно, ненадолго задержаться, если только это не будет для вас обременительно.

— Здесь еще существует гостеприимство, — сказал Хаттинг, — еще существуют традиции, которые мы стараемся сохранить.

Г-жа Хаттинг начала убирать со стола, и Георг вышел вслед за Хаттингом во двор.

— В какой стороне Ритвлей? — спросил он.

— Вон там, милях в десяти отсюда. Вы вчера свернули правильно, нужно было только проехать немного дальше, — объяснил Хаттинг. — У вас еще будет время побывать там. Можете поехать туда завтра, если хотите. Жена покажет вам дорогу. Она давно собирается навестить тетушку Мими, а Модерсгифт в той же стороне, что и Ритвлей.

Последние слова он проговорил уже уходя. Георг остался один в пустынном дворе, по которому гулял ветер, раскачивающий камедные деревья. День был серый, пасмурный. Где же солнце? — недоумевал Георг. Его по-прежнему раздражали убогость и бес-

цветность всего вокруг: запущенность дома и двора, оторванный лист железа, стучавший под порывами ветра на крыше сарая. На всех открытках и журнальных фотографиях обязательно были и солнце, и голубое небо с белыми облаками, горы фруктов, смеющиеся туземцы в экзотических нарядах, белый песчаный берег и львы в высокой траве... Ветер забивал глаза пылью.

Зачем он здесь, на этой забытой богом ферме, с незнакомыми людьми, уговорившими его остаться только потому, что своим приездом он нарушил унылое однообразие их жизни? Впрочем, не в равной ли степени бессмысленно было бы пытаться за несколько дней осмотреть всю эту огромную страну? Ну что ж, он задержится здесь до завтра, побывает в Ритвлее, а потом вернется домой. Ведь он и приехал сюда ради того, чтобы увидеть Ритвлей.

Г-жа Хаттинг выглянула в окно.

— Будет дождь,— задумчиво сказала она. — Я хотела сегодня помыть окна, но, видимо, лучше подождать. Иногда думаешь, что все это вообще не имеет смысла.

— Чем я могу вам помочь? — спросил Георг.

— Нет, нет, ничего не нужно. Лучше присядьте и расскажите мне что-нибудь.

Она бродила по кухне в стоптанных войлочных туфлях, то и дело открывая дверцы шкафов, что-то доставая и перекладывая с места на место.

— Здесь все время уходит на хозяйство. Ах, как вспомнишь, что у свекрови было

пять служанок, а когда в доме делали уборку, она нанимала еще нескольких женщин!.. В такие дни дядюшка Виллем всегда уходил обедать к соседям.

— Вы давно здесь живете?

— Мы переехали сюда, когда Иоганнес был еще совсем маленьким. До этого мы с мужем жили в городе, у него была хорошая работа, он прилично зарабатывал. — Она принесла старое одеяло и расстелила его на столе. — Но когда в городе начались *волнения,* мы решили, что гораздо разумнее переселиться на ферму, ведь у нас было уже двое малышей, а все вокруг казалось таким ненадежным. — Она положила поверх одеяла простыню и принялась не спеша гладить белье.

Ей необходимо поговорить, — подумал Георг, когда г-жа Хаттинг, почти не обращая на него внимания, начала рассказывать о себе. Просто поговорить, чтобы хоть ненадолго избавиться от затаенного горя и накопившихся обид. Одета она была довольно небрежно, на кофте не хватало пуговиц, волосы стянуты в узел, и только черты лица еще напоминали о былом изяществе и утраченной красоте.

— Я до сих пор не могу привыкнуть к такой вот жизни, — неожиданно резко проговорила она, словно защищаясь от какого-то упрека. — В доме родителей мне ничего не приходилось делать самой, а когда я вышла замуж, у нас тоже была прислуга. Не думала я, что когда-нибудь придется жить, как сейчас, но нужда заставила, а выпавшие на нашу долю испытания многому меня научили. Закончив школу, я поступила в

университет. Отец хотел, чтобы я училась. Хорошо хоть, ему не довелось увидеть, что теперь вышло из моей учености. Но тогда было прекрасное время, — ее лицо просветлело от воспоминаний. — У нас была веселая студенческая компания: Марес, Бен Мейер, Карин — я вам про нее уже говорила, — Леон Гроббелаар, которого потом арестовали, и Лен Ботес, впоследствии погибший во время *волнений*. Вы о нем, конечно, ничего не слышали, а в ту пору он считался очень способным молодым человеком. Мы тогда часто играли в теннис на корте его родителей. Он был хорошим теннисистом, а на первом курсе немного ухаживал за мной. Нет, между нами ничего не было, мы просто ходили в кино и на танцы...

Рассказывая, она продолжала рассеянно гладить белье — простыни, рубашки, носовые платки. Георг почти не слушал ее: сколько раз он уже слышал подобные рассказы, отличавшиеся друг от друга лишь незначительными деталями. Разговоры на теннисных кортах и в бассейнах, в директорских кабинетах и в залах заседаний, имена друзей, сообщения о наградах, прибылях, успехах по службе и победах над слабым полом. На приемах и коктейлях в доме родителей или у знакомых звучали одни и те же воспоминания и без конца перечислялись одни и те же факты, составлявшие как бы часть капитала, на который изгнанникам приходилось жить на чужбине. Но то были люди, сумевшие начать другую жизнь, — люди, пространством, временем и новыми заботами навсегда отделенные от жены фер-

мера в заношенной кофте: только прошлое было для них общим, только воспоминания еще связывали их.

Где-то в конце коридора хлопнула дверь. Г-жа Хаттинг сделала вид, что ничего не услышала, но ее улыбка угасла, и она прервала свой рассказ. Только пальцы продолжали рассеянно теребить простыню.

— Нужно испечь пирог, — сказала она, — ведь у нас гость.

— Из-за меня не стоит беспокоиться.

— Какое же это беспокойство? — Она взяла из стопки белья рубашку.— А вы пока побродили бы по дому. Может быть, найдете что-нибудь почитать, там где-то есть старые журналы...

Она отвернулась от него и направилась к плите за утюгом, снова погрузившись в свои мысли и словно забыв о его присутствии.

Собственно говоря, ему едва ли стоило предпринимать эту поездку. За неделю увидишь немного, а вопросы, связанные с фермой, можно было уладить и через переписку. Кроме того, уехавшие отсюда обычно назад не возвращались. Конечно, если бы он был старше и хорошо помнил эту страну, то, возможно, предпочел бы свои воспоминания новой действительности. А будь он чуть моложе, у него не было бы вообще никаких воспоминаний и он не ощущал бы никакой связи с этой страной, не испытывал бы потребности увидеть ее. Но у него все же оставались некоторые воспоминания, вернее, смутные, расплывчатые картины того, что

он для себя называл Африкой и что вызывало в нем смешанное чувство любви, тоски и любопытства... Вот почему он все-таки решил воспользоваться случаем и приехал сюда, чтобы попытаться хоть ненадолго вернуть ускользающее прошлое, отыскать хотя бы часть исчезнувшей действительности и попробовать разобраться в своем отношении к стране, которую он называл родиной...

Он приехал на неделю, всего только на неделю, и вот он уже третий день здесь. Время уходит, его остается все меньше и меньше, оно убывает быстро и неумолимо, убывает и сейчас, пока он идет по коридору незнакомого дома, открывая одну дверь за другой. Пройдет еще несколько дней, и ему придется уехать отсюда, ничего не отыскав и не приблизившись к разгадке ни одной из многочисленных тайн.

Там, дома, много дел, — вспомнил он и помедлил на пороге, держась за ручку двери. Даже эту одну неделю он с большим трудом высвободил для своей никчемной и сентиментальной поездки. Вилла, на которой умерла мать, ожидает его приезда, его ждут ее вещи, которые нужно разобрать и привести в порядок, — он и так уже достаточно долго откладывал это. Занятый своими мыслями, Георг рассеянно осматривал комнату за комнатой. Впрочем, и смотреть было почти не на что — многие комнаты пустовали или использовались как кладовые. Дом был большой, с высокими потолками, и отдельные предметы обстановки терялись в просторных помещениях: шкаф с потускневшим зеркалом, кровать, стол со стульями посредине

комнаты, старинное бюро с откидной крышкой. Часть обстановки была старой и добротной — свидетельство былого достатка хозяев, — к ней никак не подходила более новая и дешевая мебель: кухонный стол с пластмассовым верхом, стулья с алюминиевыми ножками, искусственная кожа и пластик кричащих тонов. Такую же невозможную смесь представляли собой и развешанные по стенам вырезки из журналов и цветные видовые открытки рядом с пожелтевшими портретами национальных героев и оправленными в тяжелые рамы семейными фотографиями: важные, серьезные мужчины, женщины в нарядных туалетах. Вот это, наверное, спальни,— решил он, однако в комнатах не было почти ничего, подтверждавшего, что ими пользуются. Только случайно забытые мелочи — расческа, носовой платок, карандаш — указывали на присутствие людей в пустом доме.

Да, там у меня еще много дел, — снова подумал он. Его мать никогда ничего не выбрасывала, и с годами ее жизнь все больше и больше заполнялась вещами, как необходимыми, так и абсолютно ненужными, до тех пор, пока они не загромоздили виллу настолько, что в этом хаосе ничего нельзя было найти. Интересно, сколько времени понадобится ему, чтобы все разобрать: картины и гравюры, которые коллекционировал отец, его книги, драгоценности, которые он дарил матери и которые она редко носила, и множество ее личных вещей: письма, альбомы с вырезками и фотокарточками — неотъемлемая часть ее жизни все те долгие

годы на чужбине. А может быть, было бы правильнее остаться дома и внимательно просмотреть все эти выцветшие фотографии и газетные вырезки? Может быть, по ним он понял бы больше, чем сейчас, оказавшись в далекой чужой стране и живя у людей, которые, правда, говорят на одном с ним языке, но с которыми у него нет ничего общего.

Дом был старый. Каждое новое поколение достраивало его по своему усмотрению, и длинный коридор отклонялся то в одну, то в другую сторону, а ступеньки вели то вверх, то вниз. Над головой послышался треск, закружились, падая, хлопья штукатурки. Нащупав в темноте ручку, Георг распахнул дверь какой-то комнаты и увидел молодого человека, который при его появлении резко отскочил к стене и, казалось, приготовился обороняться.

Секунду они изумленно и встревоженно смотрели друг на друга. Затем Георг узнал его. Это был один из троих парней, сидевших вчера вечером на кухне.

— Что вам здесь нужно? — угрюмо спросил он Георга.

— Ваша мать разрешила мне осмотреть дом.

А действительно ли г-жа Хаттинг его мать? Ведь никто этого Георгу не говорил.

— Вы что-нибудь ищете?

— Нет, просто брожу по дому.

Молодой человек глядел на него подозрительно и враждебно, будто был по-прежнему готов в любой момент отразить нападение. Георг повернулся и молча вышел из комнаты. В коридоре он немного постоял, пока глаза не привыкли к темноте. Все было тихо,

лишь через некоторое время он услышал за дверью осторожные шаги.

Тучи затянули все небо. Стало темно.

— Будет дождь, — сказала г-жа Хаттинг, накрывая на стол. — Может быть, наши мужчины придут обедать домой.

— Они не придут, — возразила ей девушка.

— Увидят, что начинается дождь, и, может быть, придут.

— Не придут. Если пойдет дождь, они спрячутся в фургоне. Хлеб у них есть, а Иоганнес взял с собой кофе.

— Садитесь есть, — позвала Георга г-жа Хаттинг.

На кухне было совсем темно. Только скатерть белела на столе.

— Мы живем очень скромно, и обед совсем простой.

— Все у нас нормально, — резко сказала девушка. — И незачем каждую минуту извиняться.

— Ты просто не видела ничего другого, — вспылила г-жа Хаттинг. — Ты здесь выросла и не знаешь ничего лучшего. А я не привыкла подавать гостям на обед только хлеб и кофе.

— Пора бы и привыкнуть. Ты тоже давно так живешь.

Г-жа Хаттинг ничего ей не ответила.

— Я открыла банку конфитюра, — сказала она Георгу.

Девушка молча допила кофе, не притронувшись к конфитюру.

Когда после обеда Георг шел через двор, порывистый ветер рвал на нем рубашку.

Дождь вот-вот должен был начаться, но Георгу не хотелось оставаться в пустом доме. Высокая трава колыхалась, ветер раскачивал деревья и брызгал в лицо первыми каплями дождя. Затем хлынул ливень, и Георг едва успел добежать до сарая.

Коричневые потоки заливали двор, дождь рвался в открытую дверь. Это затянется надолго, понял он и, усевшись на ящик в углу, прислонился к стене и принялся оглядывать сарай, заваленный перегнившей соломой, высохшими кукурузными кочерыжками и пустыми ящиками. Понемногу глаза привыкли к темноте, и он увидел висевшую на стене сбрую, лестницу, которая вела на чердак, и наверху — беспокойную темную тень, постепенно приобретавшую очертания человеческой фигуры. На чердаке кто-то сидел и следил за ним.

Некоторое время оба не двигались. Георг слушал мерный стук капель, падавших из дырявой водосточной трубы. Интересно, кто это? — думал Георг. — Девушка? Почему же она ничего не говорит?

— Вы меня видите? — крикнул он, поворачиваясь к чердаку.

Ответа не последовало. Георг решил было, что ошибся и принял за человека сваленные на чердаке тюки, но тут фигура зашевелилась, и послышался тихий смех.

— Вижу, — отозвались сверху.

Голос был ломкий, почти мальчишеский. Георг поднялся и подошел к лестнице.

— Ты давно там сидишь?

— Давно. Я забрался сюда еще до дождя. Вы сначала меня не заметили?

— Можно мне подняться?

— Можно, если никому не скажете, что видели меня здесь.

Георг поднялся по лестнице на темный чердак.

— А тебе что, нельзя сюда лазить?

— Я должен разбирать картофель. Но Иоганнес ушел в поле, а я спрятался тут.

— Зачем?

Юноша ничего не ответил.

— Я видел, как вы шли по двору. Я так и знал, что вы укроетесь здесь от дождя. Вы ведь меня не заметили? — снова спросил он и засмеялся, словно это была победа, которой он гордился.

Они помолчали, слушая стук дождя по цинковой крыше.

— Куда вы шли? — спросил юноша.

— Я просто бродил, осматривал ферму.

— Ну и как?

— Трудно сказать. Для меня здесь все слишком ново и необычно.

— Где вы живете?

— В Швейцарии.

Юноша помолчал, как будто что-то обдумывая.

— Там, в Швейцарии, горы, — сказал он,— Альпы.

— Верно.

— И коровы с колокольчиками на шее. Я читал об этом. И столица Женева, — добавил он.

— Столица Берн.

— Вы женаты? Где вы работаете? Какой у вас дом?

Впервые за все это время здесь кто-то заинтересовался им самим, и это неожиданное любопытство удивило Георга.

— Я не женат. Живу в Женеве, а работаю в издательстве.

Юноша молчал, по-видимому ожидая продолжения.

— У моей матери была вилла под Лозанной, — добавил Георг, — на другом берегу Женевского озера.

— А как выглядит ваш дом?

Георг заколебался:

— У меня квартира на шестом этаже, довольно просторная, с большой гостиной.

Юноша внимательно слушал.

— Там много книг, несколько картин из коллекции отца, в гостиной персидский ковер и большой камин. Я его топлю зимой.

Георг не знал, что еще рассказать.

— Зимой мы ездим в горы кататься на лыжах, — сказал он, но больше ничего уже не мог придумать и замолчал.

Рассказ о привычных деталях его жизни слишком чуждо и нелепо звучал в темном сарае, под стук дождя над головой и в присутствии человека, лица которого он не мог разглядеть. Он только чувствовал запах земли и пота — запах человека, работающего в поле. Что он может знать о персидских коврах, виллах и лыжах? Знает ли хотя бы, что означают эти слова?

— А почему тебя это интересует? — спросил Георг.

Юноша резко вскочил на ноги.

— Пойдемте, — сказал он.

— Куда?

— Иоганнес в поле, но идет дождь, и все могут вернуться. Нельзя, чтобы нас застали здесь.

Открыв какую-то дверь, он потянул за собой Георга.

— Только никому об этом не рассказывайте, — прошептал он.

Они оказались под самой крышей. Согнувшись, пробрались между наклонными балками и очутились на другом, просторном чердаке, освещавшемся через слуховое оконце. Вокруг стояли ящики, к стенам были прислонены старые картины и рамы от портретов, а на полу валялись огарки свечей, пожелтевшие листы старых журналов и лежал матрас, на который и уселся юноша.

— Я здесь закрываюсь, и меня никому уже не найти.

Теперь, когда Георг наконец смог его разглядеть, он узнал самого младшего из троих братьев, парня с живым лицом и темными глазами. Георг встретил его внимательный, любопытный взгляд, но юноша тотчас же отвел глаза в сторону.

— А зачем тебе прятаться? — спросил Георг.

— Зачем? Чтобы побыть одному, чтобы заниматься своими делами.

— А чем ты любишь заниматься?

— Да чем угодно, лишь бы не тем, что приходится делать каждый день — колоть дрова, разбирать картофель, работать в поле.

— Почему же ты живешь здесь, если тебе все это не нравится?

Юноша задумчиво разглядывал стену и паутину под потолком.

— Сразу видно, что вы ничего не знаете о нашей жизни, — сказал он с некоторым превосходством. — Все это не так просто, как вы думаете. — Он нетерпеливо повел плечами. — Давайте не будем говорить о ферме. Давайте забудем о ней. Я хочу поговорить с вами о чем-нибудь другом, о том, чего здесь нет, о том, чего я не видел.

Заметно волнуясь, он поднимал с пола кусочки штукатурки и рассеянно бросал их в портрет, прислоненный к стене.

— Кто это? — спросил Георг, указывая на портрет.

— Не знаю, чей-то прадед. Нам досталась целая куча этих портретов, когда другие уезжали.

— Куда уезжали?

— Подальше отсюда.

Серьезное лицо в застекленной раме оставалось невозмутимым: солидный бородатый человек в костюме со стоячим воротничком, а где-то на заднем плане — семья, ферма, слуги, далекий мир двуколок, керосиновых ламп, церковных служб и фамильной гордости.

Юноша неожиданно рассмеялся.

— Знаете, я впервые в жизни говорю с человеком из-за границы, с кем-то, кто не знает нашей жизни и кому она кажется необычной.

— Разве к вам никто не приезжает?

— Соседи с ближайших ферм, конечно, заглядывают, но они не в счет. А еще наведываются из полиции или из кооператива. Вот и все.

— А из деревни?

Юноша безучастно глядел перед собой, продолжая бросаться кусочками штукатурки.

— Мы редко бываем в деревне.

— Разве можно жить так обособленно?

— Не знаю. Отец считает, что можно. Да вы этого все равно не поймете, — чуть высокомерно сказал он и переменил тему: — Посмотрите сюда.

Он отодвинул от стены один из больших ящиков, и Георг увидел, что внутри ящика сделаны полки, на которых стоят книги. Очевидно, юноша хотел удивить его, но Георгу было трудно даже попытаться изобразить удивление при виде нескольких десятков потрепанных книг.

— Что это? — спросил он, не зная, что говорить.

— Книги, которые я собирал сам. О них никто не знает.

Таинственность, с которой это было сказано, вызвала у Георга ощущение некоторой неловкости — юноша уже слишком взросл для детских игр с тайниками и запрятанными сокровищами. Дождь начинает утихать,— подумал Георг, сейчас можно будет извиниться и уйти.

— А зачем их прятать?

Пока ему не оставалось ничего другого, как задавать вопросы. Обычный разговор с этим молодым человеком, судя по всему, был невозможен.

— Тут собраны книги, которые мы не имеем права хранить. Они запрещены. У нас будут неприятности, если вы скажете кому-нибудь, что видели их в нашем доме. Понятно?

— Зачем мне это кому-то говорить? — возразил Георг и наклонился рассмотреть книги.

Это была странная коллекция: книги по истории, политические трактаты, пьесы, сборники стихов, романы. Сюда затесался и вызвавший у Георга улыбку альманах для школьниц. Большинство книг были старыми, многие из них он помнил еще по родительскому дому. Часть книг была обернута в коричневую бумагу, а у некоторых отсутствовали даже обложки. Он нашел несколько случайных книг на английском и одну на голландском — старинную Библию с золоченым обрезом.

— И все эти книги запрещены? — чуть насмешливо спросил он, не желая и дальше принимать участие в затянувшейся игре.

— Да, *они* считают, что там содержатся опасные вещи.

— Какие же?

— Подрывные, подстрекающие, не знаю какие еще. *Они* ведь перед нами не отчитываются.

Георг равнодушно листал книги, читая надписи на титульных листах: «Марии от папы и мамы», «И. Хуман, Негенде-страат — 156», «Рождество 1947 года».

— Как они сюда попали?

— По-разному. Часть была у нас дома, часть я достал, а остальные бросили уезжавшие.

— Ты их читаешь?

— Да, когда бываю один.

Георг продолжал безо всякого интереса рыться в книгах. Потрепанные переплеты,

хрупкая бумага военных лет, гладкие блестящие страницы. Попадалось и кое-что отпечатанное на машинке — пожелтевшие листы, истрепанные по краям.

— Зачем ты их мне показал, раз это так опасно?

Юноша глянул на него с матраса любопытным взглядом и тотчас же отвел глаза. Все еще чувствуя неловкость, Георг принялся неуклюже складывать книги обратно в ящик.

— Сам не знаю зачем. Я их еще никому не показывал. О них никто не знает. А тогда ведь в этом нет никакого смысла.

— Если будут обыскивать ферму, их легко найдут, — заметил Георг.

Юноша ничего не ответил. Он неподвижно лежал на спине и смотрел в потолок.

— Дождь кончился, — сказал Георг. — Мне пора идти.

— Вы никому не скажете об этом?

— Не скажу.

Георг немного помедлил, чувствуя, что в чем-то ошибся, хотя и не мог понять в чем. Что еще он должен был сказать или сделать? Он повернулся и направился к двери.

— Закройте за собой дверь, — крикнул ему юноша, когда Георг уже пробирался между балками под низкой крышей.

Дождь кончился, ветер разогнал тучи, было свежо и сыро. Отойдя по узкой каменистой тропинке довольно далеко от дома, Георг остановился и оглянулся. Позади он увидел сгрудившиеся крыши, каменные стены дома, кактусы и фиговые деревья, ветря-

ную мельницу, а за всем этим—даль полей. Неужели это и есть то, что он искал, — с удивлением подумал он. Неужели это и есть ответ? Неужели об этом мечтала и тосковала его мать и неужели до этого пыталась дотянуться руками перед смертью, одурманенная лекарствами и наркотиками? Одинокий дом, несколько деревьев, каменистая тропинка и тишина под высоким небом, по которому быстро проносятся облака.

Неожиданно он заметил вдали человека, гнавшего коров, узнал в нем Хаттинга и остановился, чтобы подождать его.

— Вот, — сказал, подходя к Георгу, Хаттинг, — веду коров в загон. Здесь был сильный дождь? Да, слава богу, нынче хороший год. А ведь иногда едва хватает, чтобы не умереть с голоду. Но в этом году дела идут вроде бы неплохо.

— На ферме живет только ваша семья? — спросил Георг.

— Да, а кто же еще? — Хаттинг метнул в Георга настороженный взгляд.

— Но вам, наверное, трудно самим вести хозяйство на такой большой ферме?

Легкое, едва заметное напряжение исчезло с лица Хаттинга.

— Мы и так потеряли бо́льшую часть земли. Многое у нас отняли, а кое-что пришлось продать в неурожайный год. Правда, и при этом у нас еще осталось больше, чем мы в состоянии обработать сами.

Коровы знали дорогу домой и пошли дальше, не дожидаясь хозяина.

— А стоит ли оставаться на ферме? — спросил Георг.

— Жить тут нелегко, но что мы можем поделать? Здесь по крайней мере сохраняешь хоть какую-то независимость. На жизнь нам хватает, мы среди своих, и нас более или менее оставили в покое...

Они направились к дому.

— Вы видели кладбище? — спросил Хаттинг.

Георг и не заметил, что за каменной стеной у тропинки находится кладбище.

— Теперь тут не хоронят, но почти все мои предки покоятся здесь.

Георг увидел каменные надгробья с грубо высеченными надписями, разрыхленную землю, цветы.

— Мы поддерживаем все это в порядке. Единственное, что мы еще можем сделать. Так мало сохранилось от прошлого, только могилы, дом и несколько старых портретов... Даже наша Библия пропала, старинная Библия восемнадцатого века на голландском языке, наша семейная реликвия, очень ценная вещь. Еще совсем ребенком я мечтал поскорее стать взрослым, чтобы только подержать ее в руках. И вот она пропала, как пропало и многое другое... иногда прямо у нас на глазах.

Они остановились у стены и поглядели на могилы. Ветер гнал облака, заходящее солнце освещало кладбище, серые стены дома и крыши сараев. Постояв немного, они двинулись дальше, к дому.

— Может быть, затопим сегодня? — предложила г-жа Хаттинг, вопросительно глядя на мужа.

— Нам не хватит дров на зиму, если мы начнем топить уже сейчас, — возразил ей старший сын.

Да, конечно, это братья, решил Георг. Сходство между ними было особенно заметно, когда они вот так, рядом, сидели за столом. Но он тут же увидел, какие они разные. Иоганнес был единственным из трех братьев, чье имя было известно Георгу. Это Иоганнес отскочил к стене, когда Георг утром случайно зашел в его комнату, и это он приходил за кофе для отца и брата. Он был похож на своих братьев — с таким же высоким лбом и широко расставленными глазами. Лицо его было бы приятным, даже красивым, если бы не настороженное выражение, застывшее на нем словно маска, и не суровость, особенно заметная в глазах и линии рта.

— Там в сарае есть еще кукурузные кочерыжки, — задумчиво сказал он.

Лицо старшего брата было лишено всякой привлекательности. Глаза были тусклыми, движения вялыми. Лицо это само по себе показалось маской, и трудно было даже представить, что за столь безжизненными чертами могут скрываться какие-то чувства.

— Как ты думаешь, сколько будут гореть кочерыжки? — спросил он Иоганнеса.

— Достаточно, чтобы растопить камин.

— А кто сказал, что вообще нужно топить?

— Зачем же мы все время запасаем дрова, если не можем позволить себе хоть раз затопить? — спросил третий, тот, с которым Георг беседовал на чердаке.

Георг переводил взгляд с одного брата на другого, выискивая сходство и различия.

Да, этот парень гораздо моложе братьев, у него живое, подвижное лицо, он открыто говорит то, что думает, и глаза смотрят пока без всякой настороженности.

— Мы должны беречь дрова на то время, когда они действительно понадобятся.

— Вы готовы все беречь: гвозди, консервные банки, старые покрышки...

— В свое время все это может пригодиться.

— Тут была одна такая холодная зима, как раз когда мы сюда переехали. Нам не хватило дров, и пришлось пустить на растопку мебель, — словно забыв о своем же предложении, объяснила Георгу г-жа Хаттинг.

Георг видел, что все затеяно ради него, и, чувствуя себя неловко от этого затянувшегося разговора, обдумывал, как бы сказать хозяевам, что он охотнее всего пошел бы спать сразу после ужина.

— Ничего, мы можем на часок затопить. Дров достаточно, хватит на всю зиму, — решительно прекратил их спор Хаттинг. — К тому же у нас гость.

Эти слова были как бы рефреном ко всему, что говорили хозяева, оправданием всякого отклонения от заведенного порядка. Если молодые люди держались в стороне, ничем не выказывая своего отношения к гостю, то для их родителей присутствие Георга было, весьма очевидно, большим событием. Г-жа Хаттинг поставила на стол пирог, младшего сына отправили за дровами, а Хаттинг предложил Георгу выпить стаканчик бренди. Он достал бутылку и осторожно,

с затаенным волнением наполнил стаканы Младший брат пил маленькими глотками. почти через силу. Иоганнес выпил свою порцию залпом и вытер рукой рот. Старший брат молча уселся в углу, зажав стакан в ладонях.

После бренди Хаттинг стал гораздо разговорчивей. Взяв Георга под руку, он повел его в гостиную.

— Мы очень редко сидим здесь, — сказала последовавшая за ними г-жа Хаттинг. — На кухне как-то уютнее.

Она поправила безделушки на камине, торопливо вытерла передником стол.

— Ну и сырость здесь, — сказал младший сын, растапливавший камин. — Нужно топить всю ночь, чтобы в этой комнате стало тепло.

— Не понимаю, почему ты вечно чем-то недоволен, — оборвала его г-жа Хаттинг.

Старшие братья вошли в комнату и остановились возле двери со стаканами в руках.

— Будем надеяться, что к утру Пауль все-таки растопит камин, — сказал Иоганнес.

Значит, его зовут Паулем, этого юношу с чердака, — отметил про себя Георг. Пауль покраснел и, оторвавшись от работы, сердито поглядел на брата.

— Мог бы сделать это сам, раз у тебя лучше получается. Тебе бы только придираться!

— А кому так хотелось затопить камин, мне, что ли? Нечего сваливать свою работу на других.

— Трепло!

— Тише вы там! — прикрикнул на них Хаттинг, пододвигая стулья поближе к камину. — Да, у нас нелегкая жизнь, все время занято работой. Некогда даже отдохнуть и повидаться с друзьями.

— Раньше было совсем не так, — сказала г-жа Хаттинг. — А теперь случается, целый месяц нового лица не увидишь.

— Да и кто теперь остался в нашем округе? Люббесы уехали, Висажи — тоже. Ритвлей давно пустует, а Хейнингклоф теперь принадлежит правительству. Они даже название изменили. А ведь это была одна из самых старых и богатых ферм.

— Твой отец всегда говорил, что Хейнингклоф и Ритвлей — самые красивые фермы, — подтвердила г-жа Хаттинг.

Слушая их, Георг одновременно ловил краем уха разговор братьев, язвительное и монотонное ворчание Иоганнеса, сердитые ответы Пауля, которому никак не удавалось разжечь камин. «В другой раз... — донеслось до него, — лучше поздно, чем никогда...» Широко расставив ноги, Иоганнес стоял возле камина с самоуверенной и довольной улыбкой. Старший брат, тоже улыбаясь, стоял чуть поодаль. Они продолжали какую-то давнюю перепалку, смысл которой был Георгу непонятен.

— Нужно начинать с малого, — сказал Иоганнес. — Пока ты не научишься хотя бы разжигать огонь, тебе рано думать о мужских делах.

— А что ты называешь мужскими делами? — огрызнулся Пауль.

— То, о чем детишки, вроде тебя, слышат,

когда им разрешают вечером посидеть со взрослыми.

Было заметно, что ему доставляет удовольствие злить брата.

— Долго же ты копаешься! Я бы не хотел стоять рядом, когда тебе придется запаливать фитиль,— неожиданно вставил молчавший до сих пор старший брат.

Иоганнес засмеялся. Пауль хотел что-то ответить, но тут они заметили, что Георг прислушивается к их разговору. Иоганнес отвернулся, а Пауль снова склонился над камином.

— Что ты там возишься? — сказал Хаттинг. — Давай я помогу.

Под его рукой между щепками и ветками взметнулись первые язычки пламени, и вскоре огонь разгорелся.

— Садитесь поближе, — предложил Хаттинг, но братья остались на своих местах, в темноте, и только блики огня играли на их лицах.

— Но он был справедливым человеком, — продолжил свой рассказ Хаттинг. — Это признавали даже его противники. Он вел дела честно, без интриг. У него была ясная голова, и он хорошо умел говорить.

— В те времена он, кажется, был в народном собрании? — спросила г-жа Хаттинг.

— Нет, там был Клаас, его брат. Германа тоже уговаривали выставить свою кандидатуру, но он отказался.

— Его, конечно же, отговорила Лизбет. Она уже тогда была больна...

Хаттинги замолчали. В камине потрески-

вали поленья, ветер бился о стекла и гнал золу обратно в огонь. Сидя полукругом, они молча смотрели на пламя. Клааса, Германа, Лизбет уже нет в живых. Они мертвы, забыты и живут только в памяти Хаттингов, здесь, у камина. Умерла и его мать, а перед нею отец, которого торжественно отпевали в переполненной церкви, заставленной венками от высокопоставленных лиц, а еще раньше умерли его дедушка и бабушка..

Георг поднял голову и заметил пристальный взгляд Иоганнеса и любопытные глаза Пауля. Оба тотчас же отвернулись.

— Дядюшка Клаас был на похоронах отца, — сказал Георг.

— Да, Клаас успел вовремя уехать.

— Ваши родители долго жили там? — спросила г-жа Хаттинг.

— За границей? Отца послали туда, когда мне было пять лет, а больше они уже не возвращались.

— Наверное, нелегко жить на чужбине, вдали от родины, от близких.

— Отец привык к этому, он всю жизнь был на дипломатической службе.

— Но он мог бы вернуться, если бы захотел. А вот не иметь возможности вернуться — это действительно тяжело.

— Не тяжелее, чем жизнь, которую пришлось бы вести здесь, — возразил Георг и, только сказав это, понял, что его замечание довольно бестактно.

— Не думаю, — сказал Хаттинг. — Мне кажется, что тоска по родине тяжелее любых обид и испытаний. Когда тебе тяжело, ты

можешь убедить себя, что еще не все потеряно, что можно что-то сделать, чтобы изменить свою судьбу. А что человеку поделать со своими чувствами? Тоска по родине неизбежна, ведь эта страна как бы часть нас самих, как же можно жить вдали от нее?

В камине рассыпались поленья, и все снова замолчали, следя за взметнувшимися искрами.

— Не знаю, как отец, — сказал Георг, — но мать очень тосковала.

Он вспомнил церковь, незнакомого пастора, специально приехавшего отслужить панихиду, и мать с опущенной на лицо вуалью и скомканным платком в руке. После отпевания и погребения она неподвижно стояла возле Георга, а присутствующие подходили к ним, чтобы пожать руку и сказать несколько слов. «Тяжелая утрата... Такой исключительный ум... Чрезвычайно одаренный человек... Один из наших лучших людей... Невосполнимая утрата...» После долгих лет, проведенных ею за границей с мужем-дипломатом, она отлично знала, как держать себя, как вспоминать имена и лица, как подавать руку, как спокойно и любезно отвечать на слова соболезнования, ничем не обнаруживая своих истинных чувств. Большинство из подходивших к ним были Георгу незнакомы, но мать знала всех и на обратном пути перечисляла их имена и звания: министры, послы, генералы, сенаторы, ректоры — мужчины в черных костюмах или мундирах — и их жены в строгих, но изысканных платьях. А может быть, она продол-

жала говорить только для себя, для того, чтобы избежать гнетущей тишины? Ведь прежде они никогда подолгу не разговаривали.

— Мать очень тосковала, — повторил Георг, глядя на крутящиеся искры.

Шины шуршали по мокрому асфальту; стоял ноябрь, день был теплый, но пасмурный, моросил мелкий дождь, и на фоне серого неба чернели стволы сосен. За окном машины проносились дома, сверкающие витрины, заборы с рекламными объявлениями, отдельные слова которых ловил его взгляд, пока он слушал этот сдержанный, ровный голос жены дипломата. «Он жил в нашем округе, — рассказывала она, — в Хейнингклофе. Ты, конечно, не помнишь, а это очень красивая старинная ферма. Когда мы в последний раз гостили в Ритвлее, мы ездили туда с бабушкой навестить Лизбет. Это невестка Клааса, жена Германа. Она была тяжело больна, впрочем, сколько я ее знала, она всегда болела... Мы взяли с собой тебя и маленькую Миту, чтобы она присматривала за тобой. Но ты убежал от нее и спрятался за айвовыми деревьями у плотины...»

Георг слушал ее голос под аккомпанемент шуршания шин, смотрел на кивавших им регулировщиков, на женщин в платках, на мелькавшие надписи: Épicerie. Cinzano. Chantier, interdit[1]... Он не помнил ни этой

[1] Бакалея. Чинзано. Строительная площадка — проезд запрещен *(франц.)*. — *Здесь и далее примечания переводчика.*

поездки, ни айвовых деревьев, ни плотины...

Отвернувшись от окна и взглянув на сидящую рядом с ним мать, он вдруг впервые увидел ее с неожиданной ясностью. До сих пор она всегда была для него немного чужой, красивой светской дамой, беседующей с гостями по-французски и по-английски или одевающейся на какой-нибудь очередной прием. Он же, отданный на попечение дорогих нянек и самых роскошных пансионов, оставался в стороне от ее слишком заполненной жизни. Контакты между ними были случайными, разговоры поверхностными, а любовь едва ли чем-то большим, чем просто формальностью. Правда, он воспринимал их отношения как нечто естественное и нормальное и никогда не задумывался над ними. И вот теперь, глядя на нее, погруженную в воспоминания, застав ее посреди фразы, на полуслове, он впервые увидел ее по-настоящему: женщина средних лет, выросшая в другой, далекой стране и долгие годы вынужденная жить на чужбине, женщина, воспоминания которой он не может разделить и с которой у него слишком мало общего. Пожилые генералы, бывшие сенаторы, приемы, рауты — вот та действительность, в которой она живет, — подумал Георг, лишь теперь начиная понимать, насколько тяжела для нее смерть отца и как велико ожидавшее ее одиночество — остаться одной, в чужой стране, когда жизнь уже наполовину прожита. Он взял ее за руку. Она ответила ему легким пожатием, опустила голову и заплакала.

Искры, кружась, взлетали кверху и исчезали в темной глубине камина.

— Ее можно понять, — отозвалась г-жа Хаттинг. — Жить там одной... Конечно, у нее оставались вы, но смерть вашего отца была для нее, вероятно, очень тяжелой утратой. Да, она тоже прожила нелегкую жизнь...

Г-жа Хаттинг замолчала.

— К счастью, она не испытывала никаких трудностей с деньгами, — сказал Георг. — Отец хорошо ее обеспечил. У нее был свой дом и рента...

— Никогда бы не подумал, что Анна умрет там, за границей, — задумчиво произнес Хаттинг. — Я хорошо знал ее. Мы выросли вместе. Конечно, с тех пор прошло много времени, но люди не так уж сильно меняются.

Георг ожидал, что он скажет еще что-нибудь, но Хаттинг ничего больше не добавил.

— У нее был сильный характер, — сказал Георг, чтобы продолжить этот разговор. — Она всегда была чем-то занята, вокруг нее постоянно были люди.

— Да, Анна всегда была заводилой. Она верховодила во всех наших играх. Даже мы, мальчишки, слушались ее.— Хаттинг сосредоточенно набивал трубку. — Помню, она однажды упала с ветряка, ей было тогда лет девять или десять. По всему, она должна была бы разбиться, а отделалась только синяками...

И он улыбнулся своим воспоминаниям.

— А потом, когда вы стали старше?

— Увы, когда становишься старше, нередко забываешь детскую дружбу. Я уехал в

пансион, Анна тоже уехала учиться, мы виделись только во время каникул. Она была очень красивой девушкой...

Он наклонился, сунул в огонь веточку, раскурил трубку и замолчал.

— Вы жили вместе с ней? — спросила г-жа Хаттинг, сложив руки на груди.

— Нет, я оставался в Женеве, я там работаю. За несколько лет до смерти отец купил виллу на другой стороне озера, и мать не захотела оттуда уезжать.

— Ей, конечно, было очень одиноко.

— Она ни за что не хотела продавать дом, хотя он был слишком велик для нее одной, да и стоял довольно уединенно. Правда, у нее была хорошая экономка, но когда мать заболела, жить одной ей стало совсем тяжело. Пришлось нанимать сиделок, но и они не всегда успевали вовремя вызвать к ней врача...

— Да, это, конечно, очень тяжело, — довольно равнодушно согласилась г-жа Хаттинг и уставилась на огонь.

Все эти подробности ни о чем ей не говорят, понял он. И поэтому она больше его не расспрашивает. Вопросы, которые задавались ему в этом доме, касались только знакомых хозяевам людей или событий, последовавших за чем-то понятным и близким. А та исхудавшая, больная женщина на розовом диване, заваленном французскими журналами и английскими романами, не имела никакого отношения к их жизни. В наступившей тишине, нарушавшейся лишь потрескиванием огня, еще можно было переменить тему разговора и коснуться

каких-либо других, более близких Хаттингам предметов, но ему хотелось поговорить о матери, услышать о ней хоть что-нибудь еще.

— После смерти отца она жила более замкнуто, — сказал он. — Уже не нужно было устраивать столько приемов, ведь большинство гостей были его сослуживцами. А кроме того, вскоре после его смерти она заболела.

Хаттинги слушали его невнимательно, ничего не отвечали.

— Несколько раз она ездила в Лондон и Париж. Она очень любила оперу, балет. А один раз поехала отдохнуть в Италию, но там заболела, и уже через неделю ей пришлось вернуться домой. Она ездила туда со своей приятельницей,— добавил он, делая последнюю попытку привлечь их внимание, — с госпожой Миннар, ее муж раньше был военным атташе...

Но и это не помогло. Хаттинги молча смотрели на огонь, словно забыв о присутствии Георга. Голос его замер, и он стал разглядывать их неподвижные, освещенные огнем лица. Переводя глаза с одного лица на другое, он неожиданно заметил девушку, которая неслышно вошла в комнату и, стоя у двери, внимательно смотрела на него. Когда же она вошла, — невольно спросил себя Георг, — и давно ли слушает его рассказ?

Старший сын громко зевнул и потянулся.

— Я пошел, — сказал он. — Мне пора ложиться.

— Почему ты не хочешь посидеть с нами

еще немного? — с упреком спросила его мать.

— Завтра вставать как обычно. У нас много работы.

— Нужно будет собрать картофель в ящики, — сказал Хаттинг.

— Не обязательно же завтра.

— Завтра или, в крайнем случае, послезавтра. Мы не можем откладывать это до следующей недели.

Иоганнес тоже отодвинул стул и встал. Хотя молодые люди и не принимали участия в беседе, но, когда они поднялись, стало ясно, что на сегодня разговоры закончились.

— Да, конечно, уже пора спать, — вздохнув, согласилась г-жа Хаттинг.

— Вы все еще хотите поехать завтра в Ритвлей? — спросил Георга Хаттинг.

— Да, если вы объясните мне, как туда попасть.

— Это нетрудно, но стоит ли туда ехать? Там одни развалины, все разрушено.

— Кем?

— Там давно никто не жил, все оставалось без присмотра и пришло в полное запустение. Ферма слишком долго вас ждала.

— Но там должен быть управляющий. Нам сообщили, что на ферме живет управляющий, родители регулярно посылали деньги...

Хаттинг рассмеялся.

— Кто-то неплохо надул вас. Они просто воспользовались случаем, они рады выкачать из нас хоть что-то. В этой стране все время нужно быть начеку, поверьте моему опыту.

Как только они заговорили о Ритвлее, г-жа Хаттинг подняла голову.

— Муж говорит, что вы могли бы подвезти меня до Модерсгифта, — неуверенно произнесла она.

— Конечно, госпожа Хаттинг.

— Я уже месяц не была у тетушки Мими, а вам это по дороге, вы все равно будете проезжать мимо.

— Мы еще увидимся с вами утром, — сказал Хаттинг.

Все поднялись. Стулья были поставлены на место. Хаттинг выбил трубку, девушка собрала пустые стаканы.

— Вам хватает одеял? — спросила г-жа Хаттинг Георга.

— Да, спасибо.

— Я могу принести еще, если нужно. Вечера нынче холодные.

Она поплотнее запахнула кофту и уверенно повела его по коридору, не замечая темноты, в которой Георгу приходилось идти на ощупь, держась за стену.

— Тетушка Мими никогда не простит мне, если я не привезу вас к ней. Модерсгифт и Ритвлей — соседи, и тетушка Мими хорошо знала всю вашу семью. В последний раз, когда я ее видела, она вспоминала вашу матушку.

Георг споткнулся и вытянул вперед руку, чтобы не упасть, но в этот момент г-жа Хаттинг дошла до двери его комнаты и включила свет.

— Она удивительная женщина для своих лет, особенно если учесть, что́ она пережила. Ее муж в прежние времена был сенатором, —

добавила г-жа Хаттинг и придирчивым взглядом осмотрела скудную обстановку комнаты: старая кровать, умывальник с треснувшей мраморной доской, обшарпанный шкаф с незакрывающейся дверцей, цветастая штора на окне.

— Вы только скажите мне, Георг, если вам что-нибудь понадобится. Я ведь могу называть вас просто по имени? Вы же нам не чужой. Спокойной ночи, Георг.

Вечер был и в самом деле холодный, и в нетопленой, неуютной комнате чувствовалась сырость. Нужно было еще утром съездить в Ритвлей и уехать подальше отсюда, — раздраженно подумал он, раздеваясь. В отеле было бы удобнее, чем в этом доме, да и служащие отеля были бы ему чужими ничуть не больше, чем эти странные люди. Но куда сейчас поедешь? Он выключил свет и забрался в постель.

Этот сон снится ему уже не первый раз, всегда с теми же подробностями и лишь с небольшими изменениями в ощущениях. Что это? Воспоминания или фантазия — этот хрупкий однотонный ландшафт в зыбком плывущем свете? Плод воображения или, может быть, побережье Северного моря, виденное им когда-то в детстве, много лет назад? Он не знал этого, и теперь уже не спросишь у родителей, существует ли такое место в действительности. Каждый раз ему видится один и тот же широкий пустынный берег, по которому он бежит под высоким небом к огромному морю. Он оборачивается, замечает вдали людей, неясные,

почти неразличимые фигуры, и снова бежит вперед, туда, где плещется прибой. Шум волн в ушах, свист ветра, крики женщин, зовущих его, а когда он поворачивается, чтобы вернуться к ним, — никого уже нет. Куда они ушли? Скрылись за дюнами или исчезли за горизонтом, растворившись в ярком, холодном свете? Он торопится назад, оставляя за спиной море, бежит, увязая в мягком песке, но найти их не может...

Его разбудила г-жа Хаттинг.

— Я решила принести вам чашечку кофе, — сказала она. — Сегодня, к сожалению, опять пасмурно.

Лежа в постели, он слушал хлопанье дверей, чьи-то приглушенные голоса в коридоре и шум ветра, раскачивавшего занавеску несмотря на то, что окно в комнате было закрыто. Когда-то, ребенком, он, наверное, вот так же лежал в постели, только что проснувшийся, полусонный, и прислушивался к голосам, говорившим на этом же языке, звучавшим в таком же доме и в этой же стране. Но теперь он ничего этого уже не помнит. Детство забыто, родителей нет в живых, а сам он здесь только гость.

На г-же Хаттинг было сегодня пестрое старомодное платье, очевидно ее лучшее, сохранившееся с прежних времен. Готовя Георгу завтрак, она что-то вполголоса напевала.

— Я подумала, может быть, мы возьмем с собой Карлу? — неуверенно спросила она Георга.

— Конечно, госпожа Хаттинг, — ответил он, догадываясь, что речь идет о девушке с

короткими волосами, смотревшей на него вчера при свете камина.

В доме было тихо. Судя по всему, остальные члены семьи давно встали и ушли на работу. Георг заканчивал завтрак, когда со двора послышался шум мотора, и в дом вошел Хаттинг.

— Доброе утро, Георг,— поздоровался он. — Надеюсь, вы хорошо выспались? Хотел бы я быть на вашем месте. Мне вот пришлось подняться еще до рассвета.

Г-жа Хаттинг подошла к столу и налила ему кофе.

— Георг сказал, что Карла тоже может поехать с нами, — сообщила она мужу. — Я думаю, будет неплохо, если мы все вместе навестим тетушку Мими.

Ну что ж, поезжайте,— согласился Хаттинг.

Вскоре в кухню вошла и Карла. Поздоровавшись, она села за другим концом стола.

— Георг говорит, что ты тоже можешь поехать с нами в Модерсгифт, — наливая дочери кофе, сказала г-жа Хаттинг, по-видимому не вполне уверенная в том, как будет воспринято это известие.

Девушка с возмущением и упреком поглядела на Георга и повернулась к отцу.

— У меня много работы на огороде.

— Ничего, это не срочно. Поезжай лучше с матерью.

Карла ничего больше не сказала и, нахмурившись, уставилась в свою чашку. Через некоторое время появились Иоганнес и старший сын. Они кивнули Георгу и молча усе-

лись рядом с сестрой. Г-жа Хаттинг снова направилась к плите за кофейником.

— Раз женщины едут с вами, я не буду объяснять, как доехать до Модерсгифта, — сказал Георгу Хаттинг, — а оттуда вы легко доберетесь до Ритвлея. Но я уже говорил вам, что, по-моему, нет смысла туда ехать.

Он допил кофе, взял шляпу и вышел.

— Кто едет в Модерсгифт? — поинтересовался Иоганнес.

— Мы с Карлой, — ответила г-жа Хаттинг.

— Зачем тебе, чтобы я туда ехала? — сердито спросила девушка.

— Не можешь же ты все время сидеть на ферме.

— А почему бы и нет?

— Посмотри лучше, на что похожи твои руки! — вспылила мать.

— А какими же им еще быть? У меня много работы, и я должна ее сделать. Что я забыла у тетушки Мими? Сидеть, пить кофе и выслушивать ее бесконечные жалобы?

— Тебе нужно иногда бывать среди людей. Когда я была в твоем возрасте...

— Тогда было совсем другое дело,— прервала ее Карла.

— Во всяком случае, отец сказал, что ты можешь поехать... вернее, что ты должна поехать, и нечего спорить. Не знаю, что может подумать о твоих пререканиях Георг.

Впрочем, они спорили так тихо, что Георг едва слышал их разговор.

— Кто поедет с тобой, мама? — спросил, входя на кухню, Пауль.

— Карла, — рассеянно ответила г-жа Хаттинг и поставила перед ним чашку.

— Смотрите, сейчас он начнет хныкать,— сказал Иоганнес.

— А почему именно Карла? — в голосе Пауля звучала обида.

— Так решил отец.

— А почему нельзя поехать и мне? Я тоже хочу в Модерсгифт.

— Ну, что я вам говорил? — сказал Иоганнес.

— А может, действительно лучше поехать Паулю? — спросила Карла. — Если он хочет навестить тетушку Мими...

— Хочет навестить тетушку Мими? — переспросил Иоганнес. — Да он сам не знает, чего хочет. Просто он не выносит, когда кому-то разрешается то, что запрещено ему.

— Может быть, ты заткнешься? — бросил брату Пауль.

— А вот Карла, например, не выносит, когда ей указывают, что она должна делать, — опершись локтями о стол, с невозмутимой улыбкой продолжал Иоганнес. — Тогда она обязательно упрямится, разве ты не замечала, мама? Скажи ей лучше, что она должна остаться дома, и она пойдет в Модерсгифт пешком, лишь бы навестить тетушку Мими.

— Прекрати! — не выдержала Карла.

— Пауль хочет поехать из-за Бетти! — радостно, словно сделав неожиданное открытие, воскликнул старший брат.

Иоганнес засмеялся.

— Карла, ты пойдешь собираться? — спросила г-жа Хаттинг. — Неудобно заставлять Георга ждать.

— Пауль уже наверняка сообщил красотке Бетти, что приедет, — продолжал старший брат.

— Посмотри, он сегодня даже причесался, — поддержал его Иоганнес.

— Отстаньте от меня!

— Это ради красотки Бетти Конради? Или ты соскучился по Раубенхеймеру? Вы, конечно, пойдете с ним читать стихи на берег ручья?

— Не приставай к нему, Иоганнес,— вмешалась Карла.

— Так в чем же тогда дело? Ты так взволнован с тех пор, как услышал о поездке в Модерсгифт.

— Иоганнес, довольно, — сказала г-жа Хаттинг, но тот продолжал поддразнивать брата, насмешливо поглядывая на него через стол.

Пауль покраснел, надулся, и чувствовалось, что он вот-вот взорвется, но тут Карла неожиданным быстрым движением метнула хлебный нож, и он, дрожа, вонзился в стол прямо перед Иоганнесом. Иоганнес вскочил, но г-жа Хаттинг уже стояла возле него и совала ему в руки шляпу.

— Хватит! Сейчас же отправляйтесь в поле оба, — проговорила она, задыхаясь от волнения и подталкивая к двери Иоганнеса и старшего сына, который, смеясь, пятился от нее. — А ты, Карла, немедленно иди собираться. Я больше ничего не желаю слышать.

Девушка встала из-за стола и спокойно, будто ничего не произошло, вышла из кухни. Возле Георга остался только Пауль.

— Можно мне поехать с вами в Модерсгифт? — тихо спросил он.

— Я не против.

Пауль довольно кивнул и, выходя из кухни, улыбнулся Георгу улыбкой заговорщика.

— Не знаю, что вы можете подумать о моих детях, — взволнованно оправдывалась вернувшаяся на кухню г-жа Хаттинг. — Обычно они такие спокойные и рассудительные, но стоит их разозлить, в них точно дьявол вселяется.

Она хотела засучить рукава, но вспомнила, что на ней праздничное платье, и взяла передник, висевший на спинке стула.

— Пауль легко обижается, вот они и дразнят его все время. Он еще совсем ребенок и не умеет скрывать своих чувств. — Она отодвинула в сторону чашки и вытерла стол. — С Карлой тоже трудно. Уже в детстве она была такой вспыльчивой и упрямой, что невозможно было заставить ее отказаться от своего решения. Конечно, что за жизнь для девушки здесь, на ферме? — с горечью прибавила она. — Колоть дрова и таскать мешки? Чему хорошему тут научишься? Руки ее дрожали, когда она убирала чашки. Ответа на свои вопросы она, по-видимому, и не ждала.

Карла вышла из дома не переодевшись, все в той же рубашке и брюках цвета хаки. Г-жа Хаттинг хотела сказать ей что-то, но потом передумала и промолчала.

День был пасмурный, лучи солнца лишь изредка пробивались сквозь облака. Вязкая и неровная дорога вся заросла сорняками,

а по обеим сторонам ее простиралась унылая серая равнина. Кое-где вдоль дороги тянулась ржавая проволока, и среди буйно разросшейся травы можно было заметить следы давно заброшенных пашен. Иногда вдали возникали редкие деревья и кусты терновника — остатки вырубленного сада, но затем снова начиналась бесконечная равнина.

— Вон там Ботасдрифт, — прервав молчание, сказала г-жа Хаттинг, сидевшая рядом с Георгом, и показала на столбы из тесаного камня, служившие раньше воротами фермы.

Никакой решетки в воротах не было, и проезд был завален камнями.

— Здесь нужно повернуть налево,— объяснила г-жа Хаттинг, и Георг повел машину по дороге, которая оказалась даже хуже, чем предыдущая.

— Далеко еще? — спросил он.

— Километров пять,— ответила Карла.

— Будем надеяться, что машина не подведет, а то у меня нет с собой никаких инструментов.

Сидевший рядом с сестрой Пауль тихо засмеялся.

— А у нас нет даже ружья,— сказал он.

Г-жа Хаттинг быстро обернулась к нему.

— Что же ты мне не напомнил... — начала она, но Пауль перебил ее:

— Я думал, ты сама об этом позаботишься. Ты же организовала всю эту поездку.

Ему явно хотелось помучить мать, но в разговор вмешалась Карла:

— Нам и не нужно ружье, ведь мы едем только до Модерсгифта, мама. И потом, сейчас утро.

— А зачем нам может понадобиться ружье? — удивленно спросил Георг.

— С ружьем безопаснее, но сейчас оно нам ни к чему, — глядя в окно, ответила Карла.

Но г-жа Хаттинг не могла успокоиться.

— Вам хорошо говорить, — с упреком продолжала она. — Если бы вы пережили то, что пришлось пережить мне...

Никто не отозвался, и она замолчала.

Когда-то я уже ездил по этой дороге вместе с дедушкой, — подумал Георг. «Ты всегда просился поехать вместе с ним,— рассказывала ему мать. — Когда он отправлялся на грузовичке в деревню, ты всегда сидел рядом с ним в кабине». Ничего такого он не помнил и, выслушав тогда ее рассказ, сразу же забыл о нем. И только теперь, когда через столько лет он снова ехал по этой дороге, слова матери отчетливо всплыли в его памяти.

— Вот и Модерсгифт, — сказала г-жа Хаттинг.

Вдалеке, там, где кончалось поле, показались первые признаки человеческого жилья: серые строения, зелень огорода, ветряная мельница и редкие, одиноко стоящие деревья. Подъехав ближе, он увидел запруду, цветник перед домом, привязанного к столбу теленка, перевернутое корыто у стены. На мгновение в окнах одного из строений показались и сразу же исчезли несколько детских лиц. Возле большого дома

с широкой верандой Георг остановил машину и выключил мотор. Сидевших в автомобиле обдало тишиной. Дверь дома была открыта, за ней, в полутьме, угадывался коридор, но оттуда никто не появлялся. Все было тихо. В машине никто не двигался.

— Полиция уже поджидает нас, — сказал вдруг Пауль. — Они засели в доме. Как только мы выйдем из машины, они откроют огонь из спальни тетушки Мими.

Г-жа Хаттинг обернулась к нему, чтобы сделать замечание, но в это время откуда-то издалека послышался резкий женский голос. Георг оглянулся. Ни в саду, ни на веранде никого не было, а нескончаемый поток слов все приближался. Наконец он понял, что голос доносится из темного коридора дома. И действительно, через некоторое время на пороге показалась худая женщина с растрепанными, коротко подстриженными седыми волосами, в бесформенной серой юбке. Опираясь на две палки, она медленно двигалась вперед и говорила, говорила без передышки.

— Что же вы сидите и смотрите на меня? Можно подумать, вы каждый день приезжаете в Модерсгифт. Ах вы бродяги, бродяги! А ты хуже всех...

Георг с изумлением понял, что она обращается к нему.

— Ты так напугал меня! Я знаю все машины в нашем округе, и легковые, и грузовики, а вот твою не знаю. Что ищет чужой человек на дороге в Модерсгифт, думаю я, что он несет с собой, как не зло? Откуда мне знать, кто ты такой?

Она говорила, не заботясь о его присутствии, и без всякого раздражения или упрека. Они вышли из машины, и когда старуха, шаркая, приблизилась к ступенькам, г-жа Хаттинг уже поднялась к ней.

— Давайте-ка я объясню тетушке Мими, кто с нами приехал,— сказала г-жа Хаттинг, но та нетерпеливо махнула рукой.

— Конечно, ты порядочный человек. Иначе бы Марта с тобой не поехала.

— Это сын Анны Нитлинг, внук дядюшки Георга из Ритвлея, помните их?

Старуха на секунду замолчала, пытаясь осознать услышанное, а затем, прищурив глаза, посмотрела на Георга как бы издалека, через огромное расстояние.

— Так, — без особого восторга сказала она, — давно уже у нас в гостях не было никого из Нитлингов.

— Его фамилия не Нитлинг, тетушка Мими. Он сын Анны. Но его, как и его дедушку, зовут Георгом.

— Как раз прошлой ночью мне приснился Георг Нитлинг, — сказала старуха. — Он лежал в гробу в белой шляпе. — Она повернулась к Хаттингам. — Боже мой, Карла, ты так выросла. Давно я тебя не видела. И ты, Пауль, совсем взрослый парень. А что с Хенни, Марта, почему он не приехал с вами?

Опираясь на палки, она с трудом заковыляла обратно к двери, продолжая что-то говорить и задавать вопросы. Ответы г-жи Хаттинг она не слушала, и той оставалось лишь просто идти рядом, поддерживая старуху во время долгого, утомительного путешествия по темному коридору.

Не имело смысла плестись за ними, медленно, шажок за шажком, углубляясь в сумрак дома, и Георг вместе с Паулем и Карлой оставались на крыльце, пока тетушка Мими не прервала свой монолог и не позвала их.

В доме было так темно, что сначала Георг ничего не мог различить и только почувствовал, как на него обрушились холод и сырость, пропитанные резким запахом политуры. Но постепенно глаза привыкли к темноте: сквозь открытые двери комнат тускло поблескивал линолеум, шторы на окнах были задернуты, и из-за этого в доме было еще темнее, чем могло бы быть в такой пасмурный день.

Где-то в конце коридора хлопнула дверь, и по линолеуму быстро застучали каблуки.

— Извините, тетя, — услышал Георг запыхавшийся женский голос, — я была занята с детьми и не могла прийти раньше. Тетушка Марта, я никак не думала...

— Пойди прибери в гостиной, — приказала тетушка Мими, и каблуки вновь застучали по линолеуму.

В полумраке Георг даже не успел разглядеть женщину. Затем он услышал, как в одной из комнат начали расставлять стулья и отодвигать шторы. Тетушка Мими продолжила свое путешествие, рассказывая что-то г-же Хаттинг, которая, слушая ее, кивала в ответ и изредка умудрялась вставлять несколько слов.

Когда они наконец добрались до гостиной, Георг увидел там рослую девушку лет двадцати, с серьезным широким лицом без вся-

ких следов косметики и с шапкой кудрявых волос.

Интересно, волосы вьются у нее от природы или эта прическа — единственное проявление ее кокетства,— думал он, разглядывая девушку, пока та помогала г-же Хаттинг усадить тетушку Мими в кресло.

— Георг, это Бетти Конради. Она преподает здесь в школе, — сказала г-жа Хаттинг.

Здороваясь с Георгом, Бетти улыбнулась и так радостно и стремительно протянула ему руку, словно давно ждала этого знакомства.

— Из Швейцарии? — воскликнула она, не выпуская его руку. — О, как интересно! Вы непременно должны зайти к нам в школу и поговорить с детьми. Они еще никогда...

— Бетти, как там кофе? — прервала ее тетушка Мими, и девушка тут же исчезла.

Все уселись на стулья, расставленные полукругом возле неуклюжего кресла тетушки Мими. Старуха на мгновение замолчала и снова посмотрела на Георга.

— Это сын Георга Нитлинга? — спросила она г-жу Хаттинг.

— Внук, тетушка Мими.

— Даже если бы мне не сказали, я бы сама догадалась, что ты Нитлинг. Ты чем-то похож на Георга.

— Тетушка Мими, вы помните Анну? — спросила сидевшая возле старухи г-жа Хаттинг.

— Анна выросла на моих глазах, как я могу не помнить!

— Она недавно умерла, — сказал Георг.

— Да, время летит быстро, — невозмутимо

ответила старуха. — Вот уже двадцать лет, как умер мой муж. Значит, ты Кози, — неожиданно добавила она.

— Кози был братом Анны, — сказала г-жа Хаттинг, — дядей Георга.

Прошло довольно много времени, прежде чем до старухи дошел смысл этих слов.

— А что с ним стало?

— Его арестовали, тетушка Мими. Он умер в тюрьме.

Так вот что с ним случилось, — подумал Георг, — с этим загадочно исчезнувшим дядей Кози, смеющимся молодым человеком на фотографии из семейного альбома.

Тетушка Мими приняла объяснение к сведению, но дальше расспрашивать не стала.

— Скажи, Марта, вы уже посеяли овес? — обратилась она к г-же Хаттинг, и снова начался бесконечный разговор, лишь на минуту прерванный появлением Бетти с кофе и печеньем. Печенье было сухим и твердым, а чашки наполнены только до половины. Георг молча пил кофе, женщины продолжали беседовать о хозяйстве и знакомых.

Все окна были закрыты, и от этого в комнате было очень душно. Неудивительно, что здесь так пахнет политурой, — подумал Георг, глядя на блестевшую, как зеркало, мебель. Ничто не нарушало этого безупречного блеска, как ничто не нарушало и математической точности, с которой была обставлена комната, — стулья на одинаковом расстоянии друг от друга, буфет точно посредине стены, над буфетом, тоже точно посредине, картина, изображающая первых по-

селенцев. Георг посмотрел на картину, единственное светлое пятно в этой мрачной комнате, а затем пробежал глазами по симметрично развешанным портретам бывших министров, генералов и президентов. Никого из них уже не осталось в живых. Одних, как и его отца, хоронили с венками и речами, другие умерли непонятно и таинственно, как дядя Кози, но смерть объединила их всех своим величием, тяжелым и удушливым, как спертый воздух этой нежилой комнаты... Бетти снова куда-то ушла, Георг обратил внимание, что нет и Карлы. Ее стул стоял у двери, и в какой-то момент она незаметно вышла из комнаты. Лишь Пауль по-прежнему сидел в другом конце комнаты, вытянув перед собой ноги и даже не пытаясь делать вид, что слушает разговор женщин. Впрочем, в этом не было никакой необходимости. Тетушка Мими совсем забыла об их существовании. Кроша печенье и прихлебывая кофе, она то и дело обрушивала на г-жу Хаттинг все новые и новые потоки слов. Разговаривая, она так яростно кивала головой, что чашка со звоном подпрыгивала у нее на блюдце.

— Да, да, верно, так я и живу. Сижу здесь целыми днями. А что мне остается делать? Вот и приходится позволять чужим людям хозяйничать в собственном доме...

Поглощенные беседой, они сидели, склонившись друг к другу, и не слышали, как кто-то постучал в окно. Георг обернулся: Карла махала ему рукой из сада. Даже когда он встал и направился к двери, женщины, ничего не замечая, продолжали разговор,

и только Пауль поднял голову и вопросительно поглядел на Георга.

После полутьмы коридора дневной свет резко ударил ему в глаза, и на мгновение Георг замер на крыльце. Спустившись со ступенек, он увидел Карлу, идущую к нему навстречу между цветочными клумбами.

— Я подумала, что вам, наверное, скучно сидеть там.

— А тетушка Мими не обидится, что я ушел?

— Тетушка Мими вообще забыла, что вы здесь. Она уже неспособна воспринимать новых людей. Даже меня и Пауля не всегда узнает. Мама единственный человек, с которым она еще может разговаривать.

— Ей, по-видимому, очень много лет?

— Да нет, не очень, — равнодушно ответила Карла. — Но после *волнений* здоровье у нее пошатнулось, да и с памятью плохо...

Она снова направилась к саду. Некоторое время Георг колебался, не зная, следовать ли за ней, не уверенный, что его общество будет ей приятно. Сегодня она впервые за все время сама заговорила с ним.

— Тетушка Мими живет одна? — спросил он.

— Ферма так бы не выглядела, если бы она жила одна, — резко сказала раздраженная его наивностью Карла и показала на ухоженный сад и чисто подметенный двор. — С ней здесь живут Бетти, Фанни Рубенхеймер и дети.

— Какие дети?

— Школьники, — ответила она небрежно, точно речь шла о чем-то само собой разумею-

щемся. — Здесь, на ферме, школа, — все же пояснила она затем, — нечто вроде пансиона. Бетти и Фанни — учителя. Дети живут у тетушки Мими и работают в поле и по дому. Это у них называется трудовым воспитанием.

— А школа хорошая?

— Школа паршивая. Зато наша собственная... К тому же, в округе уважают тетушку Мими. Еще бы, ее муж раньше был сенатором. Мама, конечно, уже сообщила вам об этом. Поэтому людей не беспокоит, что их дети должны вставать в пять утра и до начала занятий работать на ферме. А что это за работа, вы теперь, наверное, представляете, — усмехнулась Карла.

Ее насмешливый тон удивил Георга.

— За что вы так не любите тетушку Мими?

— Почему же не люблю? Просто я не хотела, чтобы меня тащили сюда слушать ее разговоры, когда дома столько работы.

— Вы как будто упрекаете меня. Я же не виноват, что вам пришлось поехать.

— Если бы не вы с вашей машиной, мы никуда бы не поехали. Вот эта школа, — она показала на небольшую серую постройку в некотором отдалении от дома. Это было то самое здание, в окнах которого, подъезжая к ферме, они видели лица детей.

— А в какой стороне Ритвлей?

— Вон там.

Георг посмотрел в ту сторону — равнина, пасмурное небо, тишина...

— Это далеко?

— Еще километров восемь. Почему вы туда не едете, раз вам так хочется?

— А как же ваша мать?

— Тетушка Мими продержит маму еще несколько часов. Они не заметят вашего отсутствия. И потом, мама все равно не поехала бы с вами в Ритвлей. Там теперь не на что смотреть.

— Как туда добраться?

— Как только выедете с фермы, поезжайте по дороге. Она пришла в полную негодность, но еще видна. Она как раз доходит до Ритвлея, правда, по ней уже много лет никто не ездит.

— Вы поедете со мной?

— Я думаю, вы охотнее поехали бы один.

— Почему вы так считаете?

— Не знаю. Мне вообще непонятно, зачем вы хотите туда ехать. Для вас это почему-то важно, значит, тут что-то личное и других не касается.

— Поедемте со мной.

Она еще немного помедлила, но затем направилась вместе с ним к машине. Когда они выезжали со двора, из дома никто не вышел, и в окнах школы тоже не было заметно никакого движения.

Как и предупреждала Карла, дорога была очень плохая, и временами, когда она совсем терялась в высокой траве, девушка уверенно указывала Георгу, куда ехать дальше.

— Вы бывали в Ритвлее? — спросил он.

— Очень давно, еще совсем маленькой, и я ничего не помню. А потом, когда я подросла, ваши старики уже жили в деревне.

Ему пришлось все внимание сосредоточить на ухабах засыпанной камнями дороги, и они замолчали. Вокруг уже не было ни следов

пашен, ни заброшенных строений, по обочинам больше не тянулась проволока.

Уж не по этой ли дороге он когда-то ездил с дедушкой, крепким, загорелым и голубоглазым мужчиной с трубкой в зубах? «Все соседи очень уважали твоего дедушку», — рассказывала мать... Что там, в Ритвлее, сохранилось после стольких лет? Даже дорога почти целиком заросла травой.

— Я думаю, нам дальше не проехать, — сказал он.

— Ничего, ферма уже рядом, за холмом. Мы дойдем пешком.

Они вышли из машины и зашагали по высокой траве. Идти было тяжело. Георг спотыкался о камни, кусты цеплялись за одежду. Там, за холмом, ферма, — подумал он и неожиданно почувствовал, что волнуется. Чего он ожидал? Он не мог бы ответить определенно, но казалось, что сейчас ему что-то станет ясно, и все, что отрывочными эпизодами всплывало в его памяти, соединится наконец в единый и понятный образ: откинутая голова матери, ее рука, безвольно лежащая на одеяле... голос, звучавший удивительно отчетливо... какие-то крики вдали... и ленивый однообразный скрип в бескрайней тишине летнего полудня много лет тому назад...

Георг поднимался вслед за девушкой по пологому склону пригорка, глядя на бесконечные поля, серо-голубые холмы на горизонте и полосы солнечного света, пробивающегося сквозь облака.

— Где же ферма? — спросил он, остановившись.

— Там, — показала Карла и пошла дальше. Обернувшись, она добавила: — Я же говорила вам, что там ничего нет. И папа вам говорил.

Она уверенно шла вперед, и, поднявшись на холм, Георг увидел вдали несколько деревьев, какие-то развалины и заросли колючего кустарника. А где же дом, сад, конюшни и сараи?

— Вот, смотрите, — сказала Карла. — Мы вас предупреждали. Теперь вы довольны?

Когда-то здесь стоял дом, — подумал Георг, глядя на поросший травой фундамент и остатки стен. А теперь все унесено ветром, размыто дождем, засыпано песком и напоминает руины древней цивилизации... Разбросанные камни и несколько одичавших фруктовых деревьев — ничего больше не уцелело от того, что он предполагал здесь найти.

— Что же здесь произошло? — спросил он, подходя к развалинам.

— Старики уехали отсюда очень давно. Они не могли больше содержать ферму и не хотели оставаться здесь одни.

— Но ведь прошло не так много лет. Не могло все настолько обветшать.

Карла, не отвечая, села на камень.

— Дом взорвали, — после долгой паузы сказала она.

— Кто?

Девушка молчала.

— Кто взорвал? — снова спросил Георг.

— Привезли солдат, и они все взорвали динамитом.

— Но почему?

— А почему вы задаете так много вопросов? — В голосе девушки звучало раздражение. — Оставались бы лучше в своей Швейцарии. Зачем вы сюда приехали? Чтобы задавать дурацкие вопросы и совать нос в чужие дела?

— Но ведь Ритвлей — ферма нашей семьи, я получил ее в наследство...

— Все это теперь в прошлом, все уже позади, почему бы и вам не забыть об этом? Пусть мертвые хоронят своих мертвецов, так, кажется, говорится в Библии? Давайте поедем обратно.

Она поднялась с камня и собралась уходить, но, видя, что он не двигается, подошла ближе и внимательно, чуть печально посмотрела ему прямо в глаза.

— Уезжайте-ка отсюда, — сказала она. — Вам здесь не место.

— Но это моя ферма.

— Продайте ее, если найдете покупателя, или просто забудьте о ней. Пусть себе здесь хозяйничают барсуки и муравьеды и копошатся тарантулы, а вы уезжайте туда, откуда приехали.

Георг молча отошел от девушки. Бродя среди развалин, он заметил в траве ступеньки, которые теперь никуда не вели. Здесь была веранда, — вспомнил он, — широкая, вся уставленная банками и горшками со всевозможными растениями. Бабушка ухаживала за ними и следила, чтобы слуги не забывали поливать их каждый день. Георг остановился. Откуда он все это знает? Почему так ясно видит он эту пожилую женщину, стоящую среди папоротников и отдающую

распоряжения слугам? Неужели помнит? А может быть, ему об этом рассказывала мать или где-то в альбоме сохранилась старая фотография? Но почему же тогда он помнит ее голос, щелканье ножниц, срезающих сухие листья, и позвякивание ложек в кофейных чашках?

На веранде стояли потрескивавшие в жару плетеные кресла. Там сидели гости и пили кофе, а снаружи, за зеленой ширмой растений, в неистовом солнце пылал сад. Спустившись по ступенькам, ты видел окаймленную клумбами и кустами широкую лужайку, где всегда хлопотал садовник, выпалывая сорняки или поливая цветы... Как случилось, что столько лет спустя он еще слышит голос бабушки? «Захарий! — кричит она. — Молефе!..» Больше он ничего не может разобрать, но звук ее голоса отчетливо звучит в его памяти... А вот там росли канны, вспомнил он, но не смог найти никаких следов — все заросло травой.

— Вон там была запруда, — неожиданно прервала молчание Карла.

Он кивнул головой и пошел за ней скорее догадавшись, чем расслышав, что́ она сказала. Он увидел развалины плотины и вязкую землю, где между камнями еще просачивалась вода. Да, там действительно была запруда, в которой они купались, барахтающиеся и визжащие ребятишки, кем-то однажды сфотографированные. «Вот Элси,— рассказывала мать, — а вот Мартин и Аннета, а это дети соседей. Нетти Принсло приехала в тот день в гости из Ботасдрифта. А вон стоит малышка Мита. Она всегда присматри-

вала за тобой, когда мы гостили на ферме». Зелень сада, яркие цветы, солнце, водяные брызги и возбужденные голоса детей, персиковые и фиговые деревья с плотной тенью и прохлада веранды, на которой взрослые неторопливо беседуют за чашкой кофе...

— Что с вами? — спросила Карла.

— Оказывается, у меня много воспоминаний.

— Вы же были тогда совсем ребенком.

— Да, лет пяти, не больше.

— И вы действительно многое помните?

— Не знаю. Может быть, мне просто кажется, что помню.— Он обернулся и посмотрел туда, где когда-то был сад, и увидел голый пустырь. — Очень многое мне рассказывала мать. В последние месяцы она говорила только о ферме и почти никогда не вспоминала другие места, где ей случалось жить.

— Это понятно, она ведь здесь выросла.

— Я думал, найду здесь хоть что-то. Я не ожидал, что все исчезнет.

— Здесь вообще многое исчезло, — спокойно сказала Карла. — Мои родители тоже потеряли почти все.

— Но куда же все это делось? Дом был большой, у них было много дорогих вещей...

— Не знаю. Я помню ваших стариков, когда они уже жили в деревне, в маленькой комнатушке на заднем дворе. И у них тогда ничего больше не было.

Георг видел, что все это ее не интересует и что она продолжает разговор только ради него.

— У них всегда было очень чисто. Когда

мы к ним заезжали, тетушка Лотти угощала нас пирогами. Они были очень тихие, ваши старики.

— Им, конечно, пришлось тяжело.

— Не тяжелее, чем остальным.

Она двинулась дальше, но неожиданно остановилась.

— Тут есть еще розы, — сказала она. — Они теперь совсем дикие.

Георг пошел за ней через пустошь. Послышался какой-то шорох — ящерица стрелой метнулась по камню и тут же исчезла. В буйно разросшейся траве кое-где сохранились следы клумб и дорожек. Розы уже отцветали, и когда Карла прикасалась к кустам, ярко-красные лепестки падали на землю.

— Тетушка Лотти славилась своими розами, — задумчиво сказала Карла.

— Мать тоже очень их любила. У нее дома всегда стояли розы.

... Чайные розы — в серебряной вазе на окне, красные розы — в китайской вазе на буфете, розы, плавающие в хрустальном блюде на столе...

— Моя бабушка тоже любила цветы, — с грустью проговорила Карла, — она умела за ними ухаживать... Раньше у нас на ферме был артезианский колодец, так что воды всегда хватало, — рассказывая, девушка выполола сорняки вокруг нескольких розовых кустов и отошла в сторону, оценивая взглядом свою работу. Последние лепестки роз опадали на землю.

— Вот и все, — сказала Карла, как бы давая понять, что визит закончен.

Но Георгу не хотелось уходить так быстро.

— Чего вы еще ждете? — спросила девушка.

— Не знаю, — улыбнулся он, — просто я чувствую, что здесь должно быть что-то большее, чем все это. Не об этом мечтала долгие годы моя мать, да и я приехал издалека не ради этого.

Карла тоже улыбнулась.

— Ах, эти ваши мечты,— насмешливо сказала она.

— То была красивая жизнь.

— Да, такая красивая, что не смогла выстоять против действительности. Первый порыв ветра все развеял.

Она раздвинула тонкие веточки розовых кустов и широкими шагами пошла прочь.

— Вам трудно судить, вы не знали той жизни.

— Да, не знала и не хочу знать. Я устала от всех ваших мечтаний и воспоминаний. Я не хочу жить прошлым. Я не хочу оплакивать старый заросший сад. Есть реальные дела... Жизнь должна продолжаться... Я хочу домой.

Она поднималась по склону холма, направляясь туда, где они оставили машину. Георг остался один. Продолжая бродить меж развалин, он иногда наклонялся набрать пригоршню песка и потом медленно пропускал его сквозь пальцы. Шум ветра был единственным звуком в окружавшей его тишине... «Как-то раз я чуть не утопила Кози в запруде, — рассказывала мать. — Кози ничего не боялся и всегда делал все, что я ему ни скажу. Мне ничего не стоило подбить его на что угодно. Я ведь была старше его».

Она улыбнулась. Разговор происходил в дождливый осенний полдень, незадолго до ее смерти... Тонкая, худая рука, лежащая на одеяле, и ставший слишком широким золотой браслет... Она редко носила драгоценности, но этот браслет был ей чем-то дорог, и она не снимала его до самых последних дней, пока браслет не стал чересчур тяжел для ее ослабевшей руки. «Я всегда охотнее играла с мальчишками, чем с девочками. Я и сама была настоящим сорванцом. Как давно все это было...» Со слабой, угасающей улыбкой она внимательно огляделась по сторонам, и он решил, что она ищет какую-то книгу или носовой платок или, может быть, хочет посмотреть, который час и не пора ли принимать лекарства...

Ящерица снова вползла на камень и посмотрела на Георга блестящими глазами. Пора ехать,— подумал он. Однако прошло еще довольно много времени, прежде чем он смог оторваться от воспоминаний и, покинув развалины, вернуться к ожидавшей его Карле.

Она сидела в машине и задумчиво смотрела прямо перед собой, не обращая на него внимания. Но когда он сел рядом с ней и хотел включить зажигание, она повернулась к нему и сказала:

— Мне очень неудобно, что я так с вами говорила... Мама все время жалуется, что я не умею себя вести и что у меня плохие манеры. Она, конечно, права. Но здесь негде научиться хорошим манерам...

Неуклюжесть ее извинений невольно тронула Георга. В своей рабочей одежде, с ко-

ротко остриженными волосами, девушка была похожа на растерянного и смущенного подростка, который плохо понимает, как ему держаться.

— Вам не за что извиняться, — сказал он.

— Вы, наверное, привыкли к лучшим манерам.

— Меня интересуют не манеры. Я приехал, чтобы увидеть страну и познакомиться с ее людьми...

— И вы, конечно, разочарованы?

— Хотите сигарету?

Она кивнула, взяла сигарету и закурила.

— Сегодня вы впервые заговорили со мной, — сказал Георг. — Любые, даже самые обидные слова лучше молчания.

Она покраснела.

— Тут научишься быть осторожной. У нас трудно кому-либо доверять.

— В таком случае, благодарю вас за то, что вы мне достаточно доверяете и поехали со мной сюда.

— Да нет, — нетерпеливо возразила она, — я говорю не о таком доверии.

— А вот скажите, если вы были в Ритвлее совсем маленькой, откуда вы знаете о розах и о плотине?

Она долго не отвечала.

— Да, я один раз была в Ритвлее очень давно, когда ваши дедушка и бабушка еще жили в старом доме. Но я бывала здесь несколько раз и потом, когда ферма была уже покинута. От нас сюда можно добраться пешком через поле...

Он молча размышлял над словами Карлы,

глядя на ее профиль — высокий лоб, прямой нос и решительный подбородок.

— Все же вы не вполне доверяете мне, — сказал он затем.

— Почему вы так думаете?

— И никто из вас мне не доверяет. Здесь есть многое, чего я, по-вашему, не обязан знать и о чем вы при мне никогда не говорите...

Георг чувствовал, что между ними сегодня установился какой-то контакт — ни с кем другим на ферме он не мог бы говорить так откровенно.

— А как вы могли рассчитывать на наше доверие? Мы вас совсем не знаем, вы для нас чужой...

— Я не чужой. Вы знаете, кто я, вы знали моих родственников. Я, как и вы все, родился здесь, жил здесь в детстве, а моя мать выросла в Ритвлее...

Карла снисходительно улыбнулась.

— Какое имеет значение, кто ваша мать и где вы родились? Важно, кто вы сами, а вы не из наших. Вы приехали из-за границы, ваш дом, ваша работа, вся ваша жизнь — там. А эта страна для вас всего лишь место, куда вы прибыли на несколько дней погостить у людей, которые случайно говорят на знакомом вам языке, но о которых вы ничего не знаете.

Некоторое время они молча курили.

— Чем вы так взволнованы? — спросил Георг, заметив, как дрожит сигарета в руке девушки.

— Да я снова не так себя веду, сама не знаю, что говорю.— Она помолчала, но затем

заговорила еще более взволнованно: — Может быть, все дело в том, что я завидую вам и злюсь. Вы из тех, кто вовремя сбежал отсюда. Вы отсиделись в безопасности, а теперь приезжаете благосклонно взглянуть, как у нас тут идут дела. Приезжаете в своем дорогом костюме, с красивыми запонками и золотыми часами, а мы... — Она резким движением погасила сигарету. — Вы видите, как мы живем, и можете догадаться, как жили все эти годы... шрамы и рубцы видны повсюду...

Георг не знал, что ответить.

— Мне очень жаль, что вы так воспринимаете мой приезд, — неуверенно проговорил он.

— Вам сожалеть не о чем, вашей вины тут нет. Все было сделано другими, мы унаследовали от них только... Пора возвращаться в Модерсгифт, — оборвала она себя на половине фразы и всю обратную дорогу молчала, словно забыв о его присутствии.

Подъезжая к ферме, они увидели Пауля, поджидавшего их у дома.

— Он злится, что мы уехали без него, — равнодушно сказала Карла.

— Где вы были? — крикнул Пауль, как только они остановились.

Карла вышла из машины и, не отвечая ему, направилась к дому.

— Мы ездили в Ритвлей, — объяснил Георг.

— Почему вы уехали так неожиданно и ничего мне не сказали? Зачем вы взяли с собой Карлу?

В его голосе слышался упрек.

— Карла показывала мне дорогу. Я думал, что ничего не случится, если мы ненадолго съездим туда.

— Я тоже хотел поехать в Ритвлей.

— Не имело смысла. Ваш отец был прав, смотреть там не на что.

— Все равно, я хотел туда поехать.

— Зачем?

— Я там никогда не был.

Продолжать подобный разговор было бессмысленно.

— Госпожа Хаттинг не разыскивала нас?— спросил Георг, чтобы переменить тему.

— Нет, мама даже не знает, что вы уезжали. Они все еще разговаривают. Вернее, тетушка Мими говорит, а мама сидит и слушает.— Недовольное выражение на секунду исчезло с его лица. — А вот Бетти искала вас, — с усмешкой добавил он.

— Учительница?

— Да. Она совершенно ошалела от восторга, познакомившись с человеком из-за границы. Она поручила детям бегать сюда и узнавать, вернулись вы или нет.

— А зачем она меня искала?

— Она хочет, чтобы вы зашли в школу и рассказали детям о Европе. Они еще никогда не видели никого из-за границы. Так, во всяком случае, говорит Бетти. Посмотрите-ка, — снова усмехнулся Пауль, — вот и Фанни сюда бежит.

Со стороны школы к ним приближался высокий молодой человек.

— Раубенхеймер, — крикнул он на ходу, затем схватил руку Георга и долго сердеч-

но тряс ее. — Я видел, как вы приехали, но не мог оставить детей. Кроме того, на мне был еще и класс Бетти. Боже мой, как я удивился, когда Бетти рассказала мне, кто вы. Я так рад познакомиться с африканером из-за границы, как говорится, с блудным сыном, вернувшимся в отчий дом.

Он раскатисто рассмеялся. Георг молча стоял рядом с ним, совершенно подавленный его чрезмерным воодушевлением и огромным ростом. Плечи молодого человека возвышались над головой Георга, а руки и ноги из-за коротких рукавов куртки и тяжелых, грубых ботинок выглядели непомерно большими и, казалось, существовали сами по себе, независимо от его тела.

— Мы оторваны от всего мира, — продолжал Раубенхеймер, — живем здесь очень уединенно. Мы разбили свой лагерь в этом отдаленном уголке нашей страны, потому что только в таких местах еще можно чувствовать себя свободным. И вот уже многие годы мы поддерживаем огонь в наших бивачных кострах и стараемся делать все, чтобы он никогда не угас. Нам нужно поговорить с вами, дружище. Я уверен, что нам есть что сказать друг другу. Вы ведь приехали сюда надолго?

Он наклонился, чтобы заглянуть Георгу в глаза, и так и застыл в этой позе в ожидании ответа.

— Нет, я уезжаю через несколько дней. Я приехал только на неделю, чтобы побывать в Ритвлее...

У Раубенхеймера вытянулось лицо, теперь у него был вид глубоко несчастного

человека. Что это, преувеличенная учтивость, — с недоумением подумал Георг, — или он действительно так расстроен?

— Боже мой, как жаль, что вы так скоро уезжаете, — проговорил Раубенхеймер с задушевностью, которая тоже казалась чрезмерной. — Когда Бетти сказала мне, кто вы, я подумал...

— Фанни! — послышалось издали. — Пауль!

Это была Бетти. Она махала им с крыльца. То ли она забыла имя Георга, то ли ей было неудобно звать его по имени, но она не окликнула его, и, только когда он обернулся, Бетти, сияя, помахала ему рукой, как бы показывая, что его тоже ждут. Но тут Раубенхеймер загородил ему дорогу:

— Я вижу, вами уже завладел Пауль. Ну что ж, вы в хороших руках, Пауль вам расскажет и покажет все, что нужно. Он, конечно, тоже очень рад, что вы приехали сюда.

Стоявший чуть поодаль Пауль никак не отреагировал на его слова.

— Мы с Паулем большие друзья, Георг, — продолжал Раубенхеймер. — Вы не против, если я буду называть вас просто по имени?

Бетти надоело ждать на крыльце, и она направилась к ним. По мере ее приближения голос Раубенхеймера звучал все более доверительно и настойчиво. Георг чувствовал его горячее, прерывистое дыхание, а из-за плеча Раубенхеймера, как бы паря в воздухе, медленно надвигалось большое лицо учительницы со сверкающими на солнце стеклами очков.

— Да, жизнь здесь нелегкая, вы сами это

видите. Стараешься делать все, что в твоих силах, поддерживаешь, так сказать, огонь в очаге, и, кроме того, дети — священная задача, доверенная тебе людьми...

Он говорил так быстро и путано, что Георг даже не пытался уследить за его словами. Между тем Бетти неумолимо приближалась к ним на своих высоких каблуках, подгибавшихся под тяжестью ее тела.

— Что же вы здесь стоите? — крикнула она. — Пора пойти выпить кофе. Я все давно приготовила, и мы ждем только вас. Тетушка Мими уже спрашивала, куда вы все пропали.

Говоря это, она смотрела на Георга, и ее широкое непривлекательное лицо излучало приветливость, дружелюбие и сердечность.

— Да, да, мы идем, — ответил ей Раубенхеймер и, подхватив Георга под руку, быстро повел его к дому. — У нас вообще редко бывают гости, — продолжал он, — а возвращение человека из-за границы — такое необычное событие. Вы должны это понять. Нам нужно о многом побеседовать с вами...

Бетти семенила за ними, стараясь услышать, о чем они говорят, а Раубенхеймер, уклоняясь от нее, все быстрее тащил Георга к дому, пока они почти бегом не достигли крыльца. Фанни остановился одернуть куртку, и тут их догнала запыхавшаяся Бетти.

— Вы так неожиданно исчезли, — обратилась она к Георгу. — Я занималась с детьми, а когда вышла на улицу, вашей машины уже не было. Я было подумала, не приснилось ли мне все это...

Она хихикнула и торжествующе повела

их в дом. В гостиной тетушка Мими все еще разговаривала с г-жой Хаттинг, которая слушала, кивая и поддакивая, а, когда они снова расселись полукругом на стульях, старуха даже не взглянула в их сторону. Бетти принесла поднос с печеньем и чашками, которые и на этот раз были наполнены только до половины, и села рядом с Георгом, натянув на колени узкую юбку. С другой стороны от Георга, неуклюже переваливаясь всем своим весом с одной стороны стула на другую, сидел Раубенхеймер.

— ...боже мой, что еще можно сделать, скажи мне, пожалуйста? Невозможно самой решать и распоряжаться в таких делах...

Голос тетушки Мими дребезжал без остановки, и Георг, загипнотизированный его монотонностью, не сразу заметил, что Раубенхеймер наклонился к нему, о чем-то спрашивая.

— ... если сидишь вот так изо дня в день. Я могу тебе не объяснять, Марта, ты сама все хорошо знаешь, ты же видишь, что я прикована к своему креслу...

— Вы любите читать стихи? — повторил свой вопрос Раубенхеймер.

— Да, иногда, — рассеянно отозвался Георг, и Фанни пододвинулся поближе вместе со стулом.

— Значит, вы интересуетесь поэзией? — спросил он, но в это время тетушка Мими почему-то замолкла, и его голос неожиданно громко прозвучал в наступившей тишине. Раубенхеймер покраснел.

— О чем ты там все время говоришь, Фанни? — недовольным тоном осведомилась тетушка Мими.

— Да ни о чем, тетушка Мими. Просто мы с Георгом заговорили о стихах.

— Ну так продолжайте, говорите, говорите громче, чтобы и мы могли вас послушать.

— Но мы пока еще ничего не успели сказать, тетушка Мими.

Старуха испытующе поглядела на них, затем отвернулась и продолжила разговор с г-жой Хаттинг. Раубенхеймер так и остался сидеть, наклонившись к Георгу, а с другой стороны к нему вплотную придвинулась Бетти. Не говоря больше ни слова, они неподвижно сидели по обе стороны от Георга, как два геральдических зверя на старинных гербах.

— Ты сама все хорошо понимаешь, Марта,— продолжала свой монолог тетушка Мими,— мне не нужно объяснять тебе, что все это значит для человека, прожившего такую жизнь и пережившего то, что пережила я. До сих пор иногда просыпаюсь среди ночи...

Г-жа Хаттинг кивнула, а затем поглядела на Георга и ободряюще улыбнулась ему, как бы советуя не терять терпения. В душной, пропахшей политурой комнате, под монотонный голос старухи Георга начало клонить в сон: глаза его закрылись, голова склонилась вниз, и он задремал. А по обе стороны от него в молчании застыли Бетти и Раубенхеймер, точно два грифона, льва или единорога, охраняющие его покой.

Неожиданно голос оборвался, и в комнате началось какое-то движение. Сквозь дремоту Георг никак не мог разобраться, что происходит, и ему понадобилось некоторое время, пока он понял, что это тетушка Мими с по-

мощью г-жи Хаттинг поднялась со своего кресла. Рядом с ними, с трудом выпрямляясь, медленно встал Раубенхеймер. Бетти одернула юбку и тоже поднялась. Отодвигая стул, Георг почувствовал, что у него затекли ноги. Все молча стояли вокруг тетушки Мими, точно после жертвоприношения или в конце аудиенции, в ожидании последних напутственных слов.

— Ну вот, — плаксиво проговорила старуха, — вы уже и уезжаете. Конечно, я понимаю, Марта, раз ты говоришь, что нужно ехать, значит, нужно.

Она замолчала, но в ее молчании чувствовался невысказанный упрек.

— Мы скоро снова приедем, — попыталась успокоить ее г-жа Хаттинг. — Как только у Хенни будет время, он сразу же привезет меня к вам.

— Да, знаю я, как у Хенни бывает время! Конечно, я безвылазно сижу дома, и обо мне легко забыть. Я всегда говорю — и я тебе, Марта, об этом уже рассказывала, — я всегда говорю, что...

Она бубнила это жалобным и обиженным тоном, но г-жа Хаттинг не садилась, и неизбежность отъезда стала очевидной. Старухе подали палки, г-жа Хаттинг взяла ее под руку и помогла развернуться к двери. И снова началось долгое путешествие: мимо Георга, стоявшего под охраной Раубенхеймера и Бетти, мимо стульев, мимо буфета, мимо портретов народных героев, министров и президентов и, наконец, мимо Пауля, который забился в угол около двери. Старуха на него даже не взглянула. Шаркая, стуча

палками и что-то бормоча, она тащилась к выходу, медленно, сантиметр за сантиметром, продвигая ноги, обутые в теплые домашние туфли, по блестящему линолеуму, и Георгу казалось, что она никогда не дойдет до порога, а так и будет стучать и шаркать посреди комнаты, словно заговаривая дребезжащим голосом остановившееся время. Но вот она все же переступила через порог и вышла в коридор. Все последовали за ней. И снова длинная процессия: впереди — тетушка Мими и г-жа Хаттинг, за ними — Георг с Бетти и Рубенхеймером, а позади — лениво плетущийся Пауль.

По узкому коридору могли пройти рядом только два человека, и, двигаясь вслед за женщинами, Георг заметил безмолвное соперничество между Раубенхеймером и Бетти. Сначала возле Георга возник Раубенхеймер, но вскоре его оттеснила Бетти.

— Извините,— нервно засмеялась она, проталкиваясь к нему, но, когда Георг остановился, чтобы пропустить ее, между ним и стеной втиснулся Раубенхеймер и движением плеча отодвинул Бетти назад. Ей снова пришлось идти сзади.

— Вы любите читать стихи? — опять спросил Георга Раубенхеймер.

— Да, иногда,— как и в прошлый раз, ответил Георг.— Мне по работе приходится читать много корректур и рукописей, поэтому не всегда есть желание читать еще что-то и дома.

— А я очень люблю поэзию. Даже не знаю, как бы я без нее жил. Или вы вообще не интересуетесь литературой?

— Я предпочитаю театр, — ответил Георг, пытаясь хоть чем-то удовлетворить любопытство навязчивого собеседника.

— Я тоже с удовольствием читаю пьесы, — не отставал тот. — А кто ваши любимые драматурги?

— Бюхнер, Ануй, Шиллер...

Георг назвал первые пришедшие ему на ум имена, но, судя по всему, они были неизвестны Раубенхеймеру. Учитель снова обнял Георга за плечи, то ли для того, чтобы подчеркнуть доверительность их беседы, то ли чтобы локтем удержать Бетти на расстоянии. Но она все же проскользнула вперед и бедром решительно отвоевала себе место рядом с Георгом.

— Как обидно, что вы не приехали на месяц раньше, — сказала она. — Дети сами поставили одну историческую пьесу. Это было очень интересно...

Теперь уже Раубенхеймер был вынужден идти сзади, но он все еще держал Георга за плечо и повисал на нем, не давая двигаться. Неожиданно Георг почувствовал сильное раздражение — ему действовали на нервы долгое ковыляние по темному коридору, нелепый разговор, заглушаемый визгливым голосом тетушки Мими, назойливое бедро Бетти и настырность Раубенхеймера. Он резко, почти невежливо вырвался и отошел назад. Раубенхеймер и Бетти растерянно уставились друг на друга.

— Я еще утром говорила Бетти, — донеслось до них. — Бетти, разве я тебе не говорила?.. Бетти, разве я тебе не говорила еще утром... — повторила, повысив голос, тетуш-

ка Мими, и Бетти пришлось подойти к ней.

Георг остался один на один с Раубенхеймером, так как Пауль по-прежнему держался далеко позади. Учитель смотрел на Георга все с тем же вопрошающим, почти умоляющим выражением, ожидая, по-видимому, продолжения разговора. Георг увидел приближающиеся к нему сверху очки и, чувствуя, что его охватывает паника, спросил себя, как наконец избавиться от этой непрошеной сердечности.

— Я сам тоже пишу стихи, — наклонившись к Георгу и понизив голос, чтобы никто больше не слышал, проникновенно сказал Раубенхеймер.

Это — признание, догадался по тону учителя Георг, дорогая тайна, торжественно доверенная ему.

— Вы уже что-нибудь опубликовали? — спросил Георг первое, что ему пришло в голову, сразу же, впрочем, сообразив, сколь неуместен подобный вопрос в данных обстоятельствах.

Однако Раубенхеймер воспринял его слова как поощрение и жадно ухватился за них, чтобы продолжить свой рассказ.

— Я пишу стихи очень давно, можно сказать, с тех пор, как научился читать и писать, Если вам интересно, я могу их показать. Неловко, правда, самому говорить об этом, но у меня есть и кой-какие удачные стихи, уже получившие одобрение слушателей. Понимаете, я чувствую: то, что я делаю, важно и нужно людям. Стихи — это тоже оружие в нашей борьбе, они пробуждают и воодушевляют людей...

Слова его текли, не иссякая, словно вопрос Георга позволил ему высказать мысли и чувства, которые, может быть, годами не находили себе выхода.

— Фанни, где вы там все? — послышался голос тетушки Мими, прервавший эти излияния. Поддерживаемая г-жой Хаттинг и Бетти, она добралась до выхода. — Иди попрощайся с Мартой.

Раубенхеймер с явным сожалением замолчал, поправил на себе куртку и, схватив Георга за руку, быстро потащил его по коридору.

— Мне было очень приятно побеседовать с вами, — торопливо прошептал он на ходу.

— Вот Марта и уезжает, — говорила тетушка Мими. — Но будем надеяться, что нам не придется ждать несколько месяцев, пока она навестит нас в следующий раз.

Из сада появилась Карла, из дома лениво вышел Пауль, и церемония прощания началась. Георг протянул руку тетушке Мими.

— Да, — сказала она, — ты тоже очень редкий гость. Конечно, теперь, когда они оба умерли, тебе нет смысла бывать здесь. Просто стыд, — возмущенно продолжала она, — просто стыд, как с ними обращались. Их, словно кафров, выгнали из собственного дома.

Ее маленькая, сухая, как птичья лапка, рука казалась почти невесомой. Тетушка Мими снова как бы издалека посмотрела на Георга.

— А ты очень изменился, Кози. Лицо у тебя было гораздо круглее.

— Это не Кози, тетушка Мими, — еще

раз попыталась объяснить ей г-жа Хаттинг, но старуха не слушала.

— Ведь раньше ты всегда смешил нас, — с упреком добавила она. — Ну да, я понимаю, теперь люди больше не веселятся.

И она отвернулась, снова забыв о нем. Георг почувствовал в своей руке большую влажную руку Раубенхеймера, а затем Бетти робко коснулась его пальцев в прощальном рукопожатии.

— Нам так хотелось бы, чтобы вы зашли в школу и что-нибудь рассказали детям. Но мы скажем им, что вы придете в следующий раз.

— Да, да, в следующий раз,— обрадованно пообещал ей Георг и поспешил в машину.

Г-жа Хаттинг села рядом с ним и высунулась в окно, выслушивая последние, напутственные слова тетушки Мими, которая, опершись на палки, стояла на крыльце.

— Ты должна постараться, чтобы Хенни поскорее привез тебя ко мне. И почему я его никогда не вижу? Вы думаете, что можно забывать обо мне. Конечно, я все время сижу дома, и никто не считает нужным навещать меня.

Шум мотора заглушил ее слова. Г-жа Хаттинг еще раз помахала ей и закрыла окно. И вот уже дом, сад, здание школы, ветряная мельница и камедные деревья остались позади, и Георгу снова пришлось все внимание сосредоточить на дороге.

— Она все-таки неплохо выглядит, — сказала г-жа Хаттинг. — Даже удивительно, сколько еще энергии в этой женщине. А ведь она очень больна и почти ничего не может делать. — Она обернулась к сидевшей на

заднем сиденье дочери. — Кстати, Карла, куда ты исчезла?

— Мы с Георгом были в Ритвлее.

Ответ Карлы не удовлетворил г-жу Хаттинг.

— А откуда ты появилась, когда мы собрались уезжать?

— Я заходила в школу, разговаривала с детьми.

— Мы еще не успели усесться, как ты уже сбежала. Тетушка Мими тебя почти не видела.

— Можно подумать, я ей очень нужна.

— Не важно. Вести себя все равно надо прилично.

Карла молча смотрела в окно и, очевидно, не собиралась отвечать на упреки матери. Возле нее с отсутствующим видом развалился на сиденье Пауль.

— Я всегда чувствую себя виноватой перед тетушкой Мими, — вздохнула г-жа Хаттинг. — Но так трудно выкроить время, чтобы навестить ее.

Вдали скрылись последние деревья Модерсгифта, и начался вельд. Перед ними были лишь заросшая травой дорога да серое небо над горизонтом.

Теперь он может уехать, он выполнил свой долг — нашел в траве развалины и увидел, как вода просачивается в вязкую землю...

— Я думаю сегодня уехать, — сказал он за обедом г-же Хаттинг.

Однако она не хотела и слышать об этом. Ее мужа нет дома, сказала она. К чему такая

спешка? Он может остаться у них еще на одну ночь, а завтра утром поехать в деревню. И кроме того, после обеда нет поезда, вспомнила она торжествующе. Поезд уходит только утром, часов в одиннадцать или двенадцать, она, правда, не помнит, во сколько точно, но вот вернется муж и скажет, он знает время отправления.

Значит, придется остаться до завтра, — подумал Георг. Он даже еще толком не распаковал чемодан, хотя пробыл здесь уже целых два дня.

За окнами дул сильный ветер. На крыше гремел лист железа, а в рамах дрожали стекла. На кухне снова царили чистота и порядок: г-жа Хаттинг вымыла посуду, убрала все на место и теперь вытирала длинный стол. Георг вышел из дома и побрел к сараю, в котором вчера прятался от дождя и где встретил Пауля. Дверь сарая была открыта, и там, по-видимому, никого не было. Впрочем, Георг никого и не искал. Сейчас ему просто хотелось побыть одному. Он миновал кладбище и, наткнувшись на небольшой ручей, долго и бесцельно шел вдоль берега, пока не заметил, что ферма осталась далеко позади. Тогда он остановился и сел на камень у воды.

Он почувствовал, что очень устал, но это была не обычная физическая усталость. Впечатления последних дней оказались слишком тяжелы, их груз давил на него. Груз прошлого и настоящего, груз того, что он помнил, и того, что считал давно забытым, — целого комплекса вещей, в которых он пока что не мог разобраться. А разобрать-

ся нужно. Разобраться и отыскать ответ на мучающие его вопросы,— ответ, который попрежнему от него ускользает. И он должен найти его именно теперь, когда вроде бы осуществились его давние мечты. Настал момент обдумать свои впечатления и принять наконец какое-то решение. Ведь это его родина, это земля, на которой он родился, о которой столько слышал и к которой так стремилась его мать. Это земля, из-за которой люди страдали и ради которой шли на все, вплоть до изгнания и смерти.

Сам Георг рос в кругу бывших военных, политиков, коммерсантов, людей высокопоставленных и богатых, тех, кто сумел своевременно переправить деньги в заграничные банки, а затем выехать и вывезти ценные вещи до того, как закрылась граница. Им легко было начать новую жизнь и добиться признания на новом месте. Эти люди были друзьями его родителей, и сейчас он попрежнему сталкивается с ними на обедах и приемах. Женщины — в мехах и бриллиантах, мужчины спокойно беседуют о делах. У них есть все необходимое — деньги, влияние, права. И все же само их существование остается шатким, неустойчивым — они живут в чужой стране, и уже одно это не дает им возможности обрести покой. Их мучает тоска по родине...

Еще сильнее она мучила тех, кого поспешный отъезд лишил всего, что они имели прежде. Долгие годы мечтали они об утраченной родине. Воспоминания о ней несли с собой в убогие мансарды чужих городов, спотыкаясь на словах незнакомого языка,

перетаскивая потрепанные чемоданы с вокзала на автобус или из такси на поезд... Дождь размывал очертания проносившихся мимо чужих гор и лесов, сгущающаяся темнота скрывала крыши и колокольни незнакомых городов... шаги гулко звучали по истертым ступеням лестниц, ключи гремели в замках... Вся их жизнь будто состояла из приездов и отъездов, из встреч и расставаний, из переселений с квартиры на квартиру и бесконечных переездов из города в город... Нервное пересчитывание банкнот непривычных цветов и размеров, ожидания, надежды, пустые дни с ранними сумерками, не оставлявшими им ничего, кроме тоски и воспоминаний. А когда темнота заволакивала окна, электрический свет освещал висевшие на стенах картины, пейзажи их далекой родины...

Тоска не оставляла их, безжалостная и неумолимая. Георгу, в юности насмотревшемуся на таких людей, казалось, что их вещи всегда наполовину собраны и чемоданы упакованы для возвращения на родину. Во всей их жизни на чужбине реальными были лишь воспоминания о некогда принадлежавшей им стране, которую теперь они потеряли.

Свою прежнюю жизнь они воспринимали как нечто естественное, даже не задумываясь над ее сутью, и неожиданная утрата не заставила их осмыслить всей глубины события. Случившееся не укладывалось в их сознании, и они вели себя так, словно уехали ненадолго, словно пережили не землетрясение, а едва ощутимый сейсмический

толчок, от которого чуть слышно звякнула посуда и на который в тот момент они даже не обратили внимания. Все изменения временные, уверяли они друг друга, на самом деле там ничего не изменилось, да и не могло измениться. Поместья в полном порядке, слуги стоят наготове, автомобили и кабинеты ждут их возвращения, книги попрежнему раскрыты на тех же страницах, и чашки все так же стоят на столах. А по ночам, в спокойной, неподвижной тишине преданные собаки настораживают уши, прислушиваясь к приближающимся шагам...

Это всего лишь короткая поездка за границу, убежденно повторяли они, небольшая задержка до тех пор, пока не будет дан сигнал к возвращению. Но проходили годы, пребывание за границей растягивалось не на один десяток лет, а они по-прежнему считали себя приезжими, а вовсе не изгнанниками, и уж тем более не гражданами тех стран, в которых «временно пребывали». Этот сон наяву длился многие годы, не утрачивая своего блеска, а все их существование состояло из попыток не замечать окружающей действительности, назойливо вторгавшейся в их жизнь и мешавшей им перебирать воспоминания и мечтать о том времени, когда все окажется позади и они смогут вернуться домой, в родную страну...

И вот он, первым из поколения, выросшего за границей, вернулся сюда. Он увидел сияние заката и неожиданную темноту ночи, услышал в тишине далекие, непонятные звуки... Увидел плакаты и афиши на незнакомых языках, ощутил неистовство полуден-

ного солнца, увидел яркие цветы и груды сладко пахнущих переспелых плодов. Он увидел толпы людей на автобусных остановках и вокзальных перронах, услышал голоса играющих детей и разговоры мужчин, возвращающихся с работы. А потом он приехал к своим землякам, в родной край, к этим камням, этому песку...

Нет, ему не найти никакого ответа, решил наконец Георг. Здесь продолжается жизнь, и это главное. Может быть, когда-нибудь сама эта жизнь ответит на все вопросы.

Ветер гнал по небу облака, шелестела сухая трава. Георг еще долго сидел на берегу, глядя на камни и кусты. Он устал и не хотел больше ни думать, ни вспоминать...

Он поднялся и неторопливо пошел обратно к ферме. Через некоторое время он увидел идущего навстречу Пауля. Юноша не спеша брел по берегу ручья, делая вид, что не замечает Георга. Даже подойдя к Георгу почти вплотную, он продолжал равнодушно глядеть в другую сторону.

— Куда ты идешь? — окликнул его Георг, и только тогда Пауль посмотрел на него и улыбнулся.

— Я искал вас.

— Зачем?

— Мне было интересно, куда вы исчезли. Я искал вас даже на чердаке, думал, может, вы туда забрались.

— А как ты догадался, что я здесь?

— Я просто бродил. Но был уверен, что найду вас.

Они вместе зашагали к дому.

— Зачем вы сюда пришли? — спросил Пауль.

— Я тоже просто бродил.

— Здесь же не на что смотреть.

— Мне хотелось побыть одному и немного подумать.

— О чем? — спросил Пауль, но не стал дожидаться ответа. — Почему вы утром уехали в Ритвлей и никому ничего не сказали?

— Мне нужно было побывать на ферме, ведь я и приехал сюда ради этого.

— Я тоже хотел поехать с вами.

Георг поднялся на берег ручья и посмотрел на поля, освещенные пробивающимся сквозь облака солнцем, на виднеющийся в низине дом.

— Мне нужно поговорить с вами, — сказал Пауль, догоняя его.

— Говори, я тебя слушаю.

— Я все время задаю вам вопросы, а вы не хотите отвечать.

— Скажи мне, что тебя интересует. Я отвечу.

Под взглядом Георга Пауль отвел глаза в сторону.

— О чем вы говорили с Карлой?

— Утром? Я точно не помню. О моих дедушке с бабушкой, о ферме, о том, какой она была раньше, о том, что я помню из детства...

— Все это совсем не интересует Карлу.

— Я знаю. А разве тебя интересует?

— Я хотел увидеть Ритвлей.

— Ты еще сможешь это сделать, если тебе так хочется. Ферма довольно близко от вас.

— Нет, я уже никогда туда не попаду, —

мрачно заявил Пауль и перевел разговор на другое. — Вы что же, собираетесь уезжать? — с упреком спросил он.

— Нет смысла оставаться здесь дольше.

— Вы думаете только о себе.

— А о ком еще я должен думать?

— О нас. Вам это не приходило в голову?— Пауль нахмурился и сунул руки в карманы. — Вы уедете и все забудете. А ведь для нас ваш приезд очень важен, как вы этого не понимаете?

— Ты говоришь так, будто я в чем-то виноват.

— Поговорите со мной, — настойчиво повторил Пауль. — Давайте поговорим о чем угодно, кроме этого,— он показал рукой на дом. — Мне надоели разговоры о ферме, об овцах и урожае, о тяжелой работе, бедности, о борьбе с трудностями и несправедливостью, о тюрьмах и лагерях. Я не хочу больше ничего слышать ни о долге, ни о священных задачах, ни о воле господней. Я устал от всего этого.

Он говорил так взволнованно, что Георг поглядел на него с невольным состраданием.

— Расскажите мне о чем-нибудь таком, чего здесь нет. Ведь должно же быть где-то по-другому, иначе не стоит и жить.

Его лицо искривилось, казалось, что он вот-вот заплачет, но, когда Георг попытался взять его за руку и успокоить, Пауль нетерпеливо оттолкнул его.

— Ваш приезд очень важен для нас, — уже спокойнее повторил он. — Можете сами в этом убедиться, если не верите мне. Вон, посмотрите, Герхард узнал, что вы здесь,

и мчится познакомиться с вами. Вон там, видите? — Пауль показал на дорогу, по которой к ферме быстро ехал фургон.

— А кто такой Герхард?

— Сами увидите, — улыбнулся Пауль. — Но учтите, он приехал из-за вас.

Они постояли, глядя на приближавшийся фургон.

— Ты пойдешь домой? — спросил Георг.

— Нет, я не хочу, чтобы меня видели вместе с вами. Не говорите никому, что вы меня встретили.

Он быстро пошел прочь, и когда Георг обернулся, его уже не было видно. Ветер разогнал облака, закатное солнце горело над землей, расцвечивая яркими тонами блеклый ландшафт. Шагая через поле навстречу крышам и трубам фермы, Георг услышал и позвякивание ведер. Доят коров, — подумал он, сам не зная, откуда у него такая уверенность. Внезапно налетел сильный ветер, и с тихим скрипом начали медленно вращаться крылья ветряной мельницы. Георг невольно остановился. Когда-то давно он уже слышал этот звук, и воспоминания всколыхнулись в нем, будто ветром навеянные из прошлого. Вероятно, он слышал этот скрип в раннем детстве, но когда и где? И почему сейчас его охватило такое волнение? Все еще недоумевая, Георг пошел дальше. Впервые за все время у него возникло ощущение, что он возвращается домой.

Со двора его окликнули. Подойдя ближе, он увидел Хаттинга, стоявшего возле фургона с каким-то незнакомым молодым человеком.

— Вы пришли как раз вовремя, Георг, — сказал Хаттинг. — Вы сегодня уже познакомились с нашими соседями, а вот еще один. Это Герхард из Коммандодрифта.

Молодой человек протянул Георгу руку.

— Снейман, — представился он.

Рукопожатие было крепким, серые глаза внимательно смотрели на Георга.

— Герхард наш ближайший сосед, — объяснил Хаттинг. — Коммандодрифт одна из самых старых ферм в округе. Мать Герхарда хорошо знала ваших родственников.

— Нитлинги были уважаемой семьей. Их все хорошо знали, — довольно сухо сказал Герхард.

Приблизительно одного возраста с Иоганнесом, в такой же выцветшей рабочей одежде цвета хаки, загорелый и белокурый, он был красив, но, судя по всему, не придавал этому значения.

— Ведь сколько лет прошло с тех пор, как умерли дядюшка Георг и тетушка Лотти! Скажи, Герхард, разве мы могли предполагать, что снова увидим одного из Нитлингов?

— Не так-то просто выкорчевать все корни, дядюшка Хенни, — ответил Герхард.

— Вы имеете в виду нашу семью? — спросил Георг.

— В общем-то да, — улыбнулся наконец Герхард.

— Георг уже хотел уезжать, — рассказывал Хаттинг. — Но разве мы могли допустить, чтобы внук дядюшки Георга, вернувшийся после стольких лет на родину, уехал, так никого и не повидав.

— Да, для нас ваш приезд — большое событие. Верно, дядюшка Хенни? Как только я об этом услышал, сразу же решил заехать и познакомиться с вами.

— А от кого вы услышали? — спросил Георг.

Герхард немного помолчал, прежде чем ответить на его вопрос. Серые глаза прямо и спокойно смотрели на Георга.

— Такие вещи узнаются быстро. Их невозможно сохранить в тайне. Дядюшка Хенни, а где же все ваши?

— Они сейчас придут. Хендрик с Иоганнесом доят коров. А Карла, наверное, помогает матери готовить ужин. А вон, посмотрика, тетушка Марта уже ждет нас.

Г-жа Хаттинг вышла из кухни и остановилась на крыльце, глядя на них с улыбкой.

— Хендрик, Иоганнес! — весело закричал Хаттинг. — Карла! Куда вы все подевались? Не так уж часто Герхард приезжает к нам в гости!

Они направились к дому. Из-за сарая, что-то крича, появились Хендрик с Иоганнесом. Г-жа Хаттинг обернулась к двери, зовя кого-то, и вскоре из кухни вышла Карла. Возле дома Герхард остановился, поджидая Хаттингов. Он стоял, повернув лицо к заходящему солнцу, освещенный его лучами, молодой, сильный, красивый. Хаттинг обнял его за плечи, братья радостно с ним поздоровались, г-жа Хаттинг улыбалась, и только Карла неподвижно стояла в дверях, не разделяя общего оживления.

— Герхард, ты, конечно, поужинаешь с нами? — целуя его, спросила г-жа Хаттинг.

— Спасибо, тетушка Марта, с удовольствием.

— А что твоя мать, Герхард? Она осталась дома одна? — спросил Хаттинг.

— Да, но я предупредил ее, что задержусь. Вы же знаете, она не из пугливых.

— В таком случае, мы сейчас же сядем ужинать, — заторопилась г-жа Хаттинг, — и ты вернешься не слишком поздно. Сейчас ведь так рано начинает темнеть.

— Мама не в первый раз остается дома одна...

— Да, конечно, — сказала г-жа Хаттинг и посторонилась, пропуская его в дом. — Но и тебе не стоит ездить ночью одному. Это опасно.

— Добрый вечер, Карла, — обратился Герхард к стоявшей в дверях девушке, и та молча протянула ему руку.

Все вошли в дом.

— Присаживайтесь, Георг, — сказал Хаттинг, дружелюбно похлопав его по плечу. — Вы наверняка проголодались. А чем вы занимались после обеда?

Хендрик с Иоганнесом отвели Герхарда в сторону и о чем-то вполголоса с ним беседовали. Женщины возились у плиты. В кухню неслышно вошел Пауль. Подойдя к столу, он на секунду остановился возле Георга и прошептал:

— Будьте поосторожнее с Герхардом. Он опасный человек. Он приехал разузнать, кто вы такой.

Сказав это, юноша сразу же отошел от Георга и уселся за другим концом стола. Георг не понял, пошутил Пауль или говорил серьезно.

Женщины накрыли на стол.

— Если бы мы знали, что ты приедешь, то зарезали бы овцу, — сказал Хаттинг Герхарду, и все засмеялись.

Только теперь, видя их оживление и радость, Георг понял, насколько сдержанно они себя вели по отношению к нему: его принимали как внука дядюшки Георга, и не более, в остальном он был для них чужим. А сейчас приехал свой, близкий человек, и обстановка в доме совершенно изменилась: все весело переговаривались, шутили и улыбались.

Георг молча сидел за столом, время от времени поглядывая на лица, освещенные рыжеватыми отблесками заката. Дверь на улицу была открыта, и он смотрел на багровое солнце, которое опускалось все ниже и ниже, пока на горизонте не осталась только красноватая полоска, едва заметная в сгущающейся темноте.

— Я сварю кофе, — сказала г-жа Хаттинг.

Карла поднялась помочь ей. Между тем на кухне стало совсем темно, и г-жа Хаттинг включила свет.

— Мне пора ехать, — заметил Герхард.

— Выпей чашечку кофе, — предложил Хаттинг. — Еще не очень поздно. Пять минут ты можешь и подождать.

— Ну, хорошо, — улыбнувшись, согласился Герхард.

Беседа за столом оборвалась. Женщины убирали посуду, молодые люди один за другим начали подниматься из-за стола. Но Герхард остался сидеть и, наклонившись вперед, обратился к Георгу:

— Ну, что вы скажете о нашей жизни?

Это был точный и обдуманный вопрос, а не начало любезного, ни к чему не обязывающего разговора. Глаза Герхарда внимательно изучали Георга.

Что он мог ответить? Да и возможно ли в нескольких словах выразить все впечатления последних дней, такие путаные и противоречивые?

— Все не так, как мне представлялось, — неуверенно проговорил он.

— Разве вы, живущие там, не знаете об обстановке здесь?

— Мы лишь в общих чертах узнаем о том, что здесь происходит. Ведь непосредственных контактов нет, а информация настолько туманна, что иногда вообще ничего нельзя понять.

— А вы пытаетесь понять? Для вас это все еще важно?

Та же точность и обдуманность. Вопрос был так холоден и беспристрастен, что никто не почувствовал бы в нем никакого упрека.

— Конечно, ведь все надеются на возвращение, ждут этого дня... Мой отец постоянно помогал эмигрантам. А мать до самой смерти тосковала по родине...

За стенами дома угасли последние лучи солнца. Да, она тосковала и перед смертью, в минуты забытья произносила имена каких-то незнакомых Георгу людей, далеких друзей ее юности...

— Ну, а что вы *делаете*? — спросил Герхард тем же спокойным тоном.

Георг поглядел на него, уже почти не скрывая неприязни.

— У нас есть определенное влияние, мы используем его, помогаем своим, поддерживаем друг друга материально.

Однако, говоря это, он почувствовал, какими бессмысленными должны казаться тут, в этой комнате, все его объяснения. Да и кто, впрочем, эти *мы*? Он имел в виду своего отца и его друзей, о себе ему сказать было нечего потому, что со смертью матери его отношения с эмигрантами совершенно прекратились.

— Мы ждем, — добавил он, — ждем того часа, когда сможем вернуться.

Герхард усмехнулся:

— Вы никогда не вернетесь.

— Не надо так говорить, — попытался остановить его Хаттинг.

— Вы же ничего не делаете, — невозмутимо продолжал Герхард.— Вы только говорите и говорите уже много лет подряд. А действовать приходится нам, живущим здесь.

Г-жа Хаттинг сварила кофе и направилась с кофейником к столу, но, услышав слова Герхарда, остановилась, по-видимому, не желая прерывать разговор.

— Вот и кофе, Герхард, — сказал Хаттинг.

Карла принесла чашки, и г-жа Хаттинг налила всем кофе. Братья вернулись к столу, и снова завязалась общая беседа. Что же было в словах Герхарда? — недоумевал Георг.— Угроза? Вызов? Или презрение?

Герхард громко рассмеялся чему-то сказанному Иоганнесом, а потом резко поднялся и начал прощаться.

— Куда же пропала Карла? — спросила г-жа Хаттинг. — Пауль, пойди поищи ее, скажи ей, что Герхард уезжает.

Все встали, чтобы проводить Герхарда, но он, прощаясь с Георгом, отвел того в сторону.

— С какой целью вы сюда приехали? — спросил он.

Георг еще раз внимательно посмотрел на него. Да, красивый молодой человек, и все же в привлекательности Герхарда было нечто настораживающее: жесткая линия скул, тонкие губы и холодный блеск серых глаз. Похоже,— решил Георг,— что предупреждения Пауля были вполне серьезными.

— У меня здесь ферма. Я получил ее в наследство.

— Знаю, все это я уже слышал. Но все-таки, что заставило вас приехать сюда?

На этот вопрос Георг не смог бы ответить, пожалуй, даже самому себе.

— То, что здесь моя ферма, — упрямо повторил он. — То, что я здесь родился. То, что я вырос среди людей, которые любили и постоянно вспоминали эти места. Можете думать что хотите, но для меня все это важно.

Герхард немного помолчал.

— Мы еще поговорим с вами об этом, — сказал он затем.

— Я завтра уезжаю.

— Какой смысл было ехать в такую даль, чтобы пробыть всего два дня. Мы еще поговорим, — повторил он и вышел.

Хаттинг с сыновьями последовали за ним.

— Напрасно он так поздно вечером ездит один, — сказала г-жа Хаттинг.

— Ему далеко ехать? — спросил Георг.

— Нет, не очень. Коммандодрифт — прямо по дороге, но здесь опасно ездить ночью

одному. — Она начала убирать чашки. — Он ничего не боится, он еще очень молод...

— А кто его родители?

– Его родители так же, как и мы, переехали на ферму во время *волнений,* а до этого тоже жили в городе. Коммандодрифт — ферма его матери, Коти. Она дочь дядюшки Класа... но где же Карла? Не успели мы выпить кофе, как она исчезла. И даже не попрощалась с Герхардом. — Г-жа Хаттинг подошла к двери. — Карла! — крикнула она в темный коридор. — Пауль!

Никто не ответил. Вздохнув, она вернулась к столу, рассеянно огляделась и, посмотрев на Георга, вспомнила, о чем они говорили.

— Ах, да, — сказала она, присаживаясь к столу. В тусклом электрическом свете она выглядела особенно утомленной и измученной. — Это ферма Коти. Франк никогда не был фермером. Он был слишком беспечен и не годился для такой жизни. И если он и был в чем-нибудь замешан, то скорее из озорства, чем из-за чего-то другого, мне так всегда казалось. Однажды он пошел в кооператив, и в деревне его арестовали. А Коти была в это время дома и ничего не знала. Она только через несколько дней услышала о том, что с ним случилось.

Г-жа Хаттинг подняла голову и прислушалась. И в доме, и на дворе все было тихо. Где же, в самом деле, Карла, — подумал Георг, — и где Пауль? Г-жа Хаттинг еще некоторое время молча вслушивалась в тишину, а затем продолжила свой рассказ:

— Так вот, Франка арестовали, а через несколько месяцев им сообщили, что он умер.

— Что же с ним случилось?

Она безнадежно махнула рукой.

— Люди исчезают бесследно. Человеческая жизнь теперь ничего не стоит. Постепенно к этому привыкаешь и больше не задаешь лишних вопросов.

Во дворе, заводясь, зафыркал мотор. Г-жа Хаттинг обернулась к двери.

— Так вот, Франк больше не вернулся, — продолжила она, но было заметно, что ее мысли разбегаются и что она все еще прислушивается к треску мотора и к тишине в доме. — А вскоре после этого умер дядюшка Клаас, и вся ферма осталась на Коти. Тетушка Мария уже тогда болела, а Герхард был еще ребенком. И Коти сама делала всю мужскую работу: пахала, молотила, стригла овец. Я никогда не слышала, чтобы она жаловалась. Казалось, трудности только придавали ей сил.

Машина проехала по двору, фары на секунду сверкнули в открытую дверь, и вскоре шум мотора растаял в ночи.

— Для нас всегда большая радость повидать Герхарда,— сказал, входя в дом, Хаттинг. — Это вам, Георг, мы должны быть благодарны, что он к нам заехал. Вы для нас важная персона, знаете ли. Я слышал, что в Модерсгифте Бетти пыталась затащить вас в школу, чтобы показать детям. Надеюсь, мы еще не слишком надоели вам своей навязчивостью?

— Где ты был все это время, Пауль? — обратилась г-жа Хаттинг к вошедшему в кухню сыну. — И где Карла?

— Карла у себя в комнате.

— Неужели она не могла прийти попрощаться с Герхардом? Что с ней?

— Тебе лучше знать, что с ней, — ответил Пауль, усаживаясь рядом с Георгом.

— Герхард считает, что было бы неплохо познакомить Георга со всеми соседями, — сказал Хаттинг. — Он предлагает нам завтра вечером приехать в Коммандодрифт. Как вы на это смотрите, Георг?

— Это, конечно, идея Коти, — уверенно заявила г-жа Хаттинг. — Поэтому она и не приехала вместе с ним.

— Я завтра утром собирался уехать, — сказал Георг.

— Но, может быть, нам удастся уговорить вас остаться еще ненадолго? Уступите нам один день.

— Тетушка Мария будет рада увидеть вас, — сказала г-жа Хаттинг. — Она хорошо знала ваших родных.

— Герхард хочет пригласить Лоренсов, — продолжал Хаттинг, — и, конечно, тетушку Мими и всех остальных из Модерсгифта. Наберется человек двадцать.

— Но тогда нам придется ехать ночью, — забеспокоилась г-жа Хаттинг.

— Мы поедем все вместе, так будет менее опасно. Если мы выедем дотемна, то ничего не случится.

— Ну, а переночевать мы можем и в Коммандодрифте, — добавила г-жа Хаттинг. — Мы так давно не собирались все вместе. Когда мы собирались в последний раз, Хенни?

— Вы ведь можете отложить свой отъезд еще на один день, правда? — снова обратился

к Георгу Хаттинг.— А потом мы не будем даже пытаться вас задерживать.

— Хорошо,— подумав, согласился Георг.— Я останусь.

— Еще бы! Конечно, стоит остаться, чтобы посмотреть на тетушку Марию, — язвительно заметил Пауль.

— Пауль! — укоризненно проговорила г-жа Хаттинг.

— Да и тетушку Локи Лоренс вы тоже не скоро забудете. После того, как вы увидите всю эту свору, вас уже ни за что здесь не удержишь,— чуть тише добавил Пауль.

Хозяева заговорили о завтрашнем вечере: Иоганнес съездит в Модерсгифт за тетушкой Мими, а Герхард заедет в Йенсгевонден и пригласит Лоренсов.

— Я хотел бы лечь спать, — прервал их разговор Георг. — Я очень устал сегодня.

— И неудивительно. У вас столько новых впечатлений, — сказал Хаттинг.

— А может быть, вы плохо спали прошлой ночью? — обеспокоенно спросила г-жа Хаттинг. — Или вы так устали от поездки в Модерсгифт? Дорога туда довольно тяжелая.

Георг пожелал хозяевам спокойной ночи и вышел. Закрыв за собой дверь, он очутился в полной темноте. В коридоре нет света, вспомнил он, нащупывая рукой стену. Сумеет ли он найти свою комнату? Он хотел было вернуться в кухню, но увидел вдалеке слабый свет. Свет появился откуда-то из-за угла и быстро приближался, отбрасывая блики на стены и потолок. По коридору со све-

чой в руке шла Карла. Она была совсем рядом с Георгом, когда неожиданно заметила его и остановилась.

Почему она так внезапно исчезла после ужина и куда идет сейчас со свечой? Но Карла молчала, и Георг понимал, что не стоит ее ни о чем спрашивать.

— Спокойной ночи, — сказал он, проходя мимо девушки.

Она задумчиво поглядела на него и кивнула головой:

— Спокойной ночи.

Карла подняла свечу, освещая ему дорогу, пока он шел к своей комнате, но, когда он оглянулся, закрывая за собой дверь, в коридоре уже снова было темно.

— Сегодня, кажется, будет хороший день, — сказала г-жа Хаттинг, снимая с противня хлеб. — Вам до сих пор не везло с погодой. Хотя удивляться нечему, начинается осень. Вот и вечера уже холодные, и темнеет очень рано. По правде говоря, я побаиваюсь сегодняшней поездки к Коммандодрифт.

Запах свежеиспеченного хлеба наполнял кухню.

— Почему же так опасно ездить ночью? — спросил Георг.

— Мы живем в стороне, всякое может случиться...

— Но и днем тоже.

— Ночью это более вероятно.

Она задумчиво оглянулась. Проследив за ее взглядом, Георг тоже посмотрел

в окно, но увидел только пустой двор в тусклых лучах утреннего солнца.

— Берите молоко, — сказала г-жа Хаттинг, пододвигая к нему кувшин с молоком и сахарницу. — Муж с Хендриком после завтрака уехали в деревню. Они повезли картофель в кооператив.

— А вы не бываете в деревне?

— Что мне там делать? В деревне осталось так мало людей, которых мы знаем.

— Все уехали?

— Одни уехали, другие умерли... Многое изменилось, все теперь не так, как было прежде. Поэтому лучше сидеть дома. К тому же дома всегда достаточно работы.

По ее тону Георг догадался, что его вопросы чем-то ей неприятны.

— Они поехали вдвоем? — спросил он, пытаясь изменить тему разговора.

— Да, они справятся и вдвоем. Пойду за яйцами, — сказала она, повязывая на голову платок.— Наливайте себе еще кофе, если хотите. Кофейник на плите.

Через заднюю дверь в кухню вошел Иоганнес. Он кивнул Георгу и сел за стол.

— По-видимому, за границей принято долго спать? — добродушно спросил он Георга.

— Я начинаю работу в десять часов и не привык рано вставать.

— Вам следовало бы поработать на ферме. Здесь для вас хватило бы работы с рассвета до поздней ночи.

— Я не думаю, что это по мне.

— Что же плохого в работе на ферме?

— Я этого не говорил. Просто если бы я

попытался работать вместе с вами, то наверное, больше мешал бы, чем помогал.

— Да, конечно,— согласился Иоганнес.— Это по вашим рукам видно.

Георг посмотрел на свои руки. По возвращении домой ему нужно будет сделать маникюр. В этой чужой стране, которую он так почти и не видел, ему оставалось пробыть еще два дня и из них всего один — на ферме Хаттингов.

Иоганнес тоже смотрел на его руки, слегка насмешливо, но без обычной недоброжелательности.

— Если бы вы решили поселиться здесь, мы попробовали бы сделать из вас настоящего фермера.

— Вы считаете, что мне нужно заново отстроить Ритвлей?

— А почему бы и нет? Многие начинали с меньшего. Мы научим вас класть кирпичи, бурить скважины, водить трактор...

— И вам кажется, что стоит попробовать?

— А вам так не кажется?

Г-жа Хаттинг взяла корзину и вышла. Они остались одни.

— Что вы собираетесь делать с фермой? — наклонившись к Георгу, спросил Иоганнес.

— Продать. Я уже давно это решил, и мои планы не изменились.

— Вы думаете, что найдете покупателя?

— Попробую найти.

Собственно говоря, все это не касается Иоганнеса, — подумал Георг. — А столь неожиданный интерес граничит с навязчивостью.

Иоганнес улыбнулся.

— Вы не хотите говорить со мной о своих делах? Вы мне не доверяете?

Было заметно, что он старается держаться дружелюбно, но глаза его смотрели на Георга по-прежнему настороженно и испытующе. Кажется, у Иоганнеса есть особые причины для этого допроса, — подумал Георг, чувствуя, что разговор начинает его тяготить.

— У вас, конечно, еще много дел. Не буду вас задерживать, — сказал Георг, заканчивая разговор и поднимаясь из-за стола.

Иоганнес понял его намек и растерянно улыбнулся.

— Что вы будете сейчас делать? — спросил он Георга.

— Пойду прогуляюсь.

— Куда?

— Не знаю, мне все равно.

Пауль и Карла должны быть где-то в доме, — подумал Георг, выходя из кухни. Он пошел по коридору. Двери комнат были закрыты, и оттуда не доносилось ни звука. Георг остановился у окна и посмотрел на пустой двор и видневшееся за забором поле. Идти гулять ему вовсе не хотелось. Он сейчас охотнее поговорил бы с Паулем или с Карлой. Но как их найти? Георг двинулся дальше мимо пустых комнат, наполненных тем же спертым запахом прошлого, который так угнетающе подействовал на него вчера в Модерсгифте. Открыв дверь в конце коридора, он неожиданно очутился на ступеньках лестницы, которая вела в примыкающий к дому сарай. Что-то зашуршало. Георг остановился, а когда глаза привыкли к темноте,

увидел г-жу Хаттинг с корзиной в руке. Она его не замечала и, согнувшись, продолжала рыться в соломе, тихо разговаривая сама с собой. Георг спустился вниз, чтобы помочь ей, но она приглушенно вскрикнула и оттолкнула его с выражением такого страха на лице, что он невольно отступил в сторону.

— Что с вами, госпожа Хаттинг? — спросил он.

— Боже мой, Георг, как вы меня напугали, — сказала она, узнав его.

— Я не думал, что вы испугаетесь. Я просто шел по коридору и случайно попал сюда...

— Вы не должны были так меня пугать, — укоризненно проговорила она и наклонилась поднять выпавшую из рук корзину.

— Простите, госпожа Хаттинг...

— Здесь никогда не знаешь, что может произойти в следующую минуту, а Хенни даже нет дома...

Она все еще не могла успокоиться.

— Давайте я помогу вам, — предложил он.

— Что? Ах да, яйца, — вспомнила она. — Вчера куры сбежали из курятника и бегали по всему двору. Я хотела посмотреть, нет ли здесь яиц, но пока ничего не нашла.

И она снова принялась рыться в разбросанной по сараю соломе.

— Давайте я помогу вам, — повторил Георг, но она, очевидно, не слышала.

— Дети, наверное, где-то в доме, но я не могла их найти. Они приходят и уходят, когда им вздумается. За ними не уследишь.

— Может быть, мне поискать их?

— Да нет, не надо. Пусть делают, что хо-

тят. Хендрик и Иоганнес совсем другие, куда серьезнее. Правда, они старше... —Продолжая говорить, она направилась к двери. — Они приехали на ферму вместе с нами, а эти двое родились уже здесь...

У нее снова был слушатель, с которым она могла поделиться своими горестями, и Георгу поневоле пришлось идти следом, выслушивая ее жалобы.

Г-жа Хаттинг остановилась у двери сарая и выглянула во двор.

— Сегодня холодный ветер, — сказала она, поправляя платок на голове. — Но, во всяком случае, не похоже, что будет дождь. Было бы неприятно тащиться вечером по грязи. Ведь ехать довольно долго, хотя Снейманы — наши ближайшие соседи.

— Почему здесь все фермы расположены так далеко друг от друга?

— Просто вокруг очень много заброшенных ферм. Почти все соседи уехали. Хорошо хоть, мне не приходится сидеть дома одной. А вот Коти, той гораздо хуже. Герхард целый день в поле, а она остается дома с тетушкой Марией. Правда, нельзя сказать, что старуха совсем беспомощна, но мне на месте Коти было бы страшно оставаться в доме без мужчин.

— Мне кажется, к жизни на ферме нужно иметь особую склонность, — сказал Георг. — Моя мать часто говорила, что не смогла бы прожить всю жизнь в Ритвлее.

— Да разве в этом дело? Конечно, если есть возможность выбирать... С Коти, правда, все было несколько иначе — она здесь выросла, и ей нравилось жить на ферме. Это

Франк никак не мог привыкнуть. Но у большинства не было никакого выбора. Мы ведь не успели вовремя уехать за границу, и переезд сюда был для нас единственной возможностью выжить.

В словах ее слышался упрек, но он относился не к Георгу.

— Нет, — повторила она, — у нас не было никакого выбора. Разве иначе я оказалась бы здесь? В юности я, правда, иногда гостила у родственников на ферме. Но что я тогда могла знать о жизни фермеров? Слышишь, бывало, как тетя командует служанками, а дядя жалуется на работников или говорит об урожае, вот и все. Могла ли я тогда представить себе, что вот так буду доживать свою жизнь? Кто мог предполагать, что с нами такое случится?

Она вышла во двор и побрела вдоль загона для скота.

— Не нравится мне на ферме, — взволнованно продолжала она, не глядя на Георга. — Я выросла в городе, знала лучшую жизнь. Может быть, мне следовало бы забыть об этом, может быть, моим детям и легче, что они не знают ничего иного. Мне-то теперь все равно, моя жизнь почти прожита, но для них хотелось бы чего-то лучшего...

Она собралась пойти дальше, но, вспомнив о Георге, остановилась и посмотрела на него, как бы извиняясь.

— Не похоже, что вы здесь найдете яйца,— сказал он.

— Ах да, яйца.— Она потуже затянула узел платка. — Может быть, отыщу пару

штук в саду, там куры тоже бегали. Пойду посмотрю.

И она быстро пошла через двор к саду. Он постоял, глядя ей вслед, и неожиданно услышал за спиной тихий свист. Обернувшись, он увидел возле дома Пауля.

— Я уж решил, что мама вас никогда не отпустит, — смеясь, крикнул он Георгу.— От нее не так-то просто отделаться. Я слышал ваши голоса в сарае.

— А где же ты был?

— Я прятался.

— Зачем?

— Просто так, нечего каждому знать, где я. Пойдемте со мной. Мы собираемся читать.

— Кто мы?

— Мы с Карлой.

— А как же Иоганнес? Он ведь дома.

— Мы прячемся на чердаке, и Иоганнес ничего об этом не знает. Пойдете? Быстрее, пока он нас не заметил.

Пауль схватил Георга за руку и потащил за собой. Войдя в сарай, они, как и в первый раз, сначала поднялись по лестнице на чердак, а потом протиснулись в узкую дверь, и Пауль закрыл ее на задвижку... Пригнувшись, они прошли под балками на второй чердак, где, сидя на матрасе, их поджидала Карла.

— А вот и вы, — приветствовала она Георга. — Мы подумали, вам приятнее будет посидеть с нами, чем помогать маме искать яйца.

— Я не знал, что вы здесь.

— Поэтому мы тут и прячемся, — гордо сказал Пауль. — И никто об этом не знает.

— Иоганнес знает, — возразила Карла.
— Он не знает, он только догадывается.
— Какая разница, знает или догадывается?
— Может, мы не будем сидеть и зря болтать языком, раз решили читать. А то скоро вернется отец.
— Ты же прекрасно знаешь, он никогда не возвращается из кооператива раньше обеда. У нас еще достаточно времени. Садитесь, только смотрите не запачкайте ваш красивый костюм, — насмешливо сказала она Георгу, открывая книгу, лежащую у нее на коленях.
Пауль растянулся прямо на полу.
— Что это за книга? — спросил Георг.
— Да так, ничего особенного, просто одна из книг Фанни Раубенхеймера. Он умудрился собрать небольшую библиотеку.
— Фанни очень редко дает другим свои книги, — сказал Пауль. — Его больше устраивает, когда мы приезжаем в Модерсгифт и там читаем их вслух. А еще иногда он читает нам свои стихи.
— Свои стихи он читает чаще, чем что-то другое, — заметила Карла.
— У него не такие уж плохие стихи.
— Да, не хуже, чем большинство книг из его библиотеки.
Пауль нахмурился.
— Мы же решили, что будем читать, — обиженно сказал он. — Если ты сейчас же не начнешь, я уйду.
— Когда на ферме все тихо и не слишком заметно наше отсутствие, мы с Паулем забираемся сюда и читаем что-нибудь вслух, —

объяснила Георгу Карла и, склонившись над книгой, начала читать.

«В этот жаркий летний полдень старый фермерский дом мирно спал, укрывшись в тени деревьев. Обитатели дома вернулись после обеда в прохладу своих комнат, а слуги, которые должны были поливать сад, воспользовались отсутствием хозяев и бесшумно исчезли. И вот двор и сад, совершенно безлюдные, томились в жгучих лучах полуденного солнца...»

Карла держала книгу на коленях и читала тихим, ровным голосом. Пауль лежал на полу, уперев подбородок в ладони, а Георг сидел возле него, прислонившись к стене. За окном проносились облака, и сквозь пыльное стекло на пол изменчивым узором падал свет. Время от времени в оконной раме дрожало стекло, а на крыше начинало грохотать железо, заглушая голос девушки. Книга была скучной, и Карла даже не пыталась хоть как-то оживить унылое повествование.

Неужели это и есть осень... это безотрадное угасание? — подумал Георг, и ему пришло на память путешествие вдоль Дордони[1] среди пламенеющих лесов и виноградников. Ему вспомнилось, как мать с грустью посмотрела на придорожные тополя и начала что-то рассказывать о тополях и ивах, желтевших осенью у ручья на ее родине. Георг был тогда уже школьником. Почему же той осенью он путешествовал вместе с родителями? В маленьком сельском ресторанчике они пили вино и ели трюфели, а мать продолжала свой рассказ. Георг понимал, что она говорит не для него — ей просто нужно было поделить-

[1] Дордонь — река на юго-западе Франции.

ся с кем-то своими воспоминаниями, и, молча слушая ее, представлял себе выстроившиеся в ряд багровые, словно охваченные пламенем, деревья. Потом они поехали дальше. Солнце было подернуто легкой дымкой, а по обеим сторонам дороги крестьяне собирали мускатный орех...

Разве мог он тогда представить себе этот голый чердак, резкий ветер за окном и облака, проносящиеся над блеклой, покинутой землей?

Солнечный луч пробился сквозь стекло и упал на ящики, на пол, на журналы, осветил склоненную голову девушки. Георг впервые видел Карлу такой спокойной, без ее обычной настороженности и сухости, которыми она сознательно старалась отгородиться от него. Девушка подняла голову и посмотрела на Георга.

— Вы слушаете? — спросила она.

— Что ты хочешь этим сказать? — возмущенно вскинул голову Пауль.— Чем же мы, по-твоему, заняты?

— Мне кажется, что вы сидите и спите. Вы ведь не слышали ни слова из того, что я читала. Разве не так? — спросила она Георга.

— Тебе просто сегодня не хочется читать, вот ты и придираешься! — заявил Пауль.

— Тогда расскажи, о чем я читала, раз ты так внимательно слушал.

— О ферме, о пасторе...

— Смотри-ка ты! О ферме и пасторе. А я уже прочитала двенадцать страниц!

Было ясно, что ей и в самом деле не хочется читать, и она пытается рассердить брата.

— Читай дальше, Карла, — попросил Пауль. — Фанни скоро потребует книгу обратно. Ты же знаешь, как он дрожит над своими книгами. Мы не успеем ее дочитать.

— Подумаешь, потеря, — сказала Карла и повернулась к Георгу. — Пауль лежит и дремлет, а вы сидите в углу и боитесь запачкать костюм...

— Представьте себе, я способен думать не только о своей одежде.

— Так о чем же я читала?

— О девушке, живущей на ферме, о священнике, приехавшем в гости...

Она улыбнулась, наклонила голову и снова принялась читать. Она права, Пауль не слушает, — поглядев на юношу, подумал Георг. Глаза Пауля затуманились, и было видно, что его мысли витают где-то далеко. Да и сам Георг слушал только тихий, ровный голос Карлы, не вникая в бесцветное повествование. Девушка подняла голову, поймала на себе пристальный взгляд Георга и, не прерывая чтения, отвела глаза. Рассердилась? Но по ее сосредоточенному лицу и размеренно звучащему голосу ничего нельзя было определить. Через некоторое время он заметил, что ее манера чтения слегка изменилась: она начала чуть выделять некоторые слова и фразы, а в голосе появилась торжественная приподнятость. Она хочет поддразнить Пауля, — весело подумал Георг. Но Пауль лежал, мечтательно глядя прямо перед собой, по-прежнему ничего не слыша.

Карла перевернула страницу. В ее исполнении рассказ начинал походить на пародию: фермерская дочка, ее мать и пастор двига-

лись какими-то рывками, а их благородство и порядочность казались почти карикатурными. Георг улыбнулся, теперь он слушал Карлу с удовольствием. Взглянув на него, она тоже улыбнулась и продолжала читать с еще большей нарочитостью.

«Она была прелестным созданием лет двадцати. Своими голубыми, вызывающе искрящимися глазками и пухлыми алыми губками девушка уже покорила немало молодых людей, так и не подарив своего сердца ни одному их них».

Карла подняла голову, встретила взгляд Георга, и они оба расхохотались. Пауль удивленно уставился на них.

— Что это с вами? — подозрительно спросил он.

— Надо внимательно слушать, — смеясь, ответила Карла. — Я же говорила, что ты не слушаешь.

Пауль перевел взгляд на Георга, но Георг продолжал смеяться, охваченный необъяснимым весельем. Ничего не понимая, Пауль некоторое время недоверчиво глядел на них, затем нахмурился и встал.

— Ну хорошо, если вы решили валять дурака, я ухожу. Я не собираюсь тратить время попусту. — Но ему не удалось сохранить гордую позу. — Ты сегодня все утро пытаешься оригинальничать, — набросился он на Карлу. — Тебе вовсе неохота читать, ты просто хочешь, чтобы на тебя обращали внимание.

Карла невозмутимо улыбалась.

— Ты важничаешь, потому что решила, будто Герхард специально приезжал вчера, чтобы повидать тебя. А он вовсе и не ради тебя приезжал...

Под хладнокровным взглядом Карлы его голос прервался, лицо исказилось от ярости, и он бросился к выходу. Они услышали, как он, спотыкаясь, пробежал между балками и захлопнул за собой дверь.

— Хотите узнать, что было дальше? — спросила Карла, показывая на книгу.

— Да, конечно, — вежливо ответил Георг.

— Тогда читайте сами, с меня на сегодня довольно.— Она швырнула ему книгу.

Книга упала возле Георга.

— Зачем же вы так долго читали?

— Ради Пауля.

— В результате вы его же и разозлили.

— Его легко разозлить.

Она отвернулась к окну.

— Через полчаса он уже забудет, из-за чего рассердился. Вот увидите, он скоро вернется.

— Мы подождем его?

— Как хотите. Я побуду здесь, пока меня не хватятся дома.

— Госпожа Хаттинг уже искала вас...

— Ах, уж эта мама, — ласково, но слегка пренебрежительно сказала Карла. — Она прекрасно знает, где мы, но предпочитает ничего не замечать. Кое в чем она очень покладиста.

— А что, ваш отец не такой?

— Вам это действительно интересно?

— Что именно?

— Да все... наша семья...

— А почему вы не можете меня интересовать?

— Что же вы находите в нас интересного? Мы всего лишь бедные фермеры, и вы у нас

гостите только потому, что вас уговорили, и у вас нет никаких других дел до отъезда.

— Я сам захотел остаться здесь.

— Вот как? А почему?

Она с любопытством смотрела на него, ожидая ответа, но Георг не смог придумать ничего убедительного.

— Потому что у меня нет никаких других дел, — признался он, и они оба засмеялись.

– Вы не дадите мне сигарету? — попросила Карла.

— Вы не курите при родителях?

— Я курю, когда у меня есть настроение. К тому же, у вас заграничные сигареты, не то что наши самокрутки.

Георг протянул ей пачку.

— Наконец-то вам хоть что-то во мне нравится, — заметил он.

Карла молча закурила.

— Не обращайте внимания на то, что я говорю, — через некоторое время сказала она. — Я ведь предупреждала вас вчера, когда мы были в Ритвлее.

— А вы помните, я сказал вам, что любой разговор предпочитаю молчанию. Лучше будьте со мной резки, но только не делайте вид, что меня вообще не существует.

Она пожала плечами.

— Мои родители уже и так одолели вас своими бесконечными расспросами. Зачем же еще и мне вам надоедать?

— А может быть, именно с вами у нас нашлось бы больше тем для разговоров?

— Почему вы так думаете?

— Мне так кажется. Мы с вами примерно

одного возраста, принадлежим к одному поколению...

Она долго молча курила, размышляя над его словами.

— Да, поколение после *волнений* — новое поколение... А если я уже привыкла к молчанию? В какой-то момент нуждаешься в собеседнике, ждешь его, а потом, когда наконец получаешь возможность выговориться, то оказывается, что сказать тебе нечего.

— Действительно нечего или вы просто не хотите говорить со мной?

Она снова замолчала, а затем продолжила, словно не расслышав его вопроса:

— В общем-то дело не в том, что нечего сказать. Просто постепенно учишься действовать, и тогда уже не нужно ни о чем говорить. Становишься самостоятельным, — она улыбнулась.— Вот старикам, тем хочется поговорить.Например, моим родителям или тетушке Мими. Но ведь слова не помогают.

— А что вы предлагаете?

— Подождите, еще узнаете, — снова улыбнулась Карла.

— Вы только что обидели Пауля. А теперь и надо мной издеваетесь.

— Вам действительно так показалось?

— Я же не знаю, что у вас на уме. Может быть, я надоел вам, и вы хотите от меня избавиться.

— Нет, я, как умею, пытаюсь поговорить с вами, но, наверное, у меня не получается. Вам, вероятно, не нравится моя манера разговаривать, но я ничего не могу поделать. Вы вольны уйти. Вы же знаете, как отсюда выбраться.

— Я не хочу уходить. Мне тоже хотелось бы поговорить с вами.

— Вот как?

— Мне интересно беседовать с вами. Да, именно так, хотя вы и считаете, что не можете меня интересовать.

— Это следует воспринимать как комплимент?

— Дело в том, что вы непохожи на девушек, которых я знаю. Вы живете в совершенно другом мире...

Она взглянула на Георга с неожиданным любопытством.

— Расскажите мне о девушках, которых вы знаете. Вы помолвлены? У вас есть девушка?

— Нет.

— Но должны же быть у вас приятельницы?

— Да, конечно.

— Расскажите мне о них. Как они выглядят? Как одеваются? О чем разговаривают?

— Я же говорил: вы просто издеваетесь надо мной.

— Значит, вы не хотите ничего рассказывать.— В ее голосе послышалось разочарование. — Вы упрекаете нас за то, что мы вам не доверяем, но вы и сами не лучше. За все время, пока вы здесь, вы ничего не рассказали о себе. Конечно, вы представились, как же иначе, но потом говорили только о своих родителях. Вы были ужасно учтивы, за все нас благодарили, делали вид, будто вас интересуют наши дела, но ни словом не обмолвились о себе и остались для нас загадкой. Вам не за что нас упрекать.

— Моя жизнь слишком непохожа на вашу...

— Но я тоже человек. Или вам так не кажется? Я многое могу понять. Я тоже училась в школе, читала книги и тоже кое в чем разбираюсь, хотя всю свою жизнь жила на ферме. Какое вы имеете право смотреть на меня свысока и говорить, что я не пойму вас?

— Я не хотел вас обидеть.

— Да, — печально сказала она, — извините меня. Я знаю, что вы этого не хотели. И все же вы смотрите на нас свысока, ведь правда? Кто мы для вас? Бедные крестьяне, занятые своими овцами, кукурузой и думающие лишь о том, как бы выжить. Мы не такие, как ваши друзья, и вы даже не считаете возможным рассказать нам о них. Мы для вас как будто и не люди.

Георг попытался что-то возразить, но Карла не слушала его.

— И дело даже не в этом. Можете презирать нас, если хотите. Но поймите, что, если на тебя не смотрят как на человека, если с тобой перестают обращаться как с человеком, ты сам постепенно начинаешь забывать, что ты человек. Ты теряешь гордость и достоинство. Единственное, что тебе важно, — остаться в живых. Ты хитришь, прячешься и унижаешься! Я знаю все это по себе, и я боюсь этой слабости гораздо больше, чем бедности или смерти. Это самое ужасное из того, что они с нами сделали. Дело даже не в том, что нам пришлось все бросить и сбежать сюда, это неважно. Меня страшит другое — перестать чувствовать себя человеком.

Карла говорила с несвойственной ей горячностью, удивившей Георга. Девушка выглядела сейчас такой юной и беззащитной, что Георг невольно заговорил мягким, успокаивающим тоном, словно перед ним был обиженный ребенок.

— Может быть, вы и не поверите, но я очень хотел бы помочь вам. Чем я могу быть вам полезен?

— Ничем. Вы уже сделали свой выбор. Вы все уехали за границу, начали там новую жизнь и бросили нас. Вы еще можете доставить немного радости моим родителям и другим старикам, ушедшим в воспоминания. А у меня нет ни воспоминаний, ни иллюзий.

— А как же этот чердак, на котором вы прячетесь?

— А что чердак? Это чердак Пауля, тут его книги, ему нравится лежать здесь и мечтать о других странах и другой жизни.

— А вы? Разве вы ни о чем не мечтаете?

— В этом нет никакого смысла.

— И вы думаете, я вам поверю?

— Конечно, раньше и у меня были всякие мечты, но теперь это позади, — пренебрежительно сказала она, словно речь шла о давно преодоленной слабости.

— И вы счастливы, живя вот так?

— А вам кажется, что я несчастлива?

— Неужели вы довольны своей жизнью?

— А почему бы мне не быть счастливой и довольной, несмотря ни на что? — вызывающе спросила она. — Вам, конечно, этого не понять.

— Да, я этого не понимаю. Должен признаться, что вообще ничего здесь не пони-

маю. Ни вас, ни вашей жизни, ни этой страны.

— Вы удивлены этим?

— Я не ожидал, что все здесь окажется настолько чужим. Поездка сюда представлялась мне как бы возвращением домой. Я вырос среди людей, которые постоянно говорили об этой стране. Они не могли говорить ни о чем другом. Мне рассказывали о ней так, будто никаких других стран вообще не существует. Я изучал ее историю, прочел о ней множество книг. И вот приехал сюда и ничего здесь не узнаю.

— Да, понимаю. Даты битв, которые всегда выигрывались, имена людей, которые обязательно были героями, красивые слова и благородные жесты, длинный перечень героических поступков, а кроме того, перечень несправедливостей и обид, которые никогда не следует забывать... Ведь вас учили именно этому?

— Да.

— Мне это знакомо. Мне приходилось все это учить в школе, в Модерсгифте, у старого Малана. Он уже умер. У него на лысине был шрам от удара прикладом. «Посмотрите на меня, взгляните на это!» — кричал он каждый раз, когда речь заходила о несправедливостях, как будто то, что случилось с ним, было здесь самым ужасным. — Она горько усмехнулась. — Они забивали нам головы народными песнями, гимнами, речами. А для чего? Все это не имеет никакого смысла. Страна, о которой мне твердили, для меня такая же чужая, как и для вас. Лучше бы меня научили, как быть покорной

и терпеливой, как выдерживать все что угодно и выживать, несмотря ни на что. Ведь именно это необходимо человеку, если он хочет жить здесь.

— А чему, по-вашему, должны были научить меня?

— Не знаю. Французскому, или немецкому, или математике — чему угодно, только не этим бессмысленным вещам.

— Наверное, вы правы. Мне еще ни разу в жизни не пригодилось то, что я учил.

— Вы не останетесь здесь, — неожиданно сказала Карла. — Я сразу поняла. Родители думают, что вы, может быть, еще вернетесь на ферму. Но я с самого начала была уверена, что этого не произойдет.

— Ваш брат сегодня уже заводил со мной разговор на эту тему.

— Иоганнес? И он тоже?

— Но, кажется, он не очень верит в мою тягу к фермерской жизни.

— Вы никогда не станете фермером. Да вы и не хотите.

— Нет, не хочу. Об этом только в книгах красиво говорится.

Георг показал на лежащую на полу книгу, и они оба улыбнулись.

— И все же это прекрасная жизнь, — сказала Карла. — И страна эта тоже прекрасна, хотя вам и не понравилась.

— Я этого не говорил.

— Но ведь так. Разве нет?

— Мне трудно объяснить свои впечатления от этой страны. Она меня и пугает, и одновременно чем-то притягивает.

— Это прекрасная страна, — повторила Карла. — Сейчас уже осень, а скоро наступит зима. Вы не представляете, как здесь красиво зимой. Белые поля и высокое чистое небо. А кругом тишина... — Она отвернулась от Георга. — Но вы этого никогда не увидите.

Завтра утром он уедет отсюда, а вечером самолет доставит его в Цюрих, где сейчас весна и на деревьях в парках набухают почки. Интересно, во сколько он будет в Женеве? — подумал Георг.

Карла поднялась.

— Мне пора идти, — сказала она. — У меня еще много работы.

— Вы решили не дожидаться Пауля?

— Пауль, наверное, забыл о нас. А может быть, его дурное настроение сегодня затянулось дольше обычного. Не стоит его ждать.

Она направилась к выходу.

— Спасибо за чтение,— сказал Георг.— И за разговор.

Она остановилась у двери.

— Я сказала вам, что вы ничего не можете для меня сделать, но это не так. Вы выслушали меня, а это для меня очень важно. Ведь здесь не с кем поделиться. Только постарайтесь не обращать внимания на то, что я вам наговорила.

Перед ним снова была смущенная девушка, неумело подыскивающая слова извинения. Карла быстро вышла. Георг поднял лежавшую у ног книгу. Страницы помялись. Он расправил их, закрыл книгу, отложил ее в сторону и еще долго сидел, словно ожидая кого-то. Но никто не появлялся. И только блики света весело играли на полу.

Хаттинг с Хендриком возвратились около полудня и за обедом рассказывали о долгом оформлении бумаг и разных проволочках. Г-жа Хаттинг все утро была чем-то взволнована, но с приходом мужа наконец успокоилась. Пауль появился на кухне перед обедом и молча сел за стол, не отвечая на расспросы матери. Карла тоже не принимала участия в разговоре. Только Иоганнес с интересом расспрашивал отца о поездке в деревню и ценах на продукты. Слушая их беседу, Георг вдруг почувствовал, что соскучился по дому и друзьям. В день возвращения он будет ужинать у Пьера и Евы. «Я приготовлю fricassée de poulet à l'ancienne[1]»,— сказала Ева... Он обещал принести вино. Возьму бутылку «Côtes de Rhône» или «Graves»,— подумал он, представляя себе ужин при свечах в обществе друзей. Сегодня вечером еще предстоит эта поездка в Коммандодрифт, а уже послезавтра он будет в Женеве. Что же принести Еве: цветы или ее любимые греческие сладости?

— Что ты сегодня делал, Пауль? — спросил Хаттинг сына.

Юноша ничего не ответил.

— Ты же нам сам сказал, папа, что мы должны высадить лук, — вмешалась Карла.

— Я спрашиваю Пауля.

— Нетрудно догадаться, чем он был занят, — насмешливо заявил Иоганнес.— Можно об этом и не спрашивать.

— А ты что делал? — огрызнулся Пауль — Следил за мной?

[1] Куриное фрикасе, приготовленное по старинному рецепту *(франц.)*.

— Чего тут следить, и так все ясно. Как только отец уехал, вы сразу же исчезли — и ты, и Карла.

— А ты искал нас? — спросила Карла. — Я и не думала, что тебя так интересует, что мы делаем.

— Дети! — попыталась остановить их г-жа Хаттинг.

— Хватит! — резко прервал перепалку Хаттинг. — Не понимаю, почему вам все время нужно ссориться?

— Пауль так и не сказал, чем он занимался все утро, — язвительно заметил Хендрик.

На этот раз его слова повисли в воздухе.

— Во сколько мы сегодня поедем? — спросила мужа г-жа Хаттинг.

Они заговорили о предстоящей поездке. Иоганнес заедет на фургоне за тетушкой Мими, а остальные отправятся с Георгом на машине.

— Карла, ты не собираешься погладить белое платье? — спросила г-жа Хаттинг.

Карла с неудовольствием поглядела на мать.

— Ты же знаешь, как я не люблю его.

— Любишь или нет — дело не в этом. Тебе больше нечего надеть.

— А чем плохо то, что на мне сейчас?

— Если она нравится Герхарду в этом, к чему возиться с белым платьем? — поддержал сестру Иоганнес.

— Сегодня особый случай, соберется весь округ. И если вы полагаете, что я позволю вам ехать туда в таком виде, вы ошибаетесь, — возмущенно заявила г-жа Хаттинг.— Пора научиться вести себя как следует. Что

подумают о вас люди? — Тут она вспомнила о присутствии Георга и остановилась. — Карла, принеси твое платье, я его выглажу.

— Я советую тебе выехать пораньше, — сказал Хаттинг Иоганнесу. — Ты же знаешь, сколько времени будет собираться тетушка Мими.

Все встали и разошлись по своим делам. Только Пауль продолжал сидеть, скатывая шарики из хлебных крошек.

— Ты все еще на нас сердишься? — обратился к нему Георг, и Пауль тотчас улыбнулся, словно давно ждал этого вопроса.

— Я рассердился вовсе не на вас, а на Карлу. Нечего было ей ломаться.

— Но ты же действительно не слушал, когда она читала.

— Дело не в книге. Фанни дал мне ее только потому, что ему самому она не нужна.

— Так почему же ты рассердился?

— Если Карла решила издеваться над всем на свете, то зачем нам прятаться на чердаке? С таким же успехом мы можем идти сажать лук. Это был наш чердак, только для нас двоих.

— Он останется твоим.

— Нет, это будет уже не то.

— Пауль, пересядь куда-нибудь, — сказала, вернувшись из кладовой, г-жа Хаттинг, — ты мне мешаешь.

— Куда вы идете? — спросил Пауль у Георга, поднявшегося из-за стола.

— К себе в комнату. Мне нужно переодеться к вечеру.

— Мы еще не скоро поедем.

— У меня нет никаких других дел.

День был по-прежнему облачным, но ветер утих. Георг остановился у окна, глядя, как Иоганнес выезжает со двора, отправляясь в Модерсгифт за тетушкой Мими. Г-жа Хаттинг убрала со стола посуду и поставила на плиту утюг. Пьер и Ева будут расспрашивать его о поездке, подумал Георг, а что он сможет им рассказать?

— Можно мне пойти с вами? — спросил Пауль.

— Куда?

— К вам в комнату.

Георг рассеянно кивнул, и Пауль с благодарной улыбкой последовал за ним. В комнате Пауль присел на кровать, с любопытством следя за тем, как Георг выбирает рубашку.

— Что вы наденете? — спросил он и, когда Георг показал ему костюм, рубашку и галстук, подошел поближе.

— Сколько стоит этот галстук?

Георг назвал ему цену в пересчете на здешние деньги, но Пауль его уже не слушал, он рассматривал остальные вещи в шкафу и чемодане.

— Зачем вы столько всего привезли?

— Чтобы носить, зачем же еще?

— У вас красивые вещи, — сказал Пауль, скользя взглядом по вешалкам в шкафу. — В Коммандодрифте все будут смотреть только на вас.

— Если хочешь, можешь надеть какую-нибудь из моих рубашек, — предложил Георг.

— Вы серьезно?

— Конечно, серьезно.

Пауль несколько секунд задумчиво молчал.

— Вот эту, розовую, — наконец решил он. — Я надену ее прямо сейчас.

Он быстро скинул с себя рабочую рубашку, бросил ее на пол и, надев рубашку Георга, потерся щекой о плечо и рукав, словно проверяя мягкость ткани.

— Из чего она?

— Это шелк.

— А как застегнуть рукава?

Георг подал ему запонки и помог вдеть их в манжеты.

— У вас масса смешных вещей, — сказал Пауль.

— В запонках нет ничего смешного.

— Это для вас нет.

Пауль взглянул на себя в зеркало и возбужденно зашагал по комнате, не переставая рассматривать вещи Георга.

— Что это такое?

— Лосьон.

— А это?

— Крем для бритья.

Флакончики и тюбики совершенно заворожили юношу, он зачарованно исследовал их, пока Георгу не надоело это любопытство.

— Хочешь надеть галстук? — спросил он, чтобы хоть как-то отвлечь его.

Пауль немного подумал, посмотрел на галстуки и покачал головой.

— Нет. Если я появлюсь там в галстуке, меня засмеют.

— Может быть, мне тоже лучше не надевать галстук?

— К вам это не относится, вы же иностранец.

Неожиданно Пауль схватил галстуки в

охапку и подбросил кверху. Они упали ему на голову и плечи трепещущим переплетением красок и рисунков. Пауль засмеялся радостно, как ребенок.

— Что ты? — спросил Георг.

— Очень красиво, — просто ответил юноша и блестящими от удовольствия глазами посмотрел на Георга из-под полосок материи, спадавших ему на лицо, точно кисти какого-то дикарского головного убора. — Очень красивые цвета. Покажите, что у вас еще есть.

В этот момент в дверь постучали, и в комнату вошел Хаттинг. Он был почти неузнаваем в строгом темном костюме и белой рубашке.

— Я пришел узнать, готовы ли вы, — сказал он Георгу.

— Папа, Георг дал мне на вечер свою рубашку.

— Иди приведи себя в порядок, Пауль. Мы скоро поедем.

— Я буду готов через пять минут, — сказал Георг, когда Пауль вышел из комнаты, но Хаттинг успокаивающе махнул рукой.

— Можете не торопиться. Правда, я думаю, что Иоганнес уже выехал из Модерсгифта и скоро будет здесь вместе с тетушкой Мими. Нам нужно добраться до Коммандодрифта, пока еще светло. Надеюсь, Пауль не слишком надоел вам своими разговорами. Он может говорить часами. Язык у него хорошо подвешен.

Хаттинг не уходил, и Георгу пришлось переодеваться при нем. Все разговоры о ферме были на время отложены в сторону, вместе с рабочей одеждой. Хаттинга, каза-

лось, несколько стесняли его новая роль и выходной костюм.

— Вы, конечно, понимаете, что я не часто так одеваюсь. Я купил этот костюм еще до рождения Иоганнеса. Но он совсем как новый, я его почти не носил. Когда-нибудь меня в нем похоронят.

Покрой костюма был действительно старомодным, а когда Хаттинг повернулся к двери, Георг заметил, что пиджак узок ему в плечах.

Вся семья приоделась по-праздничному и собралась во дворе, поджидая Иоганнеса. Хендрик, в белой рубашке с закатанными рукавами и темных брюках, стоял рядом с Паулем и весело подшучивал над его цветной рубашкой. Вот-вот была готова вспыхнуть новая ссора, но они увидели Георга и замолчали.

— Будем надеяться, что Иоганнесу удастся выманить тетушку Мими из дома, — сказал Хаттинг. — Но если она захочет лично проверить, все ли двери и окна закрыты, нам придется ждать до ночи.

— Пауль, ты не забыл запереть сыроварню? — спросила г-жа Хаттинг.

— Мама, я же сказал тебе, что закрыл все двери, — раздраженно ответил тот.

— Говоришь-то ты много, но не всегда делаешь, — заметил Хендрик.

— Карла, ты бы захватила кофту, — сказала г-жа Хаттинг. — Вечером будет холодно.

— Я не замерзну.

Девушка стояла в стороне от остальных, под камедным деревом. Когда она обернулась к ним, Георг в первый момент даже не узнал

ее. На ней было платье, судя по всему, сшитое по какой-то случайной выкройке из старого журнала. Пожалуй, ни одна женщина не могла бы выглядеть привлекательно в этом нелепом наряде с многочисленными бантиками, рюшами и оборками. Карла понимала, что платье совсем не идет ей — Георг успел это заметить по ее смущенному взгляду. Но она тотчас резко вскинула голову и вызывающе посмотрела на Георга, как бы желая показать, что не намерена терпеть ни насмешек, ни сочувствия.

— Вы выглядите весьма представительно, — сказала она ему. — А ведь мы едем всего лишь на простую крестьянскую вечеринку.

— Я, по-видимому, привез с собой не совсем то. Вы еще ни разу не похвалили ничего из того, что я здесь носил.

— У вас красивые вещи, но на ферме такие не носят.

— Едет фургон, — сказал Хендрик, и они заметили вдалеке на дороге облачко пыли.

— Вот увидите, тетушка Мими тоже едет с ними, — уверенно сказал Хаттинг. — Поэтому Иоганнес и ведет фургон так медленно. Тетушка Мими всегда боится, что машина перевернется.

Фургон постепенно приближался, поднимая клубы пыли.

— Тетушка Мими, наверное, не часто выезжает из дому, — сказал Георг Карле, чтобы нарушить молчание.

— Почти никогда. Это ради вас она сегодня позволила вытащить себя в гости.

— Но ведь она даже не поняла, кто я такой.

— Вы Кози Нитлинг, сын дядюшки Георга и тетушки Лотти, это она прекрасно поняла.

— А то, что Кози умер?

— Это неважно. Для нее все люди, которых она знала, живы. Ради них она и приехала сегодня — ради Кози, ради дядюшки Георга и тетушки Лотти. Это своего рода дань уважения прошлому.

Фургон медленно въехал во двор. Георг увидел, что из кузова приветственно машет рукой Раубенхеймер. За ним, рядом с Бетти, сидела тетушка Мими в соломенной шляпе с цветочками. Г-жа Хаттинг направилась к старухе, чтобы поздороваться, но Хаттинг вовремя перехватил жену.

— Пошли, нам нужно ехать, — сказал он, подталкивая ее и всех остальных к машине Георга.

Раубенхеймер все еще махал рукой, наполовину высунувшись из фургона.

— Здравствуйте, Георг-младший! — радостно закричал он проходившему мимо Георгу.— Я знал, что мы с вами еще увидимся.

Волосы Раубенхеймера, разделенные пополам ровной дорожкой пробора, казались приклеенными к голове, из кармана куртки высовывался кончик белого носового платка, и даже очки блестели ярче обычного.

— Я могу поехать в фургоне, — предложила Карла, но, возбужденная общей суматохой, г-жа Хаттинг втолкнула ее в машину.

— Садись, — сказала она, — нам пора ехать. В фургоне и без тебя много народу.

Фургон тронулся и стал осторожно выбираться на дорогу, Георг повел свою машину следом. Из-за клубов пыли время от времени

возникало улыбающееся лицо Раубенхеймера. Его попутчиков было почти не видно в глубине кузова.

— Дети тоже едут с ними? — спросила г-жа Хаттинг. — Сколько их сейчас в школе?

— Не знаю, мама. Человек шесть или семь.

— Так много? Чьи же они? Дети Ботесов, дочка Стинкампов...

Она напряженно вглядывалась вперед, пытаясь разглядеть сидящих в фургоне.

— Там, кроме взрослых, семь человек. Кто же седьмой?

— Пауль ведь тоже с ними, — сказал Хендрик. — Теперь они с Фанни наговорятся вдоволь.

— Где ты видишь Пауля?

— Фанни надеялся, что и Карла поедет вместе с ними, — посмеиваясь, продолжал Хендрик. — Ты сама слышала, что Карла просилась ехать в фургоне.

— Боже мой, неужели это сын Питерса? Он уже такой большой?

— Если бы я села в фургон, Пауль смог бы поехать в машине, — сказала Карла.

— А какая разница?

— Ему хотелось ехать в машине.

— Пауль стал у нас очень важным. В новой рубашке он, конечно, хотел бы ехать только в машине, — сказал Хендрик. — Ему теперь подавай что-нибудь получше, чем стихи Фанни.

Г-жа Хаттинг продолжала оживленно говорить, то и дело задавая вопросы, на которые никто не отвечал. Ее муж сидел сзади и смотрел в окно, иногда что-то показывая Карле. Она внимательно слушала его объяснения. А

Георг осторожно вел машину, стараясь объезжать ухабы и по возможности уклоняться от пыли, поднимаемой фургоном. Людей в фургоне раскачивало из стороны в сторону, и Раубенхеймер обеими руками держался за заднюю стенку кузова.

— Не знаю, как тетушка Мими перенесет эту тряску, — озабоченно заметила г-жа Хаттинг.

— Ничего, не беспокойся, тетушка Мими все равно ни за что бы не осталась сегодня дома, — ответил Хендрик.

Солнце заходило, последние лучи светили Георгу прямо в глаза. Небо еще горело пожаром, но темнота подползала все ближе. Закат угасал с каждой минутой.

— Вот мы и приехали, — сказал Хаттинг.

Дорога свернула в сторону, и вскоре в низине, где уже сгустились сумерки, показался большой белый дом, окруженный деревьями и хозяйственными постройками. Фургон прибавил скорость, и через несколько минут они въехали во двор.

Стена дома белела в сумерках. Окна и двери были закрыты, и только откуда-то издалека доносился яростный лай собак. Наконец дверь дома открылась, и гости стали по одному вылезать из машины и фургона. Хаттинг взял Георга за руку и подвел к женщине средних лет со спокойным, строгим лицом.

— Это сын Анны Нитлинг, — представил он Георга. — А это Коти Снейман.

— Очень рада с вами познакомиться, Георг, — приветливо сказала хозяйка дома.

Пожимая руку г-же Снейман, Георг заметил в ее лице некоторое сходство с Герхардом. Затем появился и сам Герхард. Как и остальные молодые люди, он был в белой рубашке и темных брюках.

— Хорошо, что вы приехали, — сказал он, протягивая Георгу руку.

Женщины столпились у фургона, из которого осторожно выбиралась тетушка Мими. Герхард отошел, чтобы поздороваться с мужчинами, а Георг остался возле машины, поглядывая на стоявших небольшими группами гостей. Темнота скрывала лицо тетушки Мими, и была видна только ее шляпа с болтающимися цветами, но зато голос старухи требовательно заглушал все разговоры вокруг: Иоганнес должен помочь ей выбраться, кто-то должен держать ее палки и кофту, еще кто-то — подать ей руку, а в завершение всего она нетерпеливо подозвала к себе Бетти.

Георг услышал негромкий смех, обернулся и увидел Пауля, стоявшего с другой стороны машины.

— Вы не пожалеете, что согласились сюда приехать, — сказал Пауль. — Сегодня здесь будет такой цирк, какого вам больше нигде не увидеть.

— Что ты имеешь в виду? — спросил Георг, но в это время к ним подошел Раубенхеймер.

— Добрый вечер, Георг-младший! — радостно заговорил он. — Пауль, нам нужно сегодня смотреть в оба, чтобы Георга не перехватили другие. Ведь мы обязательно должны побеседовать с ним, что ты скажешь, Пауль?

Пауль молча стоял в стороне, не проявляя ни малейшего интереса к словам Раубенхеймера, но тот и не ждал ответа.

— Я слышал, вы издатель? — доверительно обратился он к Георгу.

— Не совсем так. Я просто работаю в издательстве.

— Это, должно быть, очень интересно. Через ваши руки проходит столько книг. Вы, наверное, помните, я говорил вам, что пишу стихи и что могу показать их, если вам интересно. Я подумал, что, может быть, сегодня мы...

Георг заметил свернутые в трубку листы бумаги, оттопыривающие карман куртки Раубенхеймера.

— Я не уверен, будет ли у нас сегодня такая возможность, — осторожно возразил он.

— Мы что-нибудь придумаем. Дом большой, и мы отыщем какой-нибудь тихий уголок. Как ты на это смотришь, Пауль?

— Нам пора идти в дом, — сказал Пауль.

Тетушка Мими выбралась наконец из фургона, и вслед за ней вся процессия двинулась к дому. Г-жа Хаттинг и г-жа Снейман поддерживали старуху под руки, а за ними следовала Бетти с кофтой, шарфами и сумками. Для полной торжественности не хватает только, чтобы мужчины несли над тетушкой Мими балдахин,— подумал Георг, глядя на это шествие.

— Ну, пошли же, — нетерпеливо сказал Пауль и, не обращая внимания на Фанни, зашагал к дому.

— Дети, где вы там? — неожиданно резким и властным голосом крикнул Раубенхеймер.

Георг только сейчас заметил стайку детей, стоящих возле фургона. Подгоняемые учителем, они примкнули к веренице гостей.

— Пойдемте, — окликнул Георга Пауль.

— Что же вы не идете в дом? Вы сегодня почетный гость. Входите! — Герхард махнул Георгу рукой, приглашая присоединиться к процессии.

Г-жа Снейман тоже повернулась к нему.

— Проходите, Георг. Мы рады видеть вас у себя.

— Все вошли? — спросил Герхард.

Он закрыл входную дверь и запер ее на засов. Гостей провели в просторную комнату, разделенную аркой на две части. В одной половине было почти темно, другая освещалась керосиновыми лампами. Здесь стоял длинный стол со стульями, с портретов на стенах глядели все те же народные герои и политики. Единственным украшением комнаты был висящий в углу флаг.

Тетушку Мими провели к креслу, и женщины окружили ее, подавая сумки, подушки, палки, шарфы. Утомленная долгой дорогой, старуха молча сидела, откинувшись на спинку кресла, но глаза ее шарили по столу, а челюсти двигались, словно что-то пережевывая.

— Я думала, Вет приедет раньше вас, — сказала г-жа Снейман. — Уже совсем темно, а их все нет.

— Коти, ты же знаешь Вета и Локи, — успокоил ее Хаттинг. — Разве они могут приехать вовремя.

Они засмеялись и заговорили о чем-то между собой. Голоса их гулко отдавались

в комнате, на вид слишком просторной для собравшейся здесь небольшой компании.

— Бетти, когда мы будем ужинать? — спросила тетушка Мими.

— Сейчас, тетя. Мы ждем дядюшку Вета и тетушку Локи.

— Кого?

— Дядюшку Вета и тетушку Локи из Йенсгевондена.

— Если ручей вышел из берегов, они не смогут переправиться. Когда-то сын Клааса Лоттера утонул там вместе с телегой и лошадьми.

Никто не обратил внимания на ее слова. Все так же, как и она, с нетерпением ждали ужина.

— Удивительно, что она смогла приехать, — обратился Герхард к Георгу. — Я всегда удивляюсь ей. Эта женщина так много пережила, даже больше, чем можно себе представить.

— Она сегодня немного возбуждена, — заметил Раубенхеймер.

Со двора послышался шум мотора, и снова неистово залаяли собаки.

— Это Лоренсы, — сказал Герхард и вышел вместе с матерью встретить гостей.

Тетушка Мими повелительно махнула рукой Раубенхеймеру, и тот подошел к ней.

Георг посмотрел на детей. Держась за руки, они стояли у двери: мальчики в выцветшей рабочей одежде, девочки в коротких белых платьях — молчаливая группа, шесть пар жадно устремленных на него глаз.

— Добрый вечер, — сказал он, но дети испуганно отвернулись и ничего не ответили.

В коридоре раздались шаги и голоса, вошли новые гости, и в комнате сразу стало шумно и многолюдно. Со всех сторон слышались приветствия, раскатисто смеялся Хаттинг, взволнованно переговаривались женщины, и сквозь весь этот гам громко звучал недовольный голос тетушки Мими, тщетно зовущий Бетти.

— Георг, это Лоренсы, — сказал Герхард, — последние, с кем вам осталось познакомиться.

— Иногда последние становятся первыми, — смеясь и тряся руку Георга, возразил Лоренс. — Я всегда говорю, последние могут стать и первыми, верно, Георг?

— Как говорится, тише едешь — дальше будешь, — подхватила г-жа Лоренс. — Правда, сегодня мне пришлось торопить Вета, ведь, когда мы выехали, было уже, совсем темно. Идите сюда, девочки, познакомьтесь с внуком дядюшки Георга.

Перед Георгом выстроилось все семейство Лоренсов: невысокий мужчина с жидкими усиками, женщина средних лет с грубо подведенными бровями и три девушки, которые, смущенно хихикая, держались за спинами родителей.

— Это Даниэла, Хендрика и Иоганна, — представила дочерей г-жа Лоренс. — Девочки, посмотрите, вон школьники из Модерсгифта. Пойдите поздоровайтесь с ними. Боже мой, — продолжала она, когда дочери неохотно удалились, — мы ушам своим не поверили, когда Герхард сказал нам, кто приехал. Как вам здесь понравилось?

— Послушайте меня, Георг, — прервал ее

Лоренс. — Послушайте, что я вам расскажу.

Георг повернулся к нему, но никакого рассказа не последовало. Лоренс молча стоял, сосредоточенно посасывая трубку и прикрыв глаза, словно ожидая вдохновения.

— Прошу за стол, — пригласила всех г-жа Снейман. — Георг, вы сядете рядом со мной, я прослежу, чтобы вы как следует поели.

— Мы сегодня зарезали овцу, — объявил Герхард.

Все принялись расставлять стулья. Раубенхеймер усаживал детей, а тетушка Мими, подавленная суетой, в которой о ней совершенно забыли, безуспешно разыскивала глазами Бетти.

— Боже мой, Коти, сколько вы всего наготовили! — воскликнула г-жа Хаттинг.

— Сегодня вы попробуете такую баранину, какой еще никогда не ели, — сказал Георгу Хаттинг.

— А мама приготовила айвовый соус,— добавила г-жа Снейман.

— Соус тетушки Марии!

— Где же она сама, Коти?

— А вот и она! — объявил Хаттинг.

Вошедшая в комнату женщина была так толста, что, казалось, едва смогла пройти в дверь. Руки ее беспомощно болтались, ноги с трудом несли чудовищный вес, а голова со стянутыми в узел волосами выглядела слишком маленькой по сравнению с огромным, бесформенным телом.

Хаттинг, Герхард и г-жа Снейман подошли к ней, чтобы проводить к столу. Возле кресла тетушки Мими она остановилась.

— Мими,— сказала она, и ее голос прозвучал неожиданно мелодично и чуть жалобно. — Мими, как давно мы не виделись!

Но внимание тетушки Мими к этому моменту было целиком поглощено безуспешными поисками Бетти и едой на столе. Старуха глядела на тучную женщину, не узнавая ее.

— Мария, — проговорила она наконец, но, когда та с трудом наклонилась обнять ее, тетушка Мими уже снова смотрела на стол, а ее челюсти продолжали непрерывно двигаться.

— Мама, это сын Анны Нитлинг, Георг, — представила Георга г-жа Снейман.

Тетушка Мария внимательно поглядела на него.

— Сразу видно, чей вы сын, — сказала она. — Нетрудно догадаться, что вы из семьи Нитлингов.

У нее была маленькая и мягкая рука. Так же, как лицо с живыми глазами и мелодичный голос, эта рука никак не подходила к ее оплывшему телу.

— Вас назвали в честь вашего дедушки. У вас и глаза старого Георга. У всех Нитлингов были такие же красивые голубые глаза.

От ее слов в душе Георга что-то болезненно сжалось, точно прошлое, которое он тщетно разыскивал все эти дни, на секунду вернулось сюда, ворвалось, словно ветер, распахнув двери и окна, и неожиданным холодом пронеслось по комнате.

Тетушка Мария медленно прошла к своему стулу и села. Гости по очереди подходили к ней здороваться, а г-жа Снейман в это время расставляла тарелки и блюда.

— Давайте-ка я поскорее сяду рядом с вами, пока меня не опередили, — обратилась к Георгу г-жа Лоренс. — Расскажите мне, что у вас там хорошего за границей.

— Дядя Хенни, присаживайтесь, — сказал Герхард. — А где же Карла?

Карла вошла в комнату вслед за тетушкой Марией и незаметно уселась на другом конце стола со школьниками и дочерьми Лоренсов, а пока Герхард разыскивал ее, место рядом с ним успела захватить Бетти.

— Мы очень давно не собирались все вместе,— сказала г-жа Лоренс.— И я уже целую вечность не ела такой баранины, верно, Коти? Сегодняшним вечером мы обязаны вам, Георг.

— Георг, вот ваша тарелка, — сказала г-жа Снейман.— Берите соус, не стесняйтесь.

— Давайте, я за вами поухаживаю, — предложила г-жа Лоренс.

Когда она, привстав, наклонилась над столом зачерпнуть для него соуса, до Георга донесся неприятный сладковатый запах дешевых духов. Из всех присутствующих женщин, таких одинаковых в своих старомодных нарядах, она единственная попыталась «навести красоту». Ей было лет сорок, не больше, но щедро наложенная косметика старила довольно привлекательное лицо. Г-жа Лоренс оживленно болтала, не слушая Георга, а ее муж молча сидел возле тетушки Мими и благосклонно посматривал на них через стол.

— Георг, давайте ваш стакан, — предложил Хаттинг.

Герхард постучал вилкой по столу.

— Помолчим минутку.

Все склонили головы, и он негромкой скороговоркой прочел молитву, а затем комната вновь наполнилась шумом голосов, смехом и стуком ножей и вилок.

— За ваше здоровье, Георг! — крикнул Хаттинг, протягивая ему полный стакан.

Георг отпил глоток и закашлялся. На глазах у него выступили слезы. Соседи по столу засмеялись и постучали ему по спине.

— Такого бренди вы, конечно, за границей не пробовали,— сказал Хаттинг.— Мы делаем его по нашему собственному рецепту. Вроде как безобидный напиток, но может и с ног свалить.

Все принялись за еду. Г-жа Хаттинг мелко нарезала мясо для тетушки Мими. Старуха низко наклонилась над тарелкой и, не обращая ни на кого внимания, быстро и жадно ела. Возле Герхарда то и дело раздавался громкий смех Бетти.

— Марта, не уверяйте меня, что вы больше не можете, — сказала г-жа Снейман.

— Я возьму еще, Коти, спасибо. Пока мне достаточно.

Георг поднял глаза и встретил спокойный, задумчивый взгляд тетушки Марии, которая молча сидела, не прикасаясь к еде. Она приветливо улыбнулась ему и кивнула головой. Георг поднял свой стакан и, кивнув ей в ответ, отхлебнул еще немного крепкой мутноватой жидкости.

— Вот уж чего не следовало бы стыдиться, — послышался голос Хаттинга. — Герхарду кажется, что сегодня здесь все слиш-

ком скромно по сравнению с тем, к чему вы привыкли, — объяснил он Георгу.

— Я не говорил, что стыжусь этого, — спокойно возразил Герхард, — и не понимаю, чего тут стыдиться.

— Совершенно нечего, — сказал Георг.

Герхард обернулся и внимательно посмотрел на него.

— Нетрудно догадаться, к какой жизни привык Георг, — заявила г-жа Лоренс.

— Ты знаешь, что я тоже не это имел в виду, — продолжал Хаттинг. — Но здесь все очень изменилось, и я хочу, чтобы Георг это понял.

— Я думаю, он это понимает, — сказал Герхард. — Ведь его мать урожденная Нитлинг из Ритвлея.

— Но ты сам знаешь, что во времена твоего дедушки все было совершенно иначе. Да, вы, молодые люди, иногда раздражаетесь, когда мы начинаем рассказывать, как было раньше. Но мне кажется, что я должен объяснить это Георгу.

Г-жа Снейман взяла тарелку Георга, чтобы положить ему еще мяса:

— Нравится вам баранина, Георг?

Она спокойно сидела во главе стола, невозмутимо слушая разговоры гостей.

— Дело совсем не в том, что нас раздражают эти рассказы, дядя Хенни, — сказал Герхард, — вы это и сами знаете. Просто когда человек становится старше, прошлое начинает значить для него все больше и больше, и ему приятно говорить о нем. Но когда ты еще молод, тебе хочется не го ворить, а действовать. Поэтому мы кажемся иногда нетерпеливыми.

— Нет, дружище, не думай, что мне этого не понять. Я хорошо понимаю молодежь. Я сам был молод, и у меня молодые сыновья, так что я вас прекрасно понимаю, ты же это знаешь, Герхард.

— Да, знаю.

— Еще немного мяса, тетушка Мими? — тихо, чтобы не прерывать мужчин, спросила г-жа Снейман.

Тетушка Мими сидела, согнувшись над тарелкой. Соус тек у нее по подбородку. Г-жа Хаттинг подошла к старухе и вытерла ей лицо салфеткой.

— Ай да тетушка Мария! Никто больше не умеет готовить такой замечательный соус! — закричала г-жа Лоренс, на мгновение заглушив голоса мужчин.

— И все же иногда вы слишком нетерпеливы, — снова услышал Георг голос Хаттинга, звучащий сейчас чуть медленнее, потому что Хаттинг наполнял стаканы. — Ты прости, что я так говорю, но вы забываете, как важно прошлое, даже когда человек действует ради будущего.

— Вы не можете сказать этого о нас, дядя Хенни, о тех, кто здесь собрался сегодня.

— Георг, почему вы так мало пьете? — спросила г-жа Лоренс.

— Здешний бренди чуть крепче, чем я привык.

Она засмеялась.

— Все-таки выпейте немного, вам сразу станет веселее, а то у вас слишком серьезный вид. Как ты считаешь, Коти?

— Мне кажется, Георгу и так не скуч-

но, — сказала г-жа Снейман. — И потом, ему еще нужно к нам привыкнуть.

На другом конце, где сидели молодые люди, раздался взрыв смеха. Одна из дочерей Лоренсов вскочила на ноги, но тут же с хохотом плюхнулась обратно на стул.

— Молодежь веселится, — с некоторой завистью заметила г-жа Лоренс.

— Даже у Карлы сегодня хорошее настроение, — сказала г-жа Снейман. — В последнее время она казалась мне слишком угрюмой.

— Переломный возраст, Коти, — ответила г-жа Хаттинг. — Мне очень трудно и с ней, и с Паулем.

— И все же я говорю вам, что вы не должны забывать о прошлом, — громко сказал Хаттинг и стукнул рукой по столу.

Женщины испуганно оглянулись. Хаттинг отодвинул тарелку и, откинувшись на спинку стула, продолжал разговор с Герхардом.

— Я говорю это тебе как пожилой человек, который достаточно повидал и многое пережил. Когда мы умрем, вы, пришедшие нам на смену, не должны забывать о том, что здесь было до вас. Прошлое должно оставаться для вас таким же живым, каким его видим мы. Ведь не найдешь человека нашего возраста, у которого не ныли бы старые раны.

— Да, люди нашего поколения слишком много стреляли и бесчинствовали, — рассеянно заметила г-жа Лоренс, держа в руке стакан.

— Локи! — укоризненно оборвала ее г-жа Снейман.

Г-жа Лоренс как ни в чем не бывало допила бренди.

— Конечно, хорошо, когда у человека есть идеалы, — снова заговорил Хаттинг. — Хорошо, когда человек стремится к борьбе, но только нужно знать, за что борешься, нужно иметь прочный фундамент, чтобы строить будущее, а этим фундаментом должно быть прошлое.

— Борьба, это правильно, Хенни, — услышав последние слова Хаттинга, крикнул Лоренс. — Ты говоришь сейчас именно то, о чем думает Герхард. А как вы считаете, друзья, может быть, нам немного потанцевать?

— Дядюшка Вет, дайте же нам спокойно доесть и убрать со стола, — с улыбкой возразил сидящий рядом Иоганнес.

— Так потанцуем? — снова возбужденно спросил Лоренс. — Что ты скажешь, Хенни?

— Да что ты, Вет, ни у кого нет желания. Кажется, мы, старая гвардия, куда бодрее, чем эта молодежь.

— Мы с нашим гостем будем танцевать кадриль, — заявил Лоренс.

До сих пор он сидел за столом довольно тихо, но теперь его словно прорвало, и он уже не мог остановиться. Он возбужденно вертелся на стуле, глаза его блестели.

— Это я буду танцевать с нашим гостем, — поправила мужа г-жа Лоренс. — Вы не против, Георг?

— Танцы! — закричал Лоренс.

Сидевшие рядом смотрели на него с улыбкой, Герхард тоже улыбался, но глаза его оставались холодными.

— Так что же, дядя Вет, мы будем танцевать? — спросила Бетти.

Молодежь на другом конце стола услышала разговор взрослых.

— Данни, тебя Фанни приглашает на вальс, — сказала одна из дочерей Лоренсов своей сестре, и они повалились друг на друга, задыхаясь от смеха.

— Веселые у вас дочери, Локи, — сказала г-жа Хаттинг. — Уже и не помню, когда я видела, чтобы кто-нибудь так веселился.

— В этом доме давно так не смеялись, — сказала г-жа Снейман, закрывая кастрюли крышками.

— Когда-то в этой комнате часто звучал смех,— печально заметила тетушка Мария.— Здесь танцевали и пели ночи напролет.

— Плакали и горевали здесь тоже достаточно, — спокойно добавила г-жа Снейман, все еще занятая кастрюлями.

Тетушка Мария, очевидно, не расслышала ее слов.

— Ты помнишь, Мими? — спросила она. Тетушка Мими куском хлеба подобрала с тарелки остатки соуса, сложила на животе руки, откинулась на спинку кресла и с недоумением огляделась вокруг.

— Вас зовет тетушка Мария, — сказала г-жа Хаттинг, вытирая старухе рот.

— Что тебе, Мария? — моргая, спросила тетушка Мими.

— Ты помнишь наши вечеринки в Коммандодрифте в былые времена?

— Я не понимаю, зачем вы убрали красный ковер? — недовольно заявила тетушка Мими. — Не нравится мне нынешняя манера обставлять дом. Это, наверно, сделано по вкусу Коти?

— Боже мой, Мими, да уцелей этот ковер, ему было бы уже больше сорока лет.

— Ну конечно, у молодых людей другие вкусы, — продолжала тетушка Мими. — А по мне, комната была и прежде достаточно красивой. А куда вы дели цветы? Может быть, еще скажете, что их выбросили?

— Какие цветы, тетушка Мими? — спросил Хаттинг, вежливо слушавший старуху.

— Те, которые стояли здесь раньше. Лотти ведь привезла целый фургон из Ритвлея.

— А, это когда к нам приезжал министр, — вспомнила г-жа Снейман.

— Да, я тоже помню, — подхватил Хаттинг. — Правда, я был тогда еще ребенком. В тот день мы всей семьей приехали к вам в Коммандодрифт.

— По-моему, я никогда в жизни не пекла столько тортов, как в тот раз, — сказала тетушка Мария, и улыбка осветила ее лицо.

— Торты, пирожные — целый стол... — вспоминал Хаттинг. — Нам, детям, не разрешили сидеть в комнате со взрослыми и отправили играть во двор, но мы с Кози незаметно пробрались сюда и спрятались под столом. Вет, ты помнишь?

— Конечно, помню.

— Он помнит каждую вечеринку, даже если сам в то время еще лежал в колыбели,— сказала г-жа Лоренс.

— Тебя же тогда здесь не было, Вет, — заметила г-жа Снейман.

— Как это не было, Коти? С чего ты взяла? Конечно, я был здесь!

— Тот вечер удался на редкость, — сказала тетушка Мими, постепенно включаясь

в беседу. — Мария, почему вы больше не принимаете гостей, как раньше? Эти новые манеры Коти мне не по душе.

— Господи, Мими, разве мы можем теперь принимать гостей, как прежде? Ты знаешь, сколько мы тогда зарезали овец! А сколько айвы я собственными руками натерла для соуса!

— Я помню, как мы с Кози ели пирожные, — сказал Хаттинг. — Мы их ели одно за другим, пока нам не стало плохо и не пришлось вылезти из-под стола. Тогда дядя Клаас взял меня на руки и отнес в другую комнату спать.

Тетушка Мария улыбалась, глядя куда-то вдаль.

— Конечно, я был тогда здесь, Коти,— сказал Лоренс. — Я хорошо помню министра с женой. На вид он был солидный мужчина, но постоянно всех смешил.

— Ты опять говоришь о ком-то другом, — невозмутимо отрезала г-жа Снейман.

— А зачем он приезжал? — спросила г-жа Лоренс.

— Я уже точно не помню. Он был другом папы. Кажется, он приезжал поохотиться. Верно, мама?

— Тогда здесь собрался весь округ, — сказал Хаттинг. — Были все члены городского совета и бургомистр.

— Бургомистром тогда был Ганс Пеплер, — вставил Лоренс.

— Ганс Пеплер вообще никогда не был бургомистром, — резко оборвала его тетушка Мими. — Бургомистром был тогда Давид Бойенс, вот кто!

— Но, тетушка Мими, я же точно помню! — запротестовал Лоренс.

— Мой муж был сенатором, и мы тоже присутствовали здесь, когда приезжал министр, — отпарировала она. — Можешь не рассказывать мне, кто был бургомистром. Бургомистром был Давид Бойенс. Это было в том самом году, когда вылезла на свет эта история, и ему потом пришлось уйти в отставку, а бургомистром стал Шалк Пеплер.

— Ганс,— попытался поправить ее Лоренс.

— Ганс Пеплер никогда не был бургомистром. А когда Давида оправдали, он попытался сместить Шалка. Он говорил, что вся история была придумана Шалком, чтобы очернить его. Но у Давида ничего не получилось, все знали, как он бегал за женщинами.

— Что это была за история? — поинтересовалась г-жа Лоренс, но ей никто не ответил.

— И еще было много горшочков с желе, — вспоминал Лоренс, — с зеленым, красным и желтым, и еще пудинг с вишнями. Весь стол был заставлен сладостями. Мы, дети, были в восторге.

— Дядя Вет, перестаньте, а то я снова проголодаюсь, — хихикнула Бетти, но ее слов никто не расслышал, все ушли в свои воспоминания.

Герхард наклонился вперед и, опершись подбородком на руку, с улыбкой следил за разговором. Иоганнес тоже слушал, правда, скорее из вежливости.

— И молочные торты, — продолжал Лоренс, — и пирожные...

— Мария, когда я в последний раз ела у тебя молочный торт? — укоризненно спросила тетушка Мими. — Почему ты их больше не печешь?

— Опять ты за свое, Мими! А когда ты видела в последний раз бутылку вина? Как я могу печь их без вина?

— Налейте себе еще, Георг, — предложила г-жа Лоренс. — Вы не должны так стесняться, верно, Коти?

— Чувствуйте себя как дома.. Вы ведь снова дома, правда? — сказала г-жа Снейман и испытующе поглядела на Георга.

Г-жа Лоренс подлила ему бренди, а затем наполнила и свой стакан. Она заметно повеселела от выпитого, да и Георг уже чувствовал на себе действие спиртного: звучавшие вокруг голоса то набегали на него, то снова откатывались прочь.

— Я помню, как покойный Зарель Остгуизен закатил речь, — рассказывал Хаттинг. — Когда этот господин начинал говорить, остановить его было уже невозможно...

— Ты тогда приехала к нам рано утром, Мими, чтобы помочь мне, — сказала тетушка Мария. — Ты приехала вместе с Лотти Нитлинг. Она привезла цветы. И мы целый день были заняты на кухне.

— Я помню большую машину министра, — вставил Лоренс. — Мы все пытались забраться в нее.

— На мне в тот день было голубое платье, нитка жемчуга и белая шляпа с красной розой, — неожиданно сказала тетушка Мими.

Это прозвучало настолько невероятно, что Георг оглянулся на нее. Старуха гордо

кивнула головой, как бы подтверждая свои слова.

— Взрослые после ужина танцевали, — добавила г-жа Снейман. — Я помню, что очень хотела остаться и посмотреть на танцы.

— А Окки де Вос, который отмочил тогда какую-то шутку? Помнишь его, Коти? — спросил Хаттинг. — Но взрослые отослали нас из комнаты. Они говорили, что нам рано слушать их шутки.

На другом конце стола по-прежнему шумели и смеялись. Дочка Лоренсов снова вскочила с места, но, видя, что никто за ней не последовал, уселась обратно. Раубенхеймер пытался показать какой-то фокус с ножами, вилками и стаканом, но стакан упал, и все расхохотались.

— Коти, ты помнишь его?

— Ну конечно, и его, и тетушку Джой. Они всегда так важничали.

— У них были ужасно задиристые дети, — сказал Лоренс.

— Ты имеешь в виду Конради. А у дядюшки Окки было две дочери, и они всегда молчали.

— У него были красивые дочери.

— Одна из них убежала не то с португальцем, не то с кем-то еще.

— Кто убежал? — с любопытством спросила тетушка Мими.

— А еще Наас Мольман, — продолжала г-жа Снейман.

— Наас с Кози вечно вытворяли бог знает что. Ты помнишь, как мы все ездили купаться в Ритвлей? А потом мы жарили мясо и танцевали на веранде.

— Мы тоже всегда жарили мясо, когда у меня бывали в гостях друзья, — заговорила, обращаясь к Георгу, г-жа Лоренс, явно поскучневшая от разговоров за столом. — Мы жили в деревне. Мой отец был аукционистом. У нас был большой дом, там всегда собиралась молодежь, и мы танцевали до поздней ночи.

— Да, и дети Нитлингов, Анна и Кози. Они постоянно подбивали остальных на разные проделки.

— Они и вправду были отчаянными сорванцами, — улыбнулась тетушка Мария.

Георг молча кивнул г-же Лоренс, стараясь услышать, что говорят другие.

— От Кози всегда можно было ждать любой каверзы,— сказала г-жа Снейман и покачала головой, вспоминая о чем-то далеком.

— И от Анны тоже, — добавил Хаттинг.

— Мне Анна всегда нравилась, — заявила тетушка Мими. — Правда, в детстве она была немного диковатой и странной, но с годами отучилась от своих странностей. Она что, уехала за границу? Я ее очень давно не видела.

Пузырьки с лекарствами, розы в вазах, браслет... Черная вуаль, скрывающая лицо... Да, с годами она отучилась от своих странностей...

— Сын бургомистра, — продолжала рассказывать г-жа Лоренс, — и дочери судьи...

— Да, когда я вспоминаю свою юность... — заговорила г-жа Хаттинг, как и г-жа Лоренс, лишенная возможности участвовать в общем разговоре. — Моя мать всегда охотно прини-

мала гостей. У нас бывало много народу. Мой отец занимал высокий пост...

Г-жа Лоренс заговорила еще громче, но Георг не слушал ее.

— Георг, мы говорим о ваших родных! — крикнул ему Хаттинг.

— Анна с ее прекрасными голубыми глазами... — певуче произнесла тетушка Мария.— У всех Нитлингов были такие красивые глаза. Помнишь, Мими?

— Да-а, былые времена в Ритвлее, — задумчиво протянул Хаттинг, — лунные вечера и сад, где так сладко пахли розы тетушки Лотти.

— В том саду иногда можно было неплохо спрятаться, — подхватил Лоренс, подмигивая Георгу.

— И что нужно было такой девушке, как она, за границей? — сказала тетушка Мими. — Вообще-то у нее всегда были какие-то странные идеи. Уже тогда ее отцу приходилось платить бешеные деньги за ее наряды.

— Она всегда хорошо одевалась, — кивнула г-жа Снейман.

— Анна была очень красивой девушкой, — сказала тетушка Мария.

— Да, несмотря ни на что, — неожиданно закончила тетушка Мими, и все на секунду замолчали.

— А когда я училась в университете, мои друзья тоже всегда собирались у нас, — продолжала рассказывать г-жа Хаттинг. — Я училась вместе с Беном Майером, знаете...

— Он и его жена дружили с моими родителями, — заглушая ее, говорила г-жа Ло-

ренс. — Когда мы летом ездили к морю, мы вместе снимали дом...

Они наклонились друг к другу через стол и говорили, даже не пытаясь делать вид, что слушают одна другую. Они просто говорили, и голоса их становились все громче и настойчивей, перечисляя имена, титулы, должности, курорты, отели, приемы — все это вперемешку наслаивалось одно на другое, словно они хотели построить из воспоминаний стену, чтобы хоть на время укрыться за ней от печальной действительности.

— Да, это было прекрасное время, — вздохнула г-жа Хаттинг.— Не то что теперь...— И она обвела глазами голую комнату, тускло освещенную керосиновыми лампами.

— Я-то росла не в таких условиях, — заявила г-жа Лоренс, — и привыкла к лучшему.

В минутной тишине, наступившей за столом, ее слова прозвучали неожиданно резко и вызывающе.

— Мы все привыкли к лучшему, Локи, — спокойно заметила г-жа Снейман, — мы все росли в иных условиях, чем наши дети.

Но г-жа Лоренс не слышала ее. Она уставилась на свой стакан, и губы ее задрожали.

— Почему мы все это потеряли? — обиженно воскликнула она.— Почему все не могло оставаться, как было? За что мы так жестоко наказаны? Чем мы заслужили такую участь? Ведь то, как мы сейчас живем, вообще не жизнь!

Соседи по столу молчали. Они удивленно и растерянно смотрели на нее, беспомощные перед этим взрывом отчаяния.

Герхард поднялся со своего места.

— Друзья! — Он постучал по столу, чтобы привлечь к себе внимание. Разговоры постепенно стихли, и все лица повернулись к нему.— Друзья, мы собрались сегодня, чтобы увидеть друг друга и повеселиться, но я надеюсь, вы простите меня за то, что я отвлекаю вас, и позволите мне сказать несколько слов.

— Нет, это я хочу сказать несколько слов, — перебил его Лоренс, и молодежь снова захихикала.

— Вы все знаете, как редко мы собираемся вместе. И нет необходимости объяснять сейчас, почему так происходит. Вы все знаете, как трудно нам в нынешних условиях сохранять контакт друг с другом. Но сохранить его нужно потому, что перед нами, перед небольшой горсткой людей, поставлена священная задача, которую мы сможем выполнить лишь в том случае, если будем держаться вместе, если будем ободрять и всячески поддерживать друг друга.

Раздались одобрительные возгласы. Бетти восторженно зааплодировала, а вслед за ней захлопала г-жа Лоренс. В глазах г-жи Снейман Георг заметил гордость за сына. Герхард и в самом деле говорил так легко, свободно и уверенно, словно привык выступать с речами.

— Нам всегда радостно и приятно видеть друг друга, — продолжал Герхард, — но сегодня у нас была особая причина собраться здесь. Я имею в виду, как вы наверняка уже поняли, приезд внука дядюшки Георга и тетушки Лотти Нитлингов, которых большинство из присутствующих хорошо помнят.

Снова раздались аплодисменты, и все повернулись к Георгу. Он увидел покрасневшее от возбуждения лицо Бетти, Раубенхеймера, который весело махал ему рукой, и одобрительно кивающую г-жу Хаттинг. Герхард продолжил свою речь.

— Нас осталось здесь очень немного, мы лишены всего, что имели прежде, нас притесняют многочисленные враги, и сама наша жизнь под постоянной угрозой. Единственное, что дает нам силы все это выдерживать, — непоколебимая вера в правоту нашего дела. Но иногда все же происходят события, которые ободряют нас и показывают, что наша борьба не безнадежна. Именно поэтому для нас так важен приезд Георга. После многих лет изоляции от внешнего мира мы наконец встретились с одним из наших людей из-за границы. И мы узнали, что нас не забыли. Да и сам приезд Георга доказывает, что узы крови сильнее любых искусственных преград. Георг уехал отсюда ребенком, но не забыл своей родины. Родина не потеряла своего сына. Он вернулся повидать родные места. Мы рады, что он приехал, но мы надеемся, что он не ограничится формальным визитом. Мы надеемся, что он на деле докажет свою любовь к этой стране, свое почтение к предкам, свое уважение к их стремлениям и пережитым ими испытаниям.

Лицо Герхарда было спокойно, но глаза его горели, и он говорил с воодушевлением. В комнате было тихо. Все повернулись к нему и внимательно слушали. Одна лишь тетушка Мими беспокойно ерзала в кресле, жадно поглядывая на остатки еды.

— Но все это он должен решить сам. И каково бы ни было его решение, я хочу сказать ему от имени всех нас: Георг, мы приветствуем вас у нас в гостях, мы рады, что вы среди нас!

Рука тетушки Мими судорожно шарила по столу, пытаясь ухватить что-нибудь из еды, пока Герхард еще не кончил говорить. Но Герхард уже кивнул Георгу, и все снова зааплодировали.

Нужно что-то ответить, — подумал Георг и встал.

— Дамы и господа, — начал он и сразу почувствовал, что выбрал не самое удачное обращение. — Я хотел бы поблагодарить вас за теплый и радушный прием. Я приехал сюда, чтобы побывать в Ритвлее, на ферме, где родилась и выросла моя мать...

Георг заметил внимательный взгляд Герхарда. Нет, — решил он, — не следует говорить сейчас о матери. Ведь он знал другую Анну Нитлинг, совсем не ту, что знали они. Что сможет он рассказать им о женщине, гулявшей по лесу на берегу Дордони, или о даме, идущей к столу под руку с послом, или о той женщине в похоронной машине? Они не поймут его.

— Сам я едва помню Ритвлей, потому что был еще совсем маленьким, когда мы в последний раз приезжали на ферму. Но все эти годы мне хотелось вернуться сюда, чтобы снова увидеть места моего детства. И вот теперь наконец это произошло...

Руины, дикие розы, кусты — да, именно это было целью его поездки, подумал Георг, ему следовало уехать отсюда еще вчера.

— Нашу ферму я нашел разрушенной, а моих родственников уже нет в живых. Но, несмотря на это, у меня сохранятся приятные воспоминания о поездке сюда, — добавил он, найдя наконец удобный переход к концовке речи, — потому что я всегда буду с удовольствием вспоминать вашу сердечность и ваше гостеприимство.

Он сел. Все дружно зааплодировали, тронутые его словами и собственными воспоминаниями. И только тетушка Мими безучастно глядела куда-то в сторону, катая на столе хлебные крошки.

Женщины убирали со стола и выносили на кухню посуду, а мужчины, собравшись в углу комнаты, курили и беседовали о кормах на зиму.

— Потерпите немного, Георг, сейчас мы будем танцевать, — сказал Лоренс, потирая руки.

Георг бесцельно слонялся по комнате, разглядывая портреты на стенах. Все были заняты своими делами, и только школьники внимательно следили за каждым его движением. Уходя от их взглядов, Георг перешел в смежную комнату. И здесь тоже все стены были увешаны портретами.

— Наши народные герои, — раздался чей-то голос у него за спиной.

Георг обернулся. Это был Пауль.

— Я не всех из них знаю, — сказал Георг.

— И не удивительно. Тут среди них есть и родственники тетушки Коти. Если ты мертв, то, значит, ты уже герой, а твой портрет можно повесить рядом с остальными.

— В таком случае, небеса полны героев.

— Вы, кажется, насмехаетесь?

— Извини.

— Вы насмехаетесь над нашими предками, над их стремлениями и над их испытаниями.

— Это что, цитата? — спросил Георг.

— Можно подумать, что вы не слушали речь Герхарда.

— Как же это я не сразу вспомнил, — улыбнулся Георг.

— Вам следует говорить о наших предках с почтением, — продолжал Пауль. — Мы все должны быть им благодарны. Ведь за то, что мы сейчас так живем, благодарить надо тоже их.

В соседней комнате отодвинули в сторону стол и расставили стулья вдоль стен. Пауль и Георг замолчали, слушая, как весело переговариваются гости.

— Дядюшка Вет уже достал свою гармошку, — снова заговорил Пауль. — Ему не терпится поиграть.

Раздались первые звуки музыки, и послышался громкий, возбужденный смех девушек.

— Сейчас они примутся танцевать.

— А ты не танцуешь?

— Еще не хватало! — презрительно отозвался Пауль. — Вон, посмотрите, Даниэла уже ищет Иоганнеса.

— Откуда ты знаешь?

— Я тут все знаю. Герхард — это первый приз, Иоганнес — второй, ну а остальные не заслуживают особого внимания.

— Что-то ты очень язвителен.

— Я говорю только то, что знаю. Посмо-

трите, сейчас между тетушкой Локи и дочерьми начнется соревнование, кто первый захватит Герхарда. Но девушки куда проворнее, да и к тому же тетушка Локи сегодня слишком часто прикладывалась к стакану.

— Нам, наверное, пора пойти туда, — сказал Георг, но Пауль удержал его.

— Нет, подождите немного. Вот видите, Данни уже нашла Иоганнеса.

— А вон твой отец пригласил г-жу Лоренс.

— Ну что ж, она еще довольно лакомый кусочек.

— Не очень-то ты почтителен.

Пары вышли на середину, остальные гости расселись вдоль стен. Лоренс заиграл какой-то быстрый танец.

— Ну вот, все выбрали себе партнеров для кадрили. Посмотрите на тетушку Локи, взгляните, как она порхает из рук в руки, от папы к Иоганнесу, от Иоганнеса к Герхарду, от Герхарда еще к кому-нибудь.

— О чем ты? — удивленно спросил Георг.

Г-жа Лоренс весело скакала по комнате с Хаттингом, и слова Пауля не имели никакого отношения к их танцу.

— Это великая национальная кадриль, — сказал Пауль. — А за мамочкой — дочки: Данни, Ханни и Хенни, эти идут уже по протоптанной дорожке — от Герхарда к Иоганнесу, потом к Хендрику, а потом еще к кому-нибудь...

— Я не понимаю твоих шуток.

— Я не шучу. Я говорю правду. Я их всех хорошо знаю.

Пары вертелись посреди комнаты: г-жа Лоренс с Хаттингом, Раубенхеймер с г-жой

Хаттинг, а Герхард, Иоганнес и Хендрик с дочерьми Лоренсов.

— А вот и Герхард, хозяин фермы, наш предводитель, борец. Он не в отца — дядюшка Франк предпочитал бегать за женщинами.

— Хватит, Пауль, перестань.

— Пока дядюшка Франк был жив, он больше времени проводил в Йенсгевондене, чем дома. И тетушка Локи каждый раз выпроваживала дядюшку Вета в поле, чтобы он не мешал ей принимать гостя. Это ведь очень быстрая кадриль, это наш мировой рекорд по прыжкам от одного к другому, наша гордость, утешение нашей нации...

— Тише, — сказал Георг, — тебя услышат.

— Посмотрите, — продолжал Пауль, — посмотрите на Данни и Иоганнеса. Данни пора замуж. А кого она найдет здесь лучше Иоганнеса? Правда, папа с мамой не очень хотят в невестки одну из Лоренсов. Но она-то постарается заполучить его. В один прекрасный день станет известно, что она ждет ребенка. Тут уж Иоганнесу не отвертеться. А то, что ребенок может быть не от него, ничего не меняет.

— Хватит, я пошел,— сказал Георг.

— Подождите, я еще не все вам рассказал.

— Я не хочу больше тебя слушать. Зачем ты мне рассказываешь о таких вещах? Чем ты так озлоблен? Это же твои близкие люди, твои родственники.

— Я бы их всех уничтожил, — медленно проговорил Пауль. — Я их ненавижу.

— За что?

Пауль долго молчал.

— За то, что люблю их, — сказал он нако-

нец.— За то, что не могу от них освободиться. За то, что они тащат меня вместе с собой в пропасть. Помогите мне от них избавиться, — он схватил Георга за руку.

Георг удивленно посмотрел на него, не зная, что сказать, но в это время к ним подошла Карла.

— Почему вы здесь спрятались? — спросила она.

— Я пришел посмотреть на портреты, — ответил Георг.

Пауль молчал.

— А все вас ищут, спрашивают, куда вы исчезли.

— Я сейчас приду, — сказал Георг.

— А ты, Пауль? — мягко спросила она. — Ты не пойдешь танцевать?

— А с кем мне танцевать?

— Можешь потанцевать со мной, у меня нет партнера.

— С сестрами не танцуют.

— Тогда пойди на кухню и помоги тетушке Коти принести пирог и лимонад.

— Пусть этим женщины занимаются, — буркнул Пауль и отошел от них.

— Что с ним такое? — спросил Георг. — Чем он так раздражен?

— Он просто стесняется. Он не умеет разговаривать с людьми. И его постоянно дразнят. Вот и сегодня все подсмеиваются над ним из-за рубашки, которую вы ему одолжили.

— Я вижу, что все время попадаю впросак.

— Это не ваша вина.

— Ну, а вы сами... Почему вы не танцуете?

Она пожала плечами.

— Вам не нравится вечеринка?

— Я тоже не умею разговаривать с людьми.

Они вышли к танцующим. Лоренс играл вальс.

— А вот и ты, Карла, — сказала тетушка Мария. Она сидела у стены и смотрела на кружащиеся пары.

Георг и Карла подошли к ней.

— Я помогала на кухне, — сказала Карла, — а потом искала Георга и Пауля.

— Вот и хорошо. А то я тут сижу и думаю, кто же поможет Коти. Уже собралась сама пойти посмотреть, не нужна ли моя помощь.

— Не беспокойтесь, тетушка Мария, там все в порядке. Лучше посидите и посмотрите на танцы.

Тетушка Мария обернулась к Георгу:

— Я за столом все время смотрела на вас, Георг. Сегодня целый вечер думаю о вашей матери и дедушке с бабушкой. Иногда бывает, считаешь что-то давно забытым, а потом все вдруг вспоминается с такой ясностью, словно это было только вчера. Даже странно — когда я смотрю на вас, мне кажется, что знаю вас уже очень давно.

Она протянула ему руку. Он прикоснулся к ее тонким пальцам, посмотрел в светлые глаза и снова перестал замечать нелепость ее фигуры.

— Я рада, что вы приехали сюда. Анна Нитлинг была моей крестницей, и мне приятно увидеть ее сына.

— Я тоже рад, что приехал, тетушка Мария.

— Идите сюда! — крикнула г-жа Снейман,

внося в комнату большой поднос с пирогами и бокалами. — Берите пироги и лимонад.

Все столпились у стола. Слегка покачиваясь, к Георгу подошла г-жа Лоренс с двумя стаканами в руках.

— Там, у Коти, только лимонад, — сказала она, — пусть его пьют дети. А вы, Георг, выпейте-ка лучше вот это и покажите нам, как вы танцуете.

— Я пойду принесу лимонад тетушке Марии, — сказала Карла и быстро отошла от них.

Георг чокнулся с г-жой Лоренс и отпил несколько глотков.

Он уже привык к крепости бренди и пил его почти спокойно. Напиток, как ни странно, действовал на него хорошо, и у него на минуту возникла мысль, что, может быть, эта вечеринка пройдет приятнее, чем он предполагал.

Г-жа Снейман наливала девушкам лимонад, а Герхард обходил мужчин с бутылкой бренди.

— Может быть, вы выпьете бренди? — крикнул он Георгу.

— Я уже опередила тебя, Герхард, — рассмеялась г-жа Лоренс и подняла свой стакан, чтобы еще раз чокнуться с Георгом, но тут к ней подбежала одна из дочерей и оттащила в сторону, взволнованно шепча что-то на ухо.

Лоренс сидел с аккордеоном на шее и вытирал потное лицо.

— Вет, почему ты не играешь? — возмущенно спросила г-жа Лоренс.— Разве никто больше не хочет танцевать?

— Фанни сейчас будет читать свои стихи, — сказал, подойдя к Георгу, Герхард. — Он сказал, что вы ими заинтересовались.

— Он говорил мне, что пишет стихи, но я их не читал. А что, у него хорошо получается?

Герхард улыбнулся.

— Меня не стоит об этом спрашивать, я ничего не понимаю в стихах. Я только знаю, что многим его стихи нравятся. Они волнуют людей, а это по крайней мере полезно.

— Разве все непременно должно быть полезным?

— А зачем нужны бесполезные вещи? — удивился Герхард.

— Они могут быть просто красивыми, — сказал Георг.

Но Герхард не принял его аргумент всерьез.

— Мы живем нелегко, и перед нами стоят серьезные задачи. У нас нет времени на бесполезные вещи.

Все понемногу расселись, и на середину комнаты вышел Раубенхеймер. Вокруг еще слышались разговоры, смех, раздавался недовольный голос тетушки Мими, которая сообщала, что у нее за спиной съехала подушка, но вскоре все затихли. Раубенхеймер закрыл глаза, медленно поднял руку и начал читать:

О бог отцов, своей рукою
Пославший нас в тяжелый путь,
Народ, возлюбленный тобою,
Благослови когда-нибудь.

— Он сам это написал, — прошептала Георгу г-жа Лоренс. — Он уже давно пишет

стихи. Фанни из тех людей, которые могут вас заинтересовать.

— Почему вы так думаете?

— Ну, он все-таки немного отличается от всех нас. Мы-то ничем не можем вас заинтересовать, мы всего лишь фермеры, — сказала она и выжидательно поглядела на него.

— Чтобы быть интересным человеком, совсем не обязательно писать стихи, — заметил Георг.

— Мама, мама, — позвала г-жу Лоренс сидящая позади нее дочь, и ей пришлось обернуться.

Георг посмотрел на Раубенхеймера. Учитель стоял посреди комнаты с поднятой рукой, словно указывал в неведомую даль.

Свет озаренья воссияет
Над темным полем, над страной.

О чем он читает? — с недоумением подумал Георг.

Лоренс попытался снять с шеи аккордеон, инструмент неожиданно пискнул, и девушки захихикали.

— Герхард, подлей нам еще, раз уж у тебя в руках бутылка,— попросила г-жа Лоренс.

— Тетушка Локи, вы, кажется, хотите напоить Георга.

— Да что там, несколько глотков ему не повредят. Ну, а в крайнем случае мы хоть увидим, что кроется за его хорошими манерами.

— Да, это было бы интересно, — улыбнулся Герхард, подливая Георгу бренди.

Мужчины, женщины и дети —
Герои-мученики все.

Лицо Раубенхеймера покраснело от волнения, на висках набухли вены. Он снова закрыл глаза и, как бы благословляя присутствующих, поднял и другую руку.

— Танцы мне все-таки нравятся больше, чем его стихи, — прошептала г-жа Лоренс. — А тебе, Герхард?

— Нельзя же все время танцевать, тетушка Локи.

— Если бы все было так, как ты хочешь, люди вообще никогда бы не танцевали.

— Мама, — снова попыталась привлечь ее внимание дочь.

— О господи, да что с тобой, Данни? — недовольно спросила г-жа Лоренс. — Разве ты не слышишь, что Фанни читает стихи?

Георг отпил еще немного. В голове у него шумело, и голос Раубенхеймера звучал откуда-то издалека.

Твой глас звучит во тьме кромешной,
Мы внемлем мудрости творца...

— В юности я тоже любила стихи, — заговорила г-жа Лоренс. — Я и сама могла бы что-нибудь прочитать. О чем вы задумались? — спросила она, заметив, что Георг ее не слушает.

— Я хочу услышать рифму на «творца», — сказал Георг.

— А-а, стихи Фанни.

Она на мгновение замолчала, о чем-то размышляя.

Мы сражены, мы безутешны,
Разбиты слабые сердца, —

с пафосом прочитала она и громко засмеялась. Г-жа Хаттинг и г-жа Снейман удивленно оглянулись.

— Приглашаю вас на вальс, молодые люди, — продолжала г-жа Лоренс, обращаясь к Георгу и Герхарду. — Мне не терпится подвигаться.

Герхард невозмутимо сидел рядом с ней, не обращая ни малейшего внимания ни на ее слова, ни на стихи Фанни. Голос Раубенхеймера звучал все громче и громче, руки были воздеты кверху, тело мерно раскачивалось из стороны в сторону.

Твоею мудростью ведомы,
Мы не сбиваемся с пути,
Мы бросим пажити и домы,
Чтоб свет победы принести.

Он замолчал. Некоторое время все было тихо, а затем раздались аплодисменты. Фанни стоял, опустив голову, улыбающийся, утомленный, — певец, провидец, пророк.

— Пойдемте танцевать, — сказала г-жа Лоренс.

Герхард ничего не ответил. Он озабоченно оглядывал комнату.

— Как вы на это смотрите, Георг? Мы ведь с вами теперь старые друзья, и мне совсем не обязательно ждать, пока вы меня пригласите.

— Я не думаю, что Георг большой любитель танцевать, — заметил Герхард.

— К счастью, он не парит в небесах, как ты, — язвительно возразила она, но тут перед ней вырос Хендрик.

— По-моему, сейчас моя очередь пригласить вас, тетушка Локи, — сказал он и увел ее прежде, чем она поняла, что произошло.

Георг и Герхард остались одни.

— Г-жа Лоренс, кажется, довольна сегодняшним вечером, — сказал Георг.

— И не только она. Все рады повидаться друг с другом и немного повеселиться. Пожалуй, я один тут равнодушен к вечеринкам и танцам.

— В таком случае мне следует перед вами извиниться, ведь вы устроили все это из-за меня.

— Я просто выполнил свой долг, — серьезно сказал Герхард.

— Тогда и мне нужно выполнить свой долг — я сегодня еще не танцевал.

— Вы успеете это сделать. Все останутся здесь до утра, раньше никто не уедет.

— Вы уже говорите об отъезде? — спросил Иоганнес. Он незаметно подошел к ним и, улыбаясь, смотрел на Георга.

— Я думаю, мне пора пойти потанцевать.

— Давайте сначала немного поговорим. Здесь это как раз удобно, нам никто не помешает.

Они стояли, загораживая ему дорогу, и, запертый в углу, Георг понял, что ему не избежать разговора. От молодых людей слегка пахло спиртным, но они оставались вполне трезвыми, внимательными и собранными.

— Ну, так как, Георг, — спросил Герхард, — вам понравилось здесь?

Опять этот вопрос, на который так трудно ответить.

— Здесь все совсем иначе, чем я предполагал.

— А как?

— Дело в том, что я знал эту страну только по рассказам родителей. Я не учитывал, что с тех пор прошло много времени, и не предполагал, что все может настолько измениться.

— Вы разочарованы?

— Мне еще нужно разобраться в своих впечатлениях.

Вопросы задавал Герхард, а Иоганнес стоял рядом и слушал. Его молчаливое присутствие стесняло Георга.

— Говорят, вы вчера ездили в Ритвлей?

— Да.

— И вы видели, что они взорвали вашу ферму?

— Видел.

— А что вы чувствовали, глядя на развалины?

У Георга появилось желание сказать Герхарду, чтобы тот оставил его в покое и занимался своими делами, но он удержался.

— Мне было грустно. Я ведь еще немного помню ферму, какой она была в прежние времена.

Герхард нахмурился. Очевидно, он ожидал иного ответа.

— А что вы будете делать теперь?

— Что вы имеете в виду?

Герхард взял Георга за руку и отвел его чуть дальше в глубину комнаты. Иоганнес последовал за ними.

— Вы вернулись сюда после стольких лет, вернулись, чтобы увидеть вашу родину,

значит, для вас это важно. Ритвлей теперь принадлежит вам, что же вы собираетесь делать с фермой?

— Попробую продать.

— Вы это серьезно?

— А что, по-вашему, мне с ней делать? Я же не могу здесь остаться. Я живу за границей, у меня там работа, и мне пора возвращаться домой...

— Значит, вы предприняли всю эту поездку ради нескольких дней?

— Да. Может быть, это сентиментально, но мне хотелось еще раз увидеть Ритвлей, в последний раз побывать там. Моя поездка сюда, если хотите, своего рода паломничество.

— А вам не кажется, что, продав ферму, вы предадите свою семью?

— Нет. Это ферма моих дедушки и бабушки. Для них она значила очень много. Там выросла моя мать, и поэтому ферма была ей дорога, и она не хотела ее продавать. А у меня своя собственная жизнь, и к ней Ритвлей не имеет никакого отношения. Для меня ферма — лишь детские воспоминания, а мое детство — давно позади.

— Вы родились здесь, — сказал Герхард.— Здесь начиналась ваша жизнь, и теперь вы могли бы продолжить ее на родине.

— Нет, уже поздно. Все это было слишком давно. К тому же за эти годы здесь все изменилось.

— Земля осталась той же.

— Я не фермер и не хочу им становиться.

— Страна и народ остались теми же, и...

В этот момент музыка прекратилась, и Герхард, прервав фразу на полуслове, отвел

Георга еще дальше в глубину комнаты и заговорил чуть тише.

— Дело не только в ферме. Вам совсем не обязательно становиться фермером. Но разве вам не дорога эта страна?

— Она давно уже стала для меня чужой. Я ничего здесь не понимаю.

Герхард нахмурился и удивленно посмотрел на Георга.

Да, у него холодные глаза,— снова отметил про себя Георг. — Лицо красивое, но в его чертах проглядывает жестокость. Пощады ждать нечего.

Между тем Лоренс заиграл медленный, грустный вальс.

— Мне нужно пойти к остальным, — сказал Георг, но ни Герхард, ни Иоганнес не посторонились, чтобы пропустить его. — Сегодня утром мы уже говорили об этом с Иоганнесом, — добавил Георг, — и я не изменил своего решения.

— Мы говорили только о ферме, — сказал Иоганнес, — только о скважинах и тракторах.

— А чем еще я смог бы здесь заниматься? — спросил Георг, думая о том, что нужно как можно скорей уйти, пока настроение окончательно не испортилось. Правда, может быть, он слишком строг к ним? Может быть, его просто раздражают их манеры?

— Возможностей для вас более чем достаточно, — сказал Герхард. — Нам нужны люди, которые любят свою родину и народ, — люди, готовые рисковать своей жизнью.

— Что же вы мне предлагаете?

— Оставайтесь здесь, — сказал Герхард. Он говорил очень тихо, подойдя к Георгу почти вплотную и глядя на него в упор спокойными серыми глазами. — Оставайтесь, и вы скоро сами поймете, что вам делать. Для этого необходимы только мужество, вера и стойкость.

— А почему я должен отказаться от всего, что имею, и неизвестно ради чего рисковать жизнью?

— Это ваш долг перед родиной, перед народом, перед вашими родными и близкими.

— Выполнение долга, на мой взгляд, не слепое повиновение чужим словам, а вопрос сознательного и свободного выбора. Я свой выбор уже сделал.

Георг говорил это скорее самому себе, чем Герхарду, но и Герхард не слишком внимательно прислушивался к его словам.

— Вы знаете, как закончили свою жизнь ваши дедушка с бабушкой? — спросил он. — Их, как собак, выгнали из собственного дома. А что произошло с вашим дядей, вам не рассказывали? Полицейские допрашивали его часами. Когда он отказывался отвечать, его избивали. На последнем допросе он упал и уже не смог подняться, но полицейский продолжал пинать его ногами до тех пор, пока он не умер.

Георг посмотрел в спокойные глаза Герхарда.

— Если бы вы были полицейским и вам пришлось бы допрашивать заключенного, вы, вероятно, вели бы себя точно так же, — сказал он, сам удивившись своим словам.

Слишком много выпито,— решил он. В голове все еще шумело, и голос Герхарда доносился до него откуда-то издалека. Впрочем, Герхард действительно способен избить беззащитного человека, и при этом лицо его останется совершенно спокойным, а глаза — бесстрастными... Дядя Кози, смеющийся молодой человек из семейного альбома, умер на цементном полу, залитом кровью...

— Георг! — закричала г-жа Лоренс, решительно пробиваясь сквозь танцующие пары.— Теперь-то вы — мой, и пойдете со мной танцевать. Ваш первый танец на родине...

Ни Герхард, ни Иоганнес не пытались больше удерживать Георга, и г-жа Лоренс вытащила его на середину комнаты и положила руку ему на плечо. Мерное раскачивание музыки повело их за собой.

— Почему вы весь вечер странно себя ведете? Если бы я знала, что вы так хорошо танцуете, то давно бы вас вытащила.

Он танцевал не так уж хорошо, но она была пьяна и сама не понимала, что говорит. Иоганнес пошел танцевать с Данни, а Герхард пригласил Карлу. Георг с удовлетворением отметил, что Герхард танцует плохо. Карла безучастно глядела через плечо Герхарда куда-то в сторону.

— Не понимаю, как Коти может жить без электричества и без всяких удобств. И при этом еще осуждает нас за то, что у нас все это есть. О, она такая возвышенная натура! Не удивительно, что бедный Франк начал пить. Он, конечно, был пьян, когда его схва-

тили. В тот день он, как обычно, торчал в трактире, вместо того чтобы идти домой. А разве можно было его за это осуждать?

Она говорила во весь голос, нисколько не заботясь о том, что ее могут услышать, но Георг был еще достаточно трезв и уводил ее подальше от того места, где танцевали Хаттинг и г-жа Снейман.

— Не может же Вет играть весь вечер, — продолжала она. — И дело не в том, что он не хочет. Просто они всегда взваливают на него самую неприятную работу. Он не умеет отказывать, вот они этим и пользуются. И при этом они нам же не доверяют. Мы недостаточно хороши для них и...

Музыка закончилась долгим вздохом аккордеона, и г-жа Лоренс так и не договорила то, что собиралась сказать.

— Браво, Георг! — крикнул Хаттинг. — А теперь мы хотим посмотреть, как вы танцуете настоящую старую кадриль! Идите сюда и выпейте с нами.

— Я все удивлялась, куда вы пропали, — обратилась к Георгу Бетти. Лицо ее блестело от пота. — Я уж думала, что вы снова уехали в свою Германию.

— В Швейцарию.

— Здесь так редко выдается возможность повеселиться. А когда появляется кто-нибудь вроде вас, кто хорошо танцует, его сразу же тащат разговаривать о политике. А Фанни совсем не умеет танцевать, — торопливо добавила она потому, что Раубенхеймер приближался к ним большими шагами.

— Бетти, тебя зовет тетушка Мими, — сказал он.

— Вы должны немного потанцевать, Георг. А то как только начинается музыка, все мужчины сразу же исчезают. Один дядюшка Хенни нам сочувствует, — продолжала Бетти, глядя на Георга сияющими глазами.

— Бетти, тебя зовет тетушка Мими, — повторил Раубенхеймер.

Она снова попыталась сделать вид, что не слышит его, но из другого конца комнаты донесся резкий и требовательный голос тетушки Мими. Бетти с досадой передернула плечами и засеменила к старухе. Вместе с г-жой Хаттинг они подняли старуху с кресла и осторожно, шажок за шажком, провели между танцующими к двери.

— Нравится вам вечеринка? — спросил Раубенхеймер. — А как вам речь Герхарда? — Он доверительно понизил голос. — Все утверждают, что он хорошо говорит, но на меня его выступления никогда не производят особого впечатления. Он, конечно, важная фигура, с ним все считаются, и девушкам он нравится, но этого еще недостаточно. Все обращают внимание только на внешние стороны явлений, а это не самое важное, не правда ли? И мне кажется...

Фанни утесом возвышался над Георгом. Прямо перед собой Георг видел только его белую рубашку и темный галстук. Голос Раубенхеймера гремел откуда-то с высоты, переплетаясь со звуками музыки. Георг никак не мог отвести взгляд от обтрепанного воротничка учителя. Почувствовав неожиданную усталость, Георг, не извиняясь, сел на стул. Другого стула поблизости не было, и Фанни остался стоять, сверкая очками над

головой Георга и продолжая что-то говорить. Постепенно он все ниже и ниже наклонялся над терявшим терпение слушателем: сначала опустил голову, потом плечи, а затем всем корпусом навис над Георгом, словно тенистое дерево, предлагающее путнику свою прохладу. «...самые благородные из всех... — услышал Георг, — ... избранные среди толпы... высокое предназначение...» О чем он говорит? — подумал Георг и, подняв голову, увидел, что учитель достает из кармана свернутые листы бумаги.

— Вы, кажется, не очень любите танцевать, — сказал Раубенхеймер, согнувшись почти пополам. Его рот был теперь на уровне лба Георга. — Может быть, мы с вами потихоньку улизнем отсюда? Я прочитал бы вам несколько вещиц. То, что вы сегодня слышали, написано специально для этого вечера. Людям нравятся такие стихи, а мне приятно их одобрение. Но у меня есть и более интимные стихи, которые я не каждому показываю. Стихи о движениях души...

Он положил руку на плечо Георга.

— Pax vobiscum, — вслух подумал Георг и поднял руку, чтобы мягко оттолкнуть учителя. — Et cum spirity tuo[1], — добавил он затем и улыбнулся неожиданно вспомнившимся словам. Раубенхеймер ничего не понял.

Снова послышался быстрый стук каблуков. Бетти, очевидно, передала тетушку Мими на попечение г-жи Хаттинг, а сама поспешила вернуться к Георгу.

[1] Мир вам... И духу твоему *(лат.)* — возглашение предстоятеля и ответ народа в протестантской литургии.

— Фанни, тетушка Мими говорит, что детям пора спать, — сказала она, не глядя на Раубенхеймера.

— Они же никому не мешают.

— Тетушка Мими сказала, что ты должен уложить их спать. Уже поздно.

— Ну, так пусть идут спать. Я их не держу.

— Тетушка Мими сказала, что ты сам должен уложить их. Иначе они будут шалить всю ночь.

— А как же девочки? Я за девочек не отвечаю.

— Тетушка Мими сказала, что проследить за детьми должен ты, а я буду помогать ей умываться.

— Но за девочек я не отвечаю.

— Иди сам поговори об этом с тетушкой Мими, — отрезала Бетти.

Раубенхеймер не нашел, что ответить. Он сунул обратно в карман листки со стихами, которые, завидев Бетти, спрятал за спину.

— Мы еще побеседуем с вами, — с натянутой улыбкой сказал Фанни Георгу и похлопал его по плечу.

— Тетушка Мими сказала, что комнаты мальчиков и девочек должны быть по разные стороны коридора, — крикнула Бетти ему вслед.

— Бетти, а где тетушка Мими? — спросила, подходя к ним, г-жа Снейман. — Она найдет дорогу обратно?

— С ней же тетушка Марта.

— Тогда все в порядке. Может быть, ты поможешь Карле нарезать пирог и обнести гостей? Не возражаешь?

— Хорошо, тетушка Коти, — любезно ответила Бетти.

Но, отходя от Георга, она снова с досадой передернула плечами, а ее вихляющая походка выражала явное возмущение.

Звучал вальс. Г-жа Лоренс куда-то вышла, но все ее дочери танцевали. Данни по-прежнему кружилась в объятиях Иоганнеса, вернее, Иоганнес кружился в объятиях Данни.

Вот так и пройдет этот вечер, — подумал Георг. Он будет сидеть, зажатый в углу, а гости будут отбивать его друг у друга.

— Мы не даем вам возможности потанцевать, — словно угадав его мысли, сказала г-жа Снейман.

— Я не очень люблю танцевать.

— Так же, как Герхард: танцы не доставляют ему никакого удовольствия, даже когда он танцует с Карлой.

Слушая г-жу Снейман, Георг смотрел на ее точеный, правильный профиль, а когда она повернулась к нему лицом, на Георга глянули все те же спокойные, серые глаза Герхарда.

— Каждому здесь хочется поговорить с вами. Вот мы и подкарауливаем вас весь вечер.

— Мне тоже приятно поговорить со всеми вами, госпожа Снейман.

— Да, конечно, ведь мы вам не чужие. Жаль только, что нет здесь сегодня ваших близких родственников. Вы кого-нибудь из них помните?

— Только дедушку с бабушкой, и то не очень... Бабушку я помню несколько лучше.

— Она была чудесным человеком. Никто

так не умел ухаживать за цветами. При ней Ритвлей был настоящим парком. А теперь...

Музыка смолкла. Лоренс прислонил аккордеон к стулу и вытер лицо. Комната заметно опустела. Тетушка Мими еще не вернулась, а детей, покорно просидевших весь вечер в углу, увел Раубенхеймер. И лишь тетушка Мария по-прежнему сидела, сложив руки на груди.

— Пойдемте со мной, — сказала г-жа Снейман и взяла со стола лампу.

Она повела его через смежную комнату в коридор, а затем дальше, сквозь анфиладу пустых комнат. Г-жа Снейман шла медленно, словно что-то разыскивая. Свет лампы выхватывал из темноты портреты на стенах. Перед Георгом мелькали бороды, гладкие, безбородые лица, фотографии отдельных людей и групповые снимки...

— Вот взгляните, — сказала г-жа Снейман и остановилась. — Видите, это ваша мать, ее брат и ваши дедушка с бабушкой. Нас всех сфотографировали перед церковью в день моей свадьбы.

Г-жа Снейман в пышной фате стояла рядом с красивым молодым человеком в окружении празднично одетых людей. Георг подошел поближе, чтобы разглядеть тех, о ком говорила г-жа Снейман, но увидел лишь отражение лампы в стекле.

— Это было зимой, — рассказывала г-жа Снейман. — Видите, как все одеты. Был прекрасный зимний день, холодный и солнечный. Иногда мне кажется, что теперь никогда больше не будет такой прекрасной погоды, как раньше.

— Моя мать была тогда уже замужем? — спросил Георг.

— Нет, она вышла замуж вскоре после меня. Но ее свадьба праздновалась не здесь, и были приглашены только родственники. А в тот день, я помню, на ней было голубое пальто и голубая бархатная шляпа. Она всегда очень хорошо одевалась...

Едва различимые черты, мягкий поворот головы — неужели это его мать? Ему вспомнилось, как она поворачивала голову, чтобы посмотреть на горы за окном, и жаловалась, что горы давят на нее.

Г-жа Снейман медленно шла дальше, останавливаясь возле каждой фотографии и давая пояснения Георгу. Ровным, спокойным голосом она рассказывала ему об арестах, пытках, убийствах. Воспоминания не заставили ее сгорбиться, рука, державшая лампу, не дрожала. В комнатах было пусто и холодно. Их шаги гулко звучали по паркету. Она уверенно двигалась в полутьме, словно гид, ведущий посетителя по пустому дворцу или под сводами церкви, вдоль фресок и алтарей; как сторож музея со связкой ключей или монахиня, показывающая древние реликвии и объясняющая забытые предания: вот святой Себастьян, пронзенный стрелами, вот святой Лаврентий в огне, вот святая Варвара, ожидающая удара меча... приглушенный голос, тусклый свет и слабый, едва ощутимый запах ладана...

— Все вещи в этом доме представляют большую ценность, — сказала г-жа Снейман. — Я бы не отдала их ни за какие деньги. Надеюсь, вы понимаете меня, Георг.

Он молча кивнул, не зная, что ответить. Стояла такая тишина, словно они были одни в пустом доме.

— Я хорошо знала всех этих людей. Я помогала им и боролась вместе с ними...

Дверь в комнату бесшумно отворилась, и Георг различил в полумраке чьи-то фигуры. На пороге стоял Иоганнес в расстегнутой рубашке, а из-за его плеча робко выглядывала растрепанная Данни. Потом из темноты вынырнула ее рука и оттащила Иоганнеса назад. Дверь так же бесшумно закрылась. Все это произошло очень быстро, и у Георга на секунду возникло сомнение, что он действительно видел их.

— Важно, чтобы ничто не забылось, — продолжала г-жа Снейман. — Иногда я чувствую, что мой долг сохранить эти вещи и позаботиться, чтобы люди не забывали о происшедшем. Ведь есть у нас кое-кто, кому нет дела до прошлого, есть такие, кого все это не волнует...— Она вздохнула.— Поэтому я так рада, что вы вернулись сюда, Георг.

— Боюсь, у меня только личные мотивы...

— Это неважно. Главное, что вы здесь.

Она повела его обратно, освещая лампой дорогу, и вскоре он снова услышал музыку. Г-жа Снейман открыла дверь в гостиную.

— А теперь вы должны рассказать мне что-нибудь о своей матери, — сказала она.

— Коти, — позвала тетушка Мими, которую тем временем привели обратно и снова усадили в кресло.

Г-же Снейман пришлось поставить лампу на стол и подойти к ней.

— Идите сюда, Георг! Где ваш стакан? —

крикнул Хаттинг.— Идите, я налью вам еще. Пейте и веселитесь! Мы, можно сказать, и не видели, как вы танцуете. Неужели вы стесняетесь?

Он громко засмеялся, хлопнув Георга по плечу, и, понизив голос, принялся рассказывать какой-то анекдот.

— Я тут играю не переставая, — сказал Лоренс. — Давайте-ка я чокнусь с вами разок, Георг. Не каждый день случается чокнуться с человеком, приехавшим из-за границы. — Он выпил слишком много, и язык у него заплетался. — Ну, как вам нравится наша манера веселиться? Хорошая еда, хорошая музыка, несколько стаканчиков и большая компания. У нас тут хорошенькие девушки, верно, Георг? — Он придвинулся поближе. — И прекрасный дом для игры в прятки. Иногда ведь появляется желание поиграть в эту игру, я прав? — Засмеявшись, он попытался толкнуть Георга локтем в бок, но промахнулся и закачался. — Да я все понимаю, можете мне ничего не говорить.

Но Георг и так не собирался ничего ему говорить.

К ним подошла г-жа Хаттинг.

— Вет, ты, наверное, устал?

— Да что ты, устал! Я еще полон сил, посмотри на меня, я бодрее любого молодого.

Г-жа Хаттинг озабоченно разыскивала кого-то глазами.

— Что у меня за дети! Теперь Иоганнес куда-то запропастился...

— Да что ты о них беспокоишься, Марта? Садись-ка лучше со мной рядом и давай поговорим.

— Я очень устала,— сказала она.— Я теперь уже не могу засиживаться так долго, как прежде.

Георг отошел от них. Комната снова почти опустела. Гости разбрелись кто куда, и лишь несколько человек по-прежнему тихо сидели по углам.

В самом деле поздно, — подумал он. — Наверное, теперь уже можно уйти спать?

Две дочери Лоренсов загородили ему дорогу. Это, должно быть, Ханни и Хенни, — подумал Георг и сдержанно приветствовал их поклоном и поднятым стаканом. Они захихикали, но и не подумали пропустить его.

— В чем дело? — спросил Георг, и они снова захихикали, подталкивая друг друга.

— Мы все удивляемся, почему вы не танцуете, — сказала одна.

— Вы танцевали сегодня всего один раз.

— С мамой...

— Вы что, не любите танцевать?

— Все молодые люди куда-то исчезли, а мы сидим тут одни, разве это хорошо?

Сестры нерешительно переглянулись.

— Вы потанцуете с нами? — быстро спросила одна, и обе так и прыснули.

— С которой из вас? — спросил Георг.

— С обеими.

— Сначала со мной, я старше.

— А потом со мной.

— Папа, сыграй нам вальс!

Зазвучала музыка, и девушка решительно притянула Георга к себе. Она, вероятно, еще школьница, — подумал Георг, — ей лет шестнадцать, не больше. Тем не менее у нее была фигура вполне зрелой женщины,

а ее глаза глядели на Георга вызывающе. Он почувствовал, что тонет в мягкой теплоте этого тела с его особенным запахом молодости.

— Простите, — сказал он, — я не очень хорошо танцую.

— Очень даже хорошо, — глядя ему в глаза, возразила она.

— Уже поздно, и я слишком устал.

Подошедшая к ним г-жа Лоренс услышала его последние слова.

— Конечно, Георг устал, — сказала она. — Что вы к нему пристали? Вы разве еще не натанцевались?

— Нет, не натанцевались, — проворчала одна из девушек.

— Оставьте взрослых в покое. Пойдите лучше поищите Данни. Бог знает, куда она запропастилась...

Она оттеснила дочерей в сторону и взяла Георга под руку.

— Что-то я вас почти не видела весь вечер? Конечно, я понимаю, вы были заняты важными разговорами с важными людьми. Но мы должны еще разок с вами станцевать. Пусть не сейчас, потом...

Она усадила его рядом с собой и зевнула.

— Посмотрите, тетушка Мария застыла как изваяние. Интересно, почему она не идет спать? А тетушка Мими — ей бы только сидеть у всех на дороге и портить людям настроение.

— Тетушка Мими уже засыпает, — заметил Георг.

— Ну и шла бы к себе. Так нет же, она будет сидеть и за всеми следить, чтобы потом было о чем посплетничать.

— По-моему, она вполне безобидна.

— Мне вы это можете не говорить, — возразила г-жа Лоренс, глядя в свой стакан. — Если бы я вам рассказала, какие слухи она умудряется распускать, даже не выходя из дому... — Она выпрямилась и оживилась. — Да, конечно, она считается больной, но, если хотите знать мое мнение, все это — выдумки. Я куда больше пережила в своей жизни. Если бы я вам все рассказала... Но вы же видите, я вполне в форме. А ей просто хочется, чтобы с ней возились...

Георг зевнул.

— Она старуха, а вы еще молоды, — сказал он в слабой надежде умиротворить г-жу Лоренс. Но это не помогло.

— И что она, собственно, знает о трудностях? — продолжала г-жа Лоренс. — Вот я действительно много испытала. Но вы ведь об этом не знаете. Я вам ничего не рассказывала? Так вот, когда мы с Ветом поженились, мы жили в городе. Да я никогда бы и не вышла замуж за фермера. Вет тогда работал на фабрике. Он был бригадиром, и у него под началом было тридцать человек. У нас был прекрасный дом и все, что нужно. Думаете, я просто так говорила, что привыкла к лучшему? Но когда начались *волнения,* все перевернулось вверх дном. Фабрика закрылась, начались беспорядки, у наших соседей сгорел дом... Вот мы и решили, что лучше всего временно переехать на ферму. Да и отец Вета был уже немолод, и ему было трудно управляться одному. Мы упаковали все наше добро, сели в машину и поехали...

Георг даже не пытался вслушаться в рассказ о приключениях тетушки Локи и дядюшки Вета. Никто не танцевал, но Лоренс по-прежнему сидел с аккордеоном, наигрывая какую-то унылую мелодию. У него слипались глаза, и он прислонился к стене. Тетушка Мими задремала, вцепившись в свои палки, тетушка Мария тоже, кажется, спала.

— И вот сижу я на чемоданах, караулю их, — рассказывала г-жа Лоренс. — Ах, господи, знала бы — могла бы и не трудиться, все равно ничего не уберегла. Все пропало: мои платья, кошелек с деньгами, обручальное кольцо с бриллиантом... И вот сижу я, — повторила она, — а кругом кромешная тьма. И вдруг я слышу, как кто-то приближается к машине...

Зачем он сюда приехал, зачем потратил столько денег и времени на эту бессмысленную поездку? Он еще не был на вилле матери. Лучше бы съездил туда и разобрал вещи. Или сидел бы сейчас с друзьями, курил и слушал музыку — Люлли и Рамо. Они открыли бы окна, и шторы бы слегка колыхались от ночного воздуха. Спокойный рассеянный свет, тихая музыка, огни города за окном и теплый весенний воздух...

— ... он ударил меня по лицу, но я не растерялась и схватила лом...

Георг открыл глаза. О чем она рассказывает? — удивленно подумал он. Г-жа Лоренс сидела, положив ногу на ногу, и, не выпуская стакана из рук, бодро продолжала рассказывать.

... — он упал, и у него по лицу потекла кровь...

И как его угораздило впутаться во все это? Ехать сюда, чтобы рыться среди развалин, было настоящим безумием. Что он хотел здесь найти?

— ...на нашу машину нападали пять раз,— весело рассказывала г-жа Лоренс, — и когда появился пятый...

К ним подошла Карла.

— Хотите кофе, Георг? — спросила она. — Тетушка Локи, там принесли кофе.

Г-жа Лоренс замерла на полуслове.

— Да, да, хорошо, — недовольно буркнула она.

— Я сейчас приду, — сказал Георг.

Гости один за другим возвращались в комнату.

— Пойдемте и мы выпьем кофе, — предложил Георг, но г-жа Лоренс ничего не ответила.

Георг поднялся.

— Она воображает себя здесь хозяйкой, — проворчала г-жа Лоренс. — Ей не терпится выскочить за Герхарда. Конечно, он красивый молодой человек, но она еще из-за него наплачется. Уж я-то знаю! — Вид у нее был усталый, лицо опухло, глаза покраснели. — А стать невесткой Коти только ради того, чтобы заполучить Герхарда в постель... Она даже не заметила, что Георг отошел от нее.

— Как вам сегодняшний вечер? — спросил Георга Пауль.

— Жаль, что не могу спросить тебя о том же. Ты ведь исчез сразу после ужина.

Пауль подал ему чашку.

— Нравится вам здесь? — снова спросил

он. — Натанцевались? Что-то у вас не слишком веселый вид.

— Я много выпил и очень устал.

— Может быть, пойдем спать?

— Да, я хочу лечь.

Уже так поздно, что никто не обидится, если он исчезнет.

— Пошли прямо сейчас, — сказал Пауль. — Тогда мы сможем еще немного поговорить.

— А разве ты не хочешь спать?

— Завтра утром вы уедете, а мне нужно с вами о многом поговорить.

— Пауль, где ты был все это время? — сердито спросила подошедшая к ним г-жа Хаттинг. — Я тебя весь вечер искала. Даже посылала Хендрика, чтобы он посмотрел на улице. Что о тебе подумают люди, такая невоспитанность...

— Георг, вы уже пили кофе? — спросила г-жа Снейман.

Она тоже выглядела усталой, но оставалась по-прежнему спокойной, с улыбкой обходя гостей и предлагая им кофе.

— Иоганнес, еще кофе? Вет, ты будешь пить кофе?

Лоренс наигрывал какой-то заунывный мотив. Раубенхеймер сидел, держа чашку обеими руками, и зевал. Девушки собрались в углу комнаты и о чем-то шушукались.

— Садитесь, — предложила Карла, и Георг сел рядом с ней и тетушкой Марией.

— Вы не идете спать? — спросил Пауль.

— Сейчас приду, вот только допью кофе.

— Тетушка Локи сердится, что я прерва-

ла ваш разговор, — заметила Карла. — Она рада каждому новому слушателю.

— Я плохо понял, о чем она рассказывала, — сказал Георг. — Что-то про то, как они ехали из города на ферму.

— Тетушка Локи всегда все преувеличивает. Она пережила не больше других. Для нее главное, чтобы кто-нибудь ее слушал.

Сидевшая рядом тетушка Мария открыла глаза и неожиданно засмеялась.

— Вы говорите сейчас так же язвительно, как Пауль, — сказал Георг.

— От всех этих историй устаешь. Вы здесь новый человек, и, вероятно, на вас это производит впечатление, а у меня уже нет сил слушать одно и то же.

— Нельзя быть такой строгой, детка,— жалобно проговорила тетушка Мария. — Вы молоды, у вас еще все впереди. Не будьте же такими жестокими.

— Иногда жестокость необходима, тетушка Мария, — мягко ответила Карла.

— Может быть, и так, но ведь это причиняет людям боль. Мы много пережили, детка. Жизнь обошлась с нами сурово, мы упали с большой высоты и разлетелись в разные стороны.

— Как звезды с неба... Как сухие листья на ветру... Все уже в прошлом, — задумчиво проговорила Карла и, повернувшись к тетушке Марии, ласково взяла ее за руку.

В комнате почувствовалось какое-то оживление.

— Что там происходит? — спросил Георг.

— Тетушка Локи восстала из мертвых, — сказал Пауль и показал на г-жу Лоренс, ко-

торая суетилась среди гостей, пытаясь что-то организовать.

— Надеюсь, она не собирается петь народные песни? — сказала Карла.

— Она хочет заставить петь своих дочерей, — поднимаясь со стула, ответил Пауль. — Ну, я пошел.

Г-жа Лоренс вытащила дочерей на середину комнаты. Сонные и недовольные, они стояли, тесно прижавшись друг к другу, и ждали, пока Лоренс проиграет вступление.

Сидела на пригорке,
Веночек я плела,
А ты все не приходишь,
Хоть я давно пришла, —

запели девушки слегка надтреснутыми голосами. Георг повернулся к Карле, которая сидела, положив голову на плечо тетушки Марии, и заметил, что она не слушает песню.

— Вы помолвлены с Герхардом? — тихо спросил он.

— Кто вам это сказал?

— Г-жа Лоренс.

— А, тетушка Локи... — она пожала плечами. — Люди многое говорят, но не стоит все это принимать на веру.

Настроение у нее явно испортилось, и она снова говорила сухо и отчужденно.

Я думала с тоскою... —

продолжали петь девушки под грустное всхлипывание аккордеона. В комнате было тихо, и лишь время от времени слышался чей-нибудь шепот или скрип стула. Неожиданно в тишину ворвался громкий лай собак.

Когда они сюда приехали, собаки тоже лаяли, вспомнил Георг.

Музыка оборвалась.

— Что случилось? — спросил Георг.

Никто не ответил. Мужчины вскочили на ноги, опрокидывая стулья. Герхард бросился к двери и выбежал в коридор. Иоганнес и Хендрик последовали за ним. Испуганные девушки застыли посреди комнаты. Собаки лаяли с таким бешенством, словно готовы были сорваться с цепи. Вскоре из коридора донеслись какие-то крики и стук сапог.

— Что там происходит? — снова спросил Георг.

— Это полиция, — сказала Карла.

Георг увидел, как в комнату, подталкивая перед собой Герхарда и двух братьев, вошли несколько человек в форме. Один из полицейских ударил Герхарда по лицу. Тот упал. События развивались так стремительно и непонятно, что у Георга возникло ощущение, будто он смотрит какой-то старый фильм и время от времени на экране пропадает звук. Перед его глазами что-то мелькало, люди торопливо двигались по комнате, кричали, но слов не было слышно. Рядом с Георгом остановился полицейский, и Георг скорее догадался, чем услышал, что ему приказывают предъявить паспорт. Раздался звон разбитого стакана, загрохотали по полу сапоги, послышались громкие голоса, а затем звук снова пропал. Другой полицейский подошел к Раубенхеймеру, и Георг увидел, как полицейский ударил Фанни по лицу. Зашатавшись, Фанни свалился на пол, медленно и бесшумно, как человек, двигающийся под во-

дой. Стоявшие у двери полицейские засмеялись, но Георг видел лишь раскрытые рты, из которых не вырывалось ни звука.

Затем полицейские повернулись и вышли так же неожиданно, как появились, уведя с собой Герхарда, Иоганнеса и Хендрика.

Оставшиеся в комнате оцепенели в молчании. Гнетущая тишина внезапно взорвалась громким, отчаянным рыданием. Георг обернулся и увидел плачущую Данни и бледное лицо Карлы. Тетушка Мими, словно взывая о помощи, протягивала вперед дрожащие руки. Хаттинг неподвижно стоял, обнимая жену за плечи. Потом Бетти опустилась на колени возле Раубенхеймера и осторожно вытерла ему лицо платком.

«На этом платке кровь, Георг»,— сказала г-жа Снейман и сунула платок ему в руку. Он открыл глаза. Было еще совсем темно. Зачем она дала мне платок? — удивленно подумал Георг. Он поднял голову и увидел спящего рядом Пауля. Значит, все это ему просто приснилось.

Он спал беспокойно и часто просыпался. Короткие отрывочные сновидения быстро сменяли друг друга. И лишь под утро, когда начинало светать, он наконец погрузился в глубокий сон.

Ему снилось знакомое побережье под тяжелым, свинцовым небом. Дул сильный ветер, за спиной бушевало море. Задыхаясь, он с трудом бежал по рыхлому песку и что-то громко и отчаянно кричал. Ветер уносил его слова. Неужели он никогда не выберется отсюда? — в ужасе подумал он. Вдруг все стихло. Прямо перед собой Георг увидел

большой белый дом и узкую тропинку, по которой медленно шла женщина. Да, конечно, — вспомнил он, — там был такой дом с башенками и балкончиками. Он вскрикнул от радости, и, услышав его крик, женщина обернулась и остановилась, поджидая его...

— Я должен извиниться перед вами, Георг, за то, что вчера произошло, — сказал Хаттинг. — Вернее, за то, что мы уговорили вас остаться, и вы оказались втянутым во все это. Но нам так хотелось, чтобы вы погостили у нас подольше...

— Ну что вы. Скорее, я должен извиниться перед вами. Ведь вы устроили этот вечер ради меня. Если бы мы не поехали вчера в Коммандодрифт, может быть, ничего бы и не случилось.

— Не в этом дело. Они все равно бы их арестовали. По чистой случайности им удалось сделать это одним махом, а иначе они бы вытащили ребят из постели. Это их обычный метод. Они приходят ночью, перед самым рассветом. Если бы вы знали, как часто я просыпался по ночам от каждого шороха. Просыпаешься, и кажется, что слышишь шум подъезжающих машин и стук в дверь. Вы же видите, они следят за каждым нашим шагом. Они знали и то, что мы соберемся в Коммандодрифте. Нам от них никуда не деться, они могут делать с нами все, что им вздумается.

— Но, вероятно, над вашими сыновьями и Герхардом будет суд? И может быть, их выпустят.

— Какой там суд! Захотят — выпустят, а

не захотят — не выпустят. Отчитываться перед нами они не обязаны.

— Но это просто невозможно себе представить!

— Такова наша жизнь. А что мы можем поделать?

Хаттинг опустил голову. Г-жа Хаттинг молча возилась у плиты. Все утро они ни о чем не разговаривали, и даже отъезд из Коммандодрифта прошел в молчании. О случившемся накануне не упоминали, словно ничего и не произошло. Только вид комнаты: опрокинутые стулья, разбитые стаканы, сорванный со стены флаг — напоминал о событиях прошлого вечера. На прощание все обняли г-жу Снейман и тетушку Марию. После отъезда гостей женщины остались одни в пустом доме.

Школьники стайкой испуганных птенцов забились в кузов фургона. Хаттинги молча ехали в машине Георга и так же молча попрощались с обитателями Модерсгифта; Раубенхеймер протянул Георгу руку и растерянно поглядел на него сквозь разбитые стекла очков. Бетти кивнула Георгу и потянула Раубенхеймера обратно к фургону. Тетушка Мими, сжавшись, сидела в глубине кузова, а когда Георг подошел попрощаться, отвернулась и не пожелала на него взглянуть...

— Трое наших лучших парней, — сказал Хаттинг. — Наша надежда, наше будущее...

Голос его прервался.

— Хенни, — укоризненно проговорила г-жа Хаттинг.

— Извините меня, Георг, — сказал он, беря

себя в руки. — Но это для нас слишком тяжелый удар...

— Хенни, Георгу пора собираться.

— Чем вам помочь? — спросил Георг. — Я не могу уехать и оставить вас так.

— Ничем здесь не поможешь. Поезжайте, Георг. Мы и так слишком долго вас задерживали.

— Я приготовила вам в дорогу бутерброды, — сказала г-жа Хаттинг, — и положила немного сушеных персиков.

Она протянула ему сверток.

— Спасибо, г-жа Хаттинг.

— Вот вы и уезжаете, — голос ее звучал глухо, глаза были заплаканы. — У меня такое чувство, словно я теряю последнего из своих детей.

— У вас есть еще Пауль и Карла.

— Да, конечно, — печально кивнула она.

— Извините, г-жа Хаттинг, но мне нужно собрать вещи.

Ему потребуется всего несколько минут, чтобы упаковать чемодан, но он был рад воспользоваться этим предлогом, потому что перед чужим горем чувствовал себя совершенно беспомощным.

Георг уже заканчивал сборы, когда в дверь постучали и в комнату вошел Пауль.

— Вы все-таки уезжаете? — спросил он, присаживаясь на кровать.

Георг кивнул.

— У меня ваша рубашка.

— Если хочешь, оставь ее себе.

Пауль ничего не ответил. Но когда Георг нагнулся закрыть чемодан, Пауль порывисто схватил его за руку.

— Возьмите меня с собой.

— Куда?

— За границу.

— А что ты собираешься делать за границей?

— Не знаю. Это неважно. Я хочу уехать отсюда, — сбивчиво говорил Пауль. — Вы же видели, что произошло вчера. Я не хочу, чтобы это случилось и со мной. Я не хочу закончить свою жизнь так, как Герхард и мои братья. Я не хочу стать таким, как папа, дядюшка Вет, как Фанни с его стихами...

Георг попытался высвободить руку, но Пауль не отпускал ее.

— Я, конечно, могу подвезти тебя до деревни... Если хочешь, поезжай вместе со мной в город...

— Нет, все это слишком близко, — прервал его Пауль. — Там я от них не скроюсь.

— От кого?

— От полиции, от своих... от всей этой жизни... Я должен уехать очень далеко, чтобы они никогда меня не разыскали.

Продолжая судорожно сжимать руку Георга, Пауль соскользнул с кровати и встал перед ним на колени.

— Это моя единственная возможность, другой у меня не будет. Вы должны мне помочь. Помогите же, я боюсь, боюсь...

Он прижался головой к коленям Георга и заплакал.

— Но это невозможно, — попробовал урезонить его Георг. — Ты сам знаешь, что это невозможно. У тебя ведь, наверное, еще и паспорта нет. Ты не можешь просто так

взять и уехать. Да и как ты оставишь родителей одних?

— Помогите мне, — всхлипывая, повторял Пауль, — помогите. Я не могу здесь оставаться.

— Ты же сам прекрасно понимаешь, что тебя не выпустят со мной за границу. — Георг достал из кармана бумажник. — Вот, возьми. Может быть, они тебе при случае пригодятся...

Это были все его наличные деньги. Он вынул их из бумажника и протянул Паулю. Глазами, полными слез, Пауль растерянно поглядел на Георга и машинально взял деньги.

Георг отошел к окну и закурил. За окном тускло светило солнце, ветер раскачивал деревья. Из-за сарая слышался стук топора. Жизнь продолжалась.

— Мне пора, — сказал Георг. — Иначе я опоздаю на поезд.

Пауль поднялся с пола. В руке у него были зажаты скомканные деньги. Георг подошел попрощаться, но Пауль смотрел на него застывшим, невидящим взглядом.

Георг закрыл чемодан и вышел из комнаты. Он прошел через кухню, мимо сидящих за столом хозяев, и, выйдя во двор, зашагал на стук топора. За сараем Карла колола дрова. Она была так поглощена работой, что даже не заметила Георга.

— Карла, я уезжаю, — сказал он.

Девушка обернулась.

— Ну что ж, — равнодушно ответила она и откинула волосы со лба.

— Мне очень жаль... — неуверенно начал он, но Карла резким движением остановила его.

— Можете ничего не говорить. Уезжайте.

Георг не уходил, хотя ему было ясно, что она не собирается продолжать разговор.

— Что они все-таки сделали?—спросил он.

— Нам совсем не обязательно делать что-то особенное. Мы виноваты уже в том, что просто живем на свете.

— Но из-за чего их арестовали? Должна же быть хоть какая-то причина. Вы одна можете объяснить мне, что произошло.

— Они участвовали в заговоре,— после некоторого колебания неохотно сказала Карла.

— В заговоре? Я и не представлял себе, что здесь это еще возможно.

— Значит, хоть перед отъездом вы что-то поймете. Сколько я себя помню, люди здесь всегда мечтали о перевороте. Это их единственная надежда.

— Так из-за этого взорвали Ритвлей?

— Почему вы думаете, что ваша ферма имеет к этому какое-то отношение?

— А кто бы стал иначе взрывать заброшенную ферму?

Она снова на секунду замолчала.

— Когда ваши родственники оттуда уехали, в их доме стали хранить оружие. Там был погреб и множество других удобных мест.

По-видимому, Карла считала, что сказала уже достаточно и разговор окончен. Но Георг не уходил.

— И поэтому вы там бывали? Поэтому-то вы и знаете, что раньше в Ритвлее росли розы и была запруда?

— Вы, кажется, до сих пор не поняли, что здесь, если хочешь что-то узнать, лучше всего вообще ни о чем не спрашивать?

— Увы, я все еще надеюсь, что хоть на один мой вопрос мне ответят откровенно.

— И что тогда?

— Тогда я, может быть, сумею кое в чем разобраться.

Она отошла в сторону и присела на дрова.

— Как-то раз там прятали раненого. Его нельзя было оставлять одного, и меня попросили побыть с ним. Тогда я была на ферме, единственный раз до того, как поехала туда вместе с вами.

— Расскажите поподробней, — попросил Георг.

Он думал, что Карла откажется, но она вдруг заговорила без всякого раздражения и даже с видимой охотой, словно ей самой хотелось рассказать о наболевшем.

— Однажды вечером, когда уже стемнело, Иоганнес отправился туда и взял меня с собой... Мы шли пешком через поле. Он сказал, что придет за мной на следующий вечер. Целую ночь и весь день я оставалась там одна с незнакомым человеком...

— Но это же опасно.

— Даже очень опасно, но тогда я об этом не думала. У каждого в жизни бывает что-то важное, что-то такое, чего ждешь всю жизнь и к чему готов всегда.

— Что, например?

— Теперь уже не знаю, а вот раньше знала. Люди с годами меняются и нередко перестают верить в то, во что верили раньше.

Он поглядел на ее склоненную голову с коротко остриженными волосами.

— А как тогда выглядел дом?

— Ферма Ритвлей? — удивленно переспро-

сила Карла. — Это был большой дом, с камином, с длинным коридором и комнатами по обеим сторонам. Но дом был пуст, в нем ничего не осталось. В комнате, куда меня привели, валялись несколько ящиков и прямо на полу лежали матрасы. Когда-то там, наверно, была кладовая, из стен еще торчали крюки для полок. Эта комната оказалась самой подходящей, потому что в ней было две двери. Там-то я и просидела целые сутки возле раненого. А потом за нами пришел Иоганнес... Вот и все.

— А вы не боялись?

— Нет, не боялась, сама не знаю почему. Наверно, была слишком молодая и глупая. А ведь было чего бояться: одна в пустом доме, с раненым, который всю ночь бредил. У меня были свечи, но Иоганнес не велел их зажигать. Поэтому, когда совсем стемнело, мне оставалось только сидеть, укрывшись одеялом, и ждать брата.

Она подняла с земли щепку, рассеянно повертела ее в руках, а затем неожиданно улыбнулась и продолжала:

— А перед рассветом и потом, вечером, пока не стемнело, я ходила к запруде за водой. Я пробиралась через сад, сквозь кусты роз, шипы все время цеплялись за одежду... Вот откуда я знаю про розы и запруду.

— Ферму взорвали вскоре после этого?

— Нет, это случилось позже, через несколько месяцев, когда полиция напала на след. В Ритвлее скрывались трое парней. В погребе они прятали оружие. Полиция окружила дом, но они отказались сдаться и долго отстреливались. В конце концов всех

троих убили. Они лежали в кухне, на цементном полу, лужа крови растеклась до самой двери. Люди до сих пор не могут забыть эту кровь. Фанни даже написал стихи...— Она печально усмехнулась.— Совсем молодые парни, не старше Герхарда. И они лежали мертвые на цементном полу в кухне...

Георг молчал.

— Но вас все это, кажется, не особенно волнует, — с горечью заметила Карла. — Вас интересует только ферма, только дом, где когда-то жила ваша мать. Но этот дом разрушен, от него не осталось камня на камне. Солдаты взорвали ферму и плотину, вырубили ваш сад. Ничего больше нет, все теперь в прошлом. Хоть это вы понимаете?

— Понимаю. Но для меня и прошлое имеет значение.

— Смерть тех парней тоже имела значение, но мы должны жить дальше.

— Тетушка Мария права, говоря, что вы жестоки.

— Это все, что вы хотите сказать?

— Вы не просто жестоки, вы безжалостны.

— Ну, а еще?

— А что, вы все это уже о себе знаете?

— Неужели вы думаете, что здесь можно выжить, не став жестокой и безжалостной?— спросила она без прежней резкости в голосе, потом отвернулась и закрыла лицо руками.

— Я вас обидел?

Она покачала головой.

— Нет. Люди должны говорить то, что думают.

— Как же вы можете выносить такую жизнь?

— Долг, привязанности, привычки... не знаю. Я здесь выросла, здесь моя родина. И все же иногда необходимо хоть с кем-нибудь поговорить откровенно.

— С кем же здесь вы можете быть откровенны?

— Не знаю. Наверно, только с Паулем. Он многого не понимает и сам еще не знает, чего хочет, но по крайней мере он слушает и не возражает.

— Что же с вами будет дальше?

— Почему вас это беспокоит?

— Так жить нельзя. Вам надо уехать...

Она рассмеялась.

— Куда?

— Вы можете уехать со мной.

— С вами? Куда?

— Туда, куда еду я. За границу, в Европу.

— Меня не выпустят, — не задумываясь, возразила она.

— Вас выпустят как мою жену...

Карла внимательно посмотрела на Георга.

— Вот как? Это что же, предложение? — серьезно и в то же время чуть насмешливо спросила она.

— Я хочу вам помочь. Брак, разумеется, чистая формальность.

— И что же я буду делать за границей?

— Начнете там новую жизнь...

— Такую же, как ваша? Зачем? Чтобы все время тосковать и пережевывать воспоминания? Чтобы так же, как вы, вечно мучиться угрызениями совести?

Георгу снова вспомнилась мать: запрокинутая голова на подушке... безжизненно ле-

жащая на одеяле рука... золотой браслет на исхудавшем запястье...

— Но разве жизнь здесь лучше? — спросил он.

— Здесь то же самое: все поглощены воспоминаниями, своими горестями и обидами, мечтают о прошлом и надеются, что оно вернется. Но оно никогда не вернется, никогда! — Она порывисто вскочила на ноги и продолжала: — Все помешаны на прошлом, все — и здесь, и там, за границей. У моих братьев голова была забита старыми, затасканными лозунгами, они боролись за то, чтобы вернуть мир, которого даже не знали. Теперь они арестованы. Мы никогда больше их не увидим. Страшно подумать, что с ними будет. Но все напрасно, все бессмысленно. Если бы я могла верить в то, чем живут мои родители, мне было бы легче, но ведь это одни слова, за ними ничего нет.

— Неужели и после их ареста ничего не изменится?

— Конечно. Люди никогда не теряют надежду. Здесь стольких арестовывали и убивали, но потом кто-нибудь обязательно начинал все с начала. — Она усмехнулась. — Нам бы радоваться, что арестовали только их троих, что остальные невредимы...

— Как? В этом замешан кто-то еще?

— Спросите лучше, кто не замешан. Вы до сих пор не поняли? Так вот, однажды ночью они зарыли на кладбище за нашей фермой ящики с оружием, они подняли ломами плиты, они...— Она безнадежно махнула рукой. — К чему я вам это рассказываю? Вы провели у нас целых три дня и не поняли,

что творится вокруг, вы ходили по ферме, абсолютно ничего не замечая. Уж лучше бы так и уехали. Теперь уже вам поздно что-либо узнавать.

— И все-таки вы предпочитаете оставаться здесь?

— Да. Когда что-то неизбежно, нужно понять и примириться, — спокойно и уверенно заявила она. — Сопротивляться бессмысленно. Слезами и мольбами делу не поможешь. Нужно жить дальше, а как — хорошо ли, плохо ли — зависит только от тебя самого. Как видите, жестока и безжалостна не я, а жизнь. Прежний мир исчез и никогда не вернется. Даже если мы все погибнем, пытаясь возродить его. Мы должны научиться жить в новом, изменившемся мире.

Пора ехать, — подумал Георг, но не тронулся с места.

— Вам пора ехать, — словно прочитав его мысли, сказала Карла.

— Да, пора.

— Вы будете вспоминать нас, когда вернетесь домой?

— Да, обязательно. Я буду вспоминать, как вы кололи дрова и стояли вот здесь со щепками в волосах.— Он улыбнулся.— Я буду всегда за вас беспокоиться.

Она улыбнулась в ответ, но тут же решительно покачала головой.

— За меня не надо беспокоиться. Я сама о себе позабочусь.

— Вы что-то задумали?

— Я тоже уеду.

— Куда?

— Пока не знаю, но на ферме я не оста-

нусь.— Она задумчиво посмотрела на Георга. — Я еще никому об этом не говорила, даже Паулю. Родители ничего не знают, я не хочу расстраивать их раньше времени. Обещайте, что не скажете им.

— Конечно, не скажу. Что же вы собираетесь делать, как вы будете жить?

— Не знаю, — снова ответила она. — Но я не хочу жить воспоминаниями, как все вокруг. Я не хочу всю жизнь прятаться и озираться. Я хочу сама прожить свою жизнь, а не прозябать в их выдуманном мире. Я хочу что-то делать, я хочу жить...

— А вы хорошо понимаете, на что идете?

— Еще бы! Я молода и не боюсь работы. Если у человека есть мужество, если он знает, чего хочет, он не пропадет, что бы с ним ни случилось. А мужество у меня есть. Пожалуй, меня ничто уже не испугает.

Георг понимал, что это не пустые слова.

— По-моему, вы поступаете неразумно, но я не хочу вас отговаривать.

— Да это было бы и бесполезно.

— Но я все еще надеюсь хоть чем-нибудь вам помочь.

— Вы выслушали меня, а этого уже больше чем достаточно. Я тоже надеюсь, что немного вам помогла. Вы, кажется, не совсем понимаете, о чем я говорю? У вас такое удивленное лицо. Тем не менее постарайтесь понять меня.

— Хорошо, я постараюсь, — не очень уверенно пообещал он.

— К сожалению, мы с вами говорим на разных языках. Мы так и останемся чужими.

Вы, наверное, никогда меня не поймете. Но все-таки попробуйте.

Она привычным движением откинула волосы назад и принялась складывать дрова.

— Георг! — позвал из дома Хаттинг.

— Вы можете опоздать на поезд, — напомнила Карла.

Она рассеянно провела рукой по лицу и стала медленно отряхивать с одежды щепки.

— Георг! — снова крикнул Хаттинг.

Георг решительно шагнул к девушке.

— Давайте уедем вместе. Еще есть время, вы можете вырваться отсюда. Я вас ничем не связываю, я только хочу помочь. Ради чего мучиться здесь, если там вы можете быть счастливы?

— Нет, — еле слышно проговорила Карла. — Вы так ничего и не поняли.

Она подняла с земли топор и, не оборачиваясь, быстро пошла к дому.

Хаттинг поднес чемодан к машине и пожал Георгу руку. Г-жа Хаттинг обняла Георга и поцеловала. Пауль тоже вышел из дома, но держался в стороне.

— А где же Карла? — спросила г-жа Хаттинг.

— Я не знаю, мама, — ответил Пауль.

— Мы с Карлой уже попрощались, — сказал Георг.

— Все равно, она могла бы прийти. Куда она снова подевалась?

Георг сел в машину, завел мотор и в последний раз взглянул на стоящих на крыльце Хаттинга, его жену и Пауля. В этот момент в дверях дома показалась Карла. Она молча подняла руку, прощаясь с ним. Все-таки

пришла, — подумал Георг и поднял руку в ответ. Хаттинги замахали ему.

Он выехал со двора и вывел машину на дорогу. Перед ним снова было голое поле и затянутое облаками небо. Дорога плохая, ему придется ехать очень медленно. Но у него достаточно времени до отхода поезда. Сегодня вечером он сядет на самолет и уже завтра будет дома.

КАРЕЛ СХУМАН

В родную страну

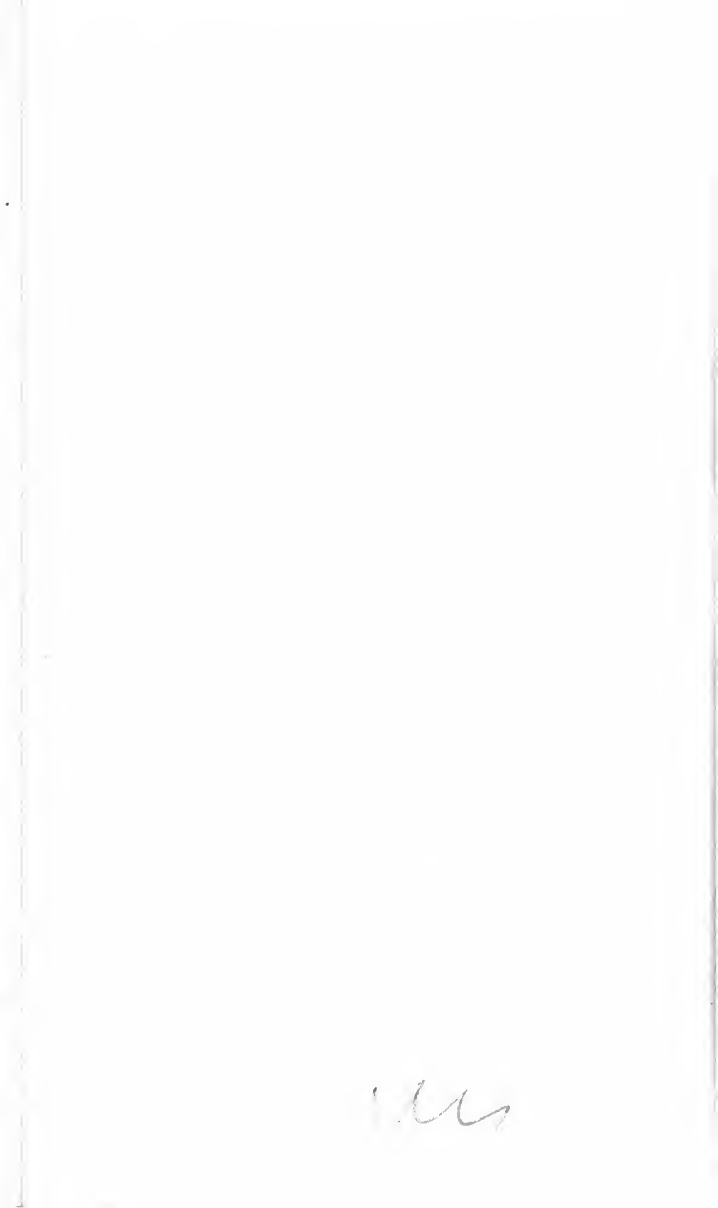
ИБ № 3519

Редактор **А. М. Михалев**
Художник **А. В. Сапожников**
Художественный редактор **А. П. Купцов**
Технический редактор **Е. В. Гоц**
Корректор **В. В. Евтюхина**

Сдано в набор 9.06.1977. Подписано в печать 17.01.1978.
Формат 70×90 1/32. Бумага офсетная.
Условн. печ. л. 8,48 Уч.-изд. л. 8,08
Тираж 50 000 экз. Заказ № 860. Цена 90 коп.
Изд. № 21847

Издательство «Прогресс» Государственного комитета Совета Министров СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли
Москва, 119021, Зубовский бульвар, 21.

Можайский полиграфкомбинат Союзполиграфпрома при Государственном комитете Совета Министров СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли
г. Можайск, ул. Мира, 93.

Цена 90 коп.

